

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТипЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 2, № 1, 2016

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (США)

Буркин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 2, Issue 1, 2016

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'42, 81'25
UDC 81'42, 81'25

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: androsova_s@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ
СОЗДАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА
РОССИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ И АСПИРАНТАМИ
CHALLENGING ISSUES OF CREATING A SCIENTIFIC TEXT
IN ENGLISH BY RUSSIAN BACHELOR,
MASTER AND PHD STUDENTS**

Аннотация

В настоящее время всячески приветствуются публикации магистрантов в ведущих российских и даже мировых периодических научных изданиях, входящих в базы Scopus и Web of Science. В связи с этим, в данной статье рассматриваются трудности подготовки названия, аннотации, ключевых слов и статьи целиком на английском языке. Указывается на необходимость конкретизации мотивации, детализации результатов и выводов, приведённых в аннотации, демонстрируются некоторые лексические и грамматические несоответствия, связанные с обозначением предмета исследования, участников эксперимента, с числом личных местоимений, употреблением глаголов настоящего и прошедшего времени. Анализируется типичная структура англоязычной статьи, приводятся её частотные вариации. Сравняются традиции оформления списка литературы, в частности разные подходы к указанию количества авторов.

Abstract

At present time master's students are encouraged to publish in most cited scientific Russian journals and International journals that are included into Scopus and Web of Science. Therefore the current paper focuses upon challenges of preparing the title, abstract, keywords and the entire article in English. The necessity to particularize motivation of the study, its results and conclusions given in the abstract is pointed out, some lexical and grammatical differences concerning the focus of the study, participants of the experiment, personal pronoun number and the use of verbs in Past and Present are demonstrated. Typical structure of an English original paper is analyzed, its common variation patterns are shown. Traditions of formatting references are compared including different approaches to the number of co-authors stated.

Ключевые слова: аннотация, теоретическая часть, эксперимент, обсуждение, выводы.

Keywords: abstract, introduction, experiment, discussion, conclusions.

1. Введение

В настоящее время к обучающимся на втором и третьем уровнях образования (магистратура и аспирантура) по различным направлениям подготовки предъявляются довольно высокие требования в плане опубликования результатов научных исследований. Всячески приветствуются публикации магистрантов в ведущих российских периодических изданиях (для аспирантов это, как известно, обязательная составляющая). В конце прошлого 2015 года от администрации Амурского государственного университета (далее – АмГУ) впервые поступил запрос о количестве работ, опубликованных магистрантами, в изданиях, входящих в базы Scopus и Web of Science – ведущие мировые периодические издания (далее – ВМПИ). До этого подобный запрос делался только относительно профессорско-преподавательского состава вуза. Опубликование подобных работ, особенно в ВМПИ, является, пожалуй, одним из самых проблематичных и болезненных аспектов для преподавателей российских вузов в целом и АмГУ в частности (включая автора настоящей статьи), не говоря уже о студентах высших учебных заведений. Большинство научных журналов, входящих в базы ВМПИ, издаются, разумеется, на английском языке. Некоторые русскоязычные издания также входят в эти базы.

Подготовка статей в указанные издания предполагает, как минимум, составление названия, аннотации и ключевых слов к статье на английском языке (далее – задача «минимум»), и как максимум – подготовку всей статьи на данном языке (далее – задача «максимум»). Многие студенты вузов, к сожалению, на данный момент не в состоянии самостоятельно выполнить эти задачи. П е р в а я п р и ч и н а состоит в недостаточном уровне владения английским языком как таковым (особенно актуальна для студентов неязыковых специальностей), а в т о р а я объясняется незнанием канонической структуры научной статьи, а именно, её структуры, метаязыка, формата (актуальна для студентов всех направлений подготовки). Т р е т ь я п р и ч и н а, безусловно, заслуживает упоминания, но не относится ни к областям лингвистики, ни к методике преподавания иностранных языков и поэтому не будет рассматриваться в настоящей статье. Это – несоответствие мировым стандартам проведения и описания научного исследования (напр., фрагментарность описания материала и методики исследования, статистически недостаточно представительный материал и некоторые другие несоответствия). В результате во многих случаях (если не в подавляющем большинстве) автор вынужден платить немалые суммы дилерам, которые могут, при должном уровне содержания русскоязычной научной статьи, адекватно подготовить её английский аналог в соответствии с мировыми стандартами.

Цель настоящей статьи – обратиться ко второй причине и схематично представить типичные несоответствия, тем самым предложив заинтересованным лицам своего рода подсказку, которая, возможно, поможет представить результаты научного исследования в ВМПИ самостоятельно.

2. Подготовка названия, аннотации и ключевых слов на английском языке

Указанную во введении задачу «минимум» приходится решать уже студентам-бакалаврам и специалистам независимо от направления подготовки. Рассмотрим типичные сложности в этой сфере.

Зачастую в названиях русских статей фигурируют слова исследование, изучение, анализ тех или иных характеристик объекта. Практика анализа названий работ (преимущественно статей) англоязычных авторов (более 340 [Андросова, 2012, с. 440–473]) и корректировки переведённых с русского на английский язык названий показывает, что частотными ошибочными вариантами могут быть *research* (может фигурировать в тексте статьи, но не в её названии), *exploration* и даже *learning*, тогда как верными вариантами должны быть слова *study* и *analysis*: «Исследование акустических характеристик английских гласных» – «The acoustic study of English vowels» или «Анализ речи в процессе взаимодействия человека с компьютером» – «Conversation Analysis of Computer-Mediated Interactions». Напротив, если имеется в виду изучение иностранного языка, то верным вариантом будет *learning*: «Изучение английского языка русскими студентами» – «English language learning by Russian students».

2.1. Структура и содержание аннотации

Перейдём к аннотации. Иногда проблемы составления аннотации начинаются с самого слова аннотация, неверно переводимого как *annotation* при требуемом *abstract*. Это, так сказать, мелочи жизни, которые сейчас встречаются всё реже и реже. Глобальная проблема, однако, состоит в непонимании самой сути англоязычной аннотации. Следует помнить, что стандартный объём аннотации должен находиться в пределах 50–200 слов. При этом нельзя ограничиваться формальной аннотацией в виде нескольких предложений смутно-абстрактного содержания типа нижеследующих.

(1) Статья посвящена проблеме разработки месторождений цинка открытым способом. Рассматриваются основные технические сложности, проблемы переработки добытой руды и способы устранения экологических последствий. Приведены результаты полевого эксперимента, сделаны основные выводы.

Так выглядят многие аннотации во многих русскоязычных журналах и сборниках, и, к сожалению, это неприемлемо для ВМПИ. Необходимо представить конкретную мотивацию исследования, связанную со степенью изученности проблемы, обозначить объект и предмет исследования, кратко описать суть эксперимента и привести конкретные выводы относительно его результатов. Реальность такова, что статьи из ВМПИ чаще всего нельзя найти в свободном доступе. Бесплатно можно ознакомиться только с аннотацией. Поэтому читатель должен, ознакомившись с аннотацией, понять, нужна ли ему эта статья, и очень захотеть её приобрести. Вышеуказанный пример едва ли вызовет подобное желание.

В м о т и в а ц и и должно быть краткое указание на актуальность и новизну исследования. В нижеследующем примере авторам статьи удалось это сделать в рамках одного предложения структуры «Несмотря на то, что данный аспект важен для ..., ему посвящено небольшое количество работ» (здесь и далее подчёркиванием обозначены ключевые слова и фразы структуры).

(2) Although vowel quality is an important cue to the perception of English lexical stress, few studies have examined the role this cue plays for non-native speakers [Zhang, Francis, 2010, p. 260].

Далее обычно приветствуется указание на то, в чём результаты настоящего исследования схожи с результатами, ранее полученными другими исследователями и авторами настоящей статьи.

(3) In the acoustic study, vowel duration differences in disyllabic tokens replicated previous findings in that vowels preceding /d/ were significantly longer than those preceding /t/ [Herd et al., 2010, p. 504].

Затем обязательно указываются новые результаты и в чём состоят расхождения с предыдущими результатами. Здесь могут использоваться разные структуры от очень простых типа «Было выявлено / обнаружено / Выяснилось / Оказалось, что ...» (см. пример 4) с вариациями «Во-первых / Во-вторых / В-третьих ... » (см. пример 5) до более сложных типа «В отличие от результатов предыдущих исследований / результатов, полученных ранее ...» (см. примеры 6–7).

(4) *It was discovered that ...*

(5) *The first / second / third finding was that ...*

(6) Contrary to past research, neither word frequency nor morphological complexity affected flap frequency in the present study [Herd et al., 2010, p. 504].

(7) Unlike previous research, this study uses nonarbitrary values to distinguish flapped from unflapped tokens and draws connections between the acoustic and perceptual results [Herd et al., 2010, p. 504].

Следует указать, чем объясняются такие результаты и что нового они вносят.

(8) These findings can be explained in terms of language-specific or cue-specific influence, and provide new insight into the relationship between production and perception in second language speech learning [Zhang, Francis, 2010, p. 260].

Особо подчеркнём, что ни в одной из проанализированных статей англоязычных авторов не фигурируют типичные для русской традиции фразы «Актуальность / Новизна исследования состоит в том, что ...», «Объектом / Предметом исследования является ...», предмет и объект не разделяются, также нет разделения на цель и задачи. Следовательно, подобных формулировок нужно избегать и, вместо них, обращаться к конструкциям, показанным в примерах 2–7, и им подобным.

В конце данного раздела заметим, что важно помнить, что фразы из аннотации должны с большой точностью фигурировать в тексте самой статьи. То же самое, разумеется, касается и ключевых слов и фраз.

2.2. Некоторые лексические и грамматические несоответствия

В русской традиции не принято употреблять местоимение первого лица единственного числа *я*; вместо этого принято либо оперировать множественным числом – *мы* – либо обращаться к безличным конструкциям. В английской традиции последнее также характерно, однако местоимение *we* употребляется только в статьях соавторов: *We illustrate how / that ...* (статья двух и более авторов). В статьях же одного автора нет ничего предосудительного в употреблении местоимения первого лица единственного числа *I*: *I hypothesize that... .*

Слово *subject* не употребляется для обозначения предмета исследования: так обозначается человек, участвующий в том или ином эксперименте (см. пример 9).

(9) *Дикторами выступили 10 мужчин – носителей стандартного американского варианта английского языка в возрасте 37–50 лет – The subjects were 10 speakers of Standard American aged 37–50.*

Для обозначения предмета исследования служат, например, выражения *to focus upon (on) / the focus is on (upon), to examine / re-examine, to report on, to illustrate* (см. примеры 10–11).

(10) *Настоящая статья посвящена / В настоящей статье говорится о:*

- *This article aims at showing / demonstrating...*

- *The current article focuses upon...*

- *The focus of this / current paper is on ...*

- *In the present paper we illustrate...*

(11) *В настоящей статье предпринимается попытка... – The present article is an attempt to...*

В ряде случаев отечественными исследователями-студентами, аспирантами и преподавателями не учитывается, безусловно известное им употребление существительного в роли определения, где оно фигурирует в единственном, а не множественном числе (см. примеры 12–14) и «нанизывание» этих определений на определяемое существительное в порядке, обратном традиционному русскому (см. пример 15 с тремя существительными в роли определений):

(12) *длительность гласных – vowel duration;*

(13) *частотность согласных – consonant frequency;*

(14) *варьирование, зависящее от дикторов – speaker-dependent variation.*

(15) *комитет по охране природных ресурсов – Natural Resource Defense Council.*

Следует упомянуть о таких частотных опорных точках структуры как *argue, result, function*. В научных статьях глагол *argue* используется только в значении «утверждать», а не «спорить» (см. пример 16).

(16) *Мы утверждаем, что указанные результаты применимы ко всем стилям речи – We argue that these results can be applied to all speech styles.*

Обратим внимание на то, что слово *result* как глагол и существительное используется с разными предлогами: *повлечь за собой – result in* и *являться результатом / зависеть от – as / is a result of* (см. примеры 17–18).

Слово *function* часто используется в значении «производное от» (см. пример 19).

(17) *Озвончение интервокального /t/ влечёт за собой нейтрализацию оппозиции /t/-/d/. Intervocalic /t/-voicing results in neutralizing /t/-/d/ opposition.*

(18) *Мы рассматриваем улучшение оценок как результат повышения мотивации – We view improved grades in English as a result of increased motivation.*

(19) *Мы не считаем, что длительность согласного в структуре Г1СГ2 зависит от длительности Г1 – I do not consider C-duration in V1CV2 structure as a function of V1 duration.*

3. Подготовка статьи на английском языке

С необходимостью выполнения задачи «максимум» могут столкнуться уже магистранты и аспиранты. Предположив радужный вариант развития событий – они знают, как выполнить задачу «минимум» – поговорим о подготовке на английском языке статьи целиком. Здесь следует начать со структурных особенностей.

3.1. Структурные особенности статей в ВМПИ

Немало отечественных статей представляют собой сплошной текст, разделённый на абзацы (см. [Вестник Амурского государственного университета..., 2015; Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2011; Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова..., 2008; Вестник Санкт-Петербургского университета..., 2010; Вестник Челябинского государственного университета..., 2014; Филологические науки..., 2014] и др.). Это неприемлемо для ВМПИ, где обязательным требованием является деление на пункты и подпункты.

Статья начинается с теоретической части, которая обозначается как *Introduction* и не соответствует традиционному отечественному термину «Введение». В *Introduction* обычно излагается вся информация теоретического характера, касающаяся степени изученности проблемы, и делается это в формате «что изучено и что не изучено», а не «что вообще известно про данный аспект», как делается во многих отечественных работах. Приведём пример обозначения подструктуры теоретической части Клауса Колера [Kohler, 2012, p. 68–72] (см. пример 20).

(20) *Several decades of experimental research have established that...*

Kohler [1990] investigated that...

These data show that...

This paper takes the results of Dutch of van Heuven and de Jonge [2011] as its point of departure and applies their research question to German.

Внутри теоретической части также возможно отдельное рассмотрение того, что сделано в данной области – *Background* – и вопросов, которые ставятся в настоящем исследовании [Niebuhr, 2012, p. 7–11] (см. пример 21).

(21) «1. Introduction

...

1.1. Background

...

1.2. Question and Rationale

...

1.3. Outline of Variables»

Заметим, что в русскоязычных научных работах может действовать негласное правило избегать прошедшего времени, обращаясь к достижениям ушедших из жизни корифеев: Л. В. Щерба в такой-то работе пишет (а не «писал») и тому подобные примеры. В англоязычных научных работах такое правило не действует, а значит, можно более ранние по отношению к настоящему исследованию результаты описывать используя прошедшее простое время, поскольку известен год издания.

В конце первого раздела формулируется гипотеза исследования. Гипотеза может и не формулироваться прямо, но в конце раздела обязательно должно быть сказано, с какой целью проводится эксперимент и что от него ожидается. Указанное относится к большинству статей, представляющих собой изложение собственного экспериментального исследования и обозначаемым в английской традиции как Original Papers (а таких – подавляющее большинство). Целиком теоретические статьи – крайне редкое явление; они пишутся только корифеями в данной области и, в этом случае, Introduction действительно выглядит как отечественное «Введение».

Прямо гипотеза может вводиться рядом конструкций, самая простая из которых, пожалуй, *I/We hypothesize that*, за которой следуют определённые пункты (i), (ii). Возможны и более сложные конструкции, как, например, в одной из работ Клауса Колера [Kohler, 2012, p. 71–72], где автор приводит формулировку гипотезы в пяти развёрнутых пунктах (см. пример 22).

(22) *The ensuing investigation tests the following hypotheses:*

Hypothesis 1: ...

Hypothesis 2: ...

Косвенно гипотеза может быть введена, например, следующим образом [Caspers, Horloza, 2012, p. 97] (см. пример 23).

(23) «*On the basis of earlier investigations [Van Heuven et al., 1981; Anderson-Hsieh et al., 1992; Field, 2005] we expected that...» или ещё проще: «It was expected that ...: (a)...(b)... [ibid].*

Другой возможный вариант выглядит следующим образом [Niebuhr, 2012, p. 12] (см. пример 24).

(24) *It was reasonable to assume in view of the previous findings above that... With additional regard to the studies by Meyer-Eppler [1957]... it is furthermore reasonable to predict that...».*

Экспериментальная часть может вводиться либо словом *Experiment*, либо *Method*. Внутри должны отдельными подпункта-

ми обозначаться участники эксперимента – *Participants / Subjects*, материал или корпус исследования *Material / Corpus*¹, процедура эксперимента и замеры, которые либо фигурируют отдельно – *Procedure / Procedure and Apparatus, Measurements* – либо объединяются в один раздел *Procedure and Measurements*. Далее следует раздел *Results*, где подробно приводятся все численные параметры в таблицах, на графиках и диаграммах и тому подобное. Важно отметить, что интерпретации данных в этом разделе не приводится. Если экспериментов несколько, то эти подпункты должны фигурировать к каждому эксперименте.

Следующий обязательный элемент структуры статьи – это обсуждение или дискуссия, который может быть либо последним, либо предпоследним разделом статьи. Здесь возможны две вариации:

Discussion либо *General Discussion*

Если это комплексное экспериментальное исследование с несколькими экспериментами, то после результатов каждого даётся раздел *Discussion* (с интерпретацией полученных данных и выводами по каждому эксперименту, если это последний раздел), а после всех экспериментов – *General Discussion* (с выводами по экспериментальной части в целом). Зачастую выводы помещаются в отдельный – последний раздел. Периодически он содержит и перспективы исследования, выраженные в английской традиции словом *outlook*. Ниже приведены вариации названий данного раздела:

Conclusion / Conclusions / Conclusions and Outlook

Возможно объединение в один пункт *Results and Discussion*. В иных случаях обсуждение и выводы могут объединяться и в один раздел: *Discussion and conclusion*.

3.2. Список литературы и ссылки

3.2.1. Библиографическое описание

Особое внимание следует уделить списку литературы и внутритекстовым ссылкам. Название данной составляющей статьи – список литературы – в виде *The list of works consulted* или *Notes* можно в настоящее время встретить крайне редко, возможно, лишь в некоторых учебниках и монографиях. Общепринятым названием является, как известно, *References*. Если писать статью в ВМПИ, то следует учесть, что туда лучше включать оригинальные, преимущественно англоязычные источники. Это может показаться дискриминацией отечественных учёных (возможно, в ряде случаев так и есть), но реальность такова, что в списках литературы счастливых авторов публикаций в ВМПИ значатся работы на

¹ В тексте данного раздела отсутствует традиционная отечественная фраза типа «Материалом для исследования послужили записи ...». Информация даётся только по существу, например, образцы речи такой-то длительностью звучания столько-то дикторов такого-то пола, возраста, социального статуса были записаны в таких-то условиях или взяты из такого-то источника и тому подобное.

преимущественно английском, реже немецком и французском языках, как оригинальные, так и переводные (напр., труды известных русских академиков, учёных с мировым именем Л. В. Щербы на французском языке, Николая Бернштейна, переведённые на английский и немецкий языки).

Кроме того, обучающиеся сталкиваются с серьёзной проблемой разницы стандарта.

Во-первых, в отечественных ГОСТах разных лет (которые на данный момент в разных отечественных периодических изданиях, похоже, действуют все одновременно) в начале библиографического описания может быть указано от одного до трёх авторов. В ВМПИ принято указывать всех авторов работы. Можно встретить источники даже с двенадцатью авторами (см. пример 26 [Ogden, 2012, p. 66]). Форматы варьируют (ср. в примерах 25–26 разделение авторов через запятую и точку с запятой, отделение страниц статьи через запятую либо двоеточие, выделение курсивом только названия журнала / сборника или и его номера / выпуска тоже), но выглядят существенно короче, чем по отечественным ГОСТам.

References

(25) Herd W., Jongman A., Sereno J. (2010). An acoustic and perceptual analysis of /t/ and /d/ flaps in American English. *Journal of Phonetics*, 38, 504–516.

(26) Anderson, A.; Bader, M.; Bard, E.; Boyle, E.; Doherty, G.M.; Garrod, S.; Isard, S.; Kowtko, J.; McAlister, J.; Miller, J.; Sotillo, C.; Thomson, H.S.; Weinert, R.: The HCRC Map Task Corpus. *Lang. Speech* 34: 351–366 (1991).

3.2.2. Внутритекстовые ссылки

Анализ статей из ВМПИ [Ferragne, Pellegrino, 2010; Zhang, Francis, 2010] позволяет выделить целый ряд конструкций, вводящих внутритекстовые ссылки, которые можно свести в две основные группы.

1. Мысль вводится конструкциями типа «Учёные в основном сходятся во мнении, что...», или «В литературе высказывается предположение, что...», или «В отличие от предшествующих работ...» и подобными; при этом фамилия указывается не в тексте абзаца, а в скобках вместе с годом и, при необходимости, страницами (см. примеры 27, 28, 30).

2. Фамилия автора фигурирует в тексте абзаца, а в скобках указывается только год (см. примеры 29, 31–34) и как разновидность ссылка на автора для более подробного ознакомления с каким-либо аспектом (см. пример 34).

(27) *It is generally agreed that ... (e.g., Boersma & Hayes, 2001; Chomsky & Halle, 1968; Cruttenden, 1994; Hayes, 2000; Jones, 1969; Ladefoged, 2001 and many others).*

(28) *The phonological literature suggests that ... (e.g., Rubach (1996) and relatedly Gussenhoven (1986) and Kahn (1976)).*

(29) *One of the most influential studies of ... is Sproat and Fujimura (1993), who focused on ...*

(30) *As opposed to many recent accent studies in the British Isles (e.g. Foulkes & Docherty, 1999) ... ;*

(31) *Following Kortmann and Upton (2004), we must insist that...;*

(32) *According to Fry (1958) and Beckman (1986), ...*

(33) *Previous studies by Beckman (1986) and Sluijter and van Heuven (1996b) agree that ...*

(34) *See Jensen (2000) for a review which ... / ... (for naive users see MacAuliffe, Lin, Robb, & Murdoch, 2008) ... / ... (cf. McLeod and Singh (2008) and Stone (2006) for an introductory overview) ...*

Неизменно присутствуют и ссылки на собственные работы, в частности, как в примере 35.

(35) *The acoustic and computational side of this study draws on previous work of our own (Ferragne, 2008, pp. 309–338; Ferragne & Pellegrino, 2007b)...*

4. Заключение

В заключении отметим, что для обучаемых исключительно полезно формировать таблицы несоответствий типа нижеследующей (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Типичные несоответствия
и рекомендации по их устранению

№ п/п	Русский вариант	Ошибочный / нехарактерный английский вариант	Верный / Характерный английский вариант
1.	Название статьи		
	...исследование... / ...изучение... / ...анализ...	research, exploration, learning	...study.../ ... analysis
	изучение (инострального языка)	study / studying	...learning...
2.	Аннотация		
	аннотация	annotation	abstract
	Настоящая статья / Данная статья / В настоящей статье и подобные	The given article... / In the given article...	This paper / The current paper / The present article... In this paper / In the current paper ... / In this article...
	Настоящая статья посвящена/ В настоящей статье говорится о и подобные	The article is devoted to...	This article aims at showing / demonstrating... The current article focuses upon... The focus of this / current paper is on ... In the present paper we illustrate...

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 1

№ п/п	Русский вариант	Ошибочный / нехарактерный английский вариант	Верный / Характерный английский вариант
	В настоящей статье предпринимается попытка...	In the present article the attempt is undertaken to...	The present article is an attempt to...
3.	Теоретическая часть		
	Теоретическая часть	Theoretical part	Introduction
	Гипотеза исследования состоит в том, что... (статья одного автора)	We hypothesize that ...	I hypothesize that...
	десятилетие	ten years	decade
4.	Экспериментальная часть		
	Экспериментальная часть	Experimental part	Experiment / Method/ The present study
	- участник эксперимента - аудитор	-- - auditor	- participant, subject - listener
	систематически / постоянно (выбирали / предпочитали / взвешивали)	systematically	consistently
	ключ (к пониманию) / полезный признак / опорный признак	clue	cue
	Список литературы	The list of works consulted / Notes	References

По моему глубокому убеждению, перевод на английский язык готовой русской статьи – возможный, но, мягко говоря, не лучший вариант не только и не столько по причине трудностей перевода. Здесь, прежде всего, важно знать традиционные структурные особенности англоязычной научной статьи и владеть традиционным метаязыком англоязычного научного описания. Единственный способ обучить студентов и аспирантов технологии написания англоязычной статьи – это проанализировать большое количество аутентичных статей в ходе аудиторных занятий и самостоятельной работы и на их основе не переводить готовую русскую статью, а сразу конструировать английскую, имея перед глазами оригинальные работы теоретического и экспериментального характера на ан-

глийском языке по интересующей научной проблеме и собственные данные (замеры, занесённые в таблицы).

Для этого преподавателем английского языка должны быть составлены подробная общая схема и её вариации, контуры которых были описаны выше, и таблица наиболее типичных несоответствий наподобие приведённой выше, а также даны общие рекомендации по пользованию указанными схемой и таблицей.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Андросова Светлана Викторовна ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск, 2012. – 535 с.
2. Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки» [Текст]. – 2015. – № 68. – 192 с.
3. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология» [Текст]. – 2011. – № 1 (13). – 2011 с.
4. Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова [Текст]. – 2008. – Том 14. – № 2. – 275 с.
5. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика» [Текст]. – 2010. – Вып. 2.
6. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 92 [Текст]. – 2014. – № 23 (352). – 166 с.
7. Филологические науки. Вопросы теории и практики [Текст]. – 2014. – № 6 (36). – Ч. 2. – 224 с.
8. Caspers, J. Intelligibility of Non-natively Produced Dutch Words: Interaction between Segmental and Suprasegmental Errors [Text] / J. Caspers, K. Horloza // *Phonetica*. – 2012. – Vol. 69. – N 1–2. – P. 94–107.
9. Ferragne, E. Vowel Systems and Accent Similarity in the British Isles: Exploiting Multidimensional Acoustic Distances in Phonetics [Text] / E. Ferragne, F. Pellegrino // *Journal of Phonetics*. – 2010. – N 38. – P. 526–539.
10. Herd, W. An acoustic and perceptual analysis of /t/ and /d/ flaps in American English [Text] / W. Herd, A. Jongman, J. Sereno // *Journal of Phonetics*. – 2010. – N 38. – P. 504–516.
11. Kohler, K. J. The Perception of Lexical Stress in German: Effects of Segmental Duration and Vowel Quality in Different Prosodic Patterns [Text] / K. J. Kohler // *Phonetica*. – 2012. – Vol. 69. – N 1–2. – P. 68–93.
12. Niebuhr, R. At the Edge of Intonation: The Interplay of Utterance-Final F0 Movements and Voiceless Fricative Sounds [Text] / R. Niebuhr // *Phonetica*. – 2012. – Vol. 69. – N 1–2. – P. 7–27.
13. Ogden, R. Making Sense of Outliers [Text] / R. Ogden // *Phonetica*. – 2012. – Vol. 69. – N 1–2. – P. 48–67.
14. Scobbie, J. M. The role of syllable structure in external sandhi: An EPG study of vocalisation and retraction in word-final English /l/ [Text] / J. M. Scobbie, M. Pouplier // *Journal of Phonetics*. – 2010. – N 38. – P. 240–259.

15. Zhang, Y. The weighting of vowel quality in native and non-native listeners' perception of English lexical stress [Text] / Y. Zhang, A. Francis // *Journal of Phonetics*. – 2010. – N 38. – P. 260–271.

References

1. Андросова, С. В. *Акустические и перцептивные корреляты цел'нооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи)*. Дис. ... докт. фил. наук [Acoustic and perceptual correlates of syllable cohesion (experimental study of American spontaneous speech). Dr. Philol. sci. diss.]. Благовещенск, 2012.
2. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki»*. (2015). [Bulletin of the Amur State University. Humanitarian Sciences], 68.
3. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija «Filologija»*. (2011). [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University. Series «Philology»], 1 (13).
4. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. (2008). [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 14 (2).
5. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9 «Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika»*. (2010). [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2.
6. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija. Iskusstvovedenie»*. Vyp. 92. (2014) [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series «Philology. Arts». Issue 95], 23 (352).
7. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. (2014). [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 6 (36). Ch. 2.
8. Caspers, J., Horloza, K. (2012). Intelligibility of Non-natively Produced Dutch Words: Interaction between Segmental and Suprasegmental Errors. *Phonetica*, 69 (1–2), 94–107.
9. Ferragne, E., Pellegrino, F. (2010). Vowel Systems and Accent Similarity in the British Isles: Exploiting Multidimensional Acoustic Distances in Phonetics. *Journal of Phonetics*, 38, 526–539.
10. Herd, W., Jongman, A., Sereno, J. (2010). An acoustic and perceptual analysis of /t/ and /d/ flaps in American English. *Journal of Phonetics*, 38, 504–516.
11. Kohler, K. J. (2012). The Perception of Lexical Stress in German: Effects of Segmental Duration and Vowel Quality in Different Prosodic Patterns. *Phonetica*, 69 (1–2), 68–93.
12. Niebuhr, R. (2012). At the Edge of Intonation: The Interplay of Utterance-Final F0 Movements and Voiceless Fricative Sounds. *Phonetica*, 69 (1–2), 7–27.
13. Ogden, R. (2012). Making Sense of Outliers. *Phonetica*, 69 (1–2), 48–67.
14. Scobbie, J. M., Pouplier, M. (2010). The role of syllable structure in external sandhi: An EPG study of vocalisation and retraction in word-final English /l/. *Journal of Phonetics*, 38, 240–259.
15. Zhang, Y., Francis, A. (2010). The weighting of vowel quality in native and non-native listeners' perception of English lexical stress. *Journal of Phonetics*, 38, 260–271.

УДК 81'42
UDC 81'42

Гусева Светлана Ивановна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana I. Guseva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: s_guseva@mail.ru

Чжан Цзяньвэнь
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Zhan Jianwen
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: 5544060@qq.com

ВОСПРИЯТИЕ КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ
РАДИОРЕКЛАМЫ: ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФИЛЬТР
THE PERCEPTION OF CHINESE RADIO ADVERTISING:
VERBAL-SEMANTIC FILTER

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики ключевой информации китайского рекламного дискурса. Перцептивные свойства коммерческой радиорекламы в Китае изучаются с учётом антропоцентрических установок современной лингвистики на основе информационного подхода, позволяющего определить узловые точки рекламного дискурса, то есть ту полезную информацию, которая при восприятии речи прошла через систему физического, вербально-семантического и прагматического фильтров обработки информации. Полученные на китайском материале количественные результаты вербально-семантического анализа сравниваются с аналогичными результатами на материале немецкого, русского и английского языков. Сходство состоит в самой высокой частоте существительных, числительных и прилагательных в четырёх языках при разной частоте служебных слов.

Abstract

The article discusses the characteristics of the key information in Chinese advertising discourse. The perception of commercial radio advertising by native speakers of Chinese is studied from anthropocentric angles of modern linguistics based on the informational approach, which allows to determine the key points of discourse of advertising, i.e. useful information, which in the perception of radio advertising has gone through physical, verbal-semantic and pragmatic filters of information processing. The quantitative results of the verbal-semantic analysis are compared to similar results obtained for German, Russian, and English. The similarity is in the highest

frequency of occurrence of nouns, numerals and adjectives in the four languages, while the differences lie in functional word frequency of occurrence.

Ключевые слова: перцептивные характеристики, вербально-семантический фильтр информационная модель восприятия речи, информативный каркас дискурса, китайская коммерческая радиореклама.

Keywords: perceptual characteristics, verbal-semantic filter, information-processing model of speech perception, information structure in discourse, Chinese commercial radio advertising.

1. Введение

Особенности дискурсивных практик в различных ситуациях общения вызывают у современных лингвистов повышенный интерес. Объектом внимания в последние годы стали не совсем традиционные сферы общения, которые можно считать своего рода периферией речевой коммуникации современного общества. Таковыми являются Интернет-коллекции, надписи на автомобилях, оппозиционные плакаты и другие «лингвообъекты» [Иссерс, 2015, с. 10]. Однако в фокусе отечественных и зарубежных исследований, по-прежнему, остаются такие дискурсивные феномены, как реклама и медиатексты. Большое место отводится изучению звучащей радио- и телевизионной рекламы.

Отличительной чертой рекламы в радио- и телевизионном эфире, по сравнению с «живой», голосовой рекламой, является отсроченный характер обратной связи с адресатом (радиослушателем, телезрителем). Кроме того, восприятие радиорекламы, в отличие от телевизионной рекламы, «осложнено» невозможностью использования одного из важнейших каналов восприятия – зрительного.

Таким образом, из пяти возможностей осуществления контакта между говорящими – сказать, показать, услышать, увидеть, узнать (переспросить, выяснить непонятное) – в радиорекламе остаются только две возможности контакта: возможность сказать и возможность услышать.

Жанровую принадлежность радиорекламы в большинстве случаев можно определить как микрофонный монолог. В отличие от диалога или полилога в монологе на уровне его фонетической организации увеличивается количество сегментов полного типа произнесения, а вся экспрессивная нагрузка приходится преимущественно на языковые средства. Как отмечает В. В. Наумов, речевые характеристики собеседников, лишенных возможности видеть друг друга, более развернуты и нормативны, поскольку слуховые анализаторы обязаны обеспечить адекватное восприятие и понимание речевого материала, что, в свою очередь, требует строгого и осознанного контроля в отборе и реализации языковых структур [Наумов, 2015, с. 45].

Роль голоса как мощного средства воздействия на массовое сознание никогда не оспаривалась ни в теории, ни на практике. Однако подробное исследование голосовых характеристик экспериментальным путём стало воз-

можным лишь с развитием новых компьютерных технологий. Их использование даёт возможность получать точные и надёжные характеристики фонетических единиц языка, участвующих в передаче смысла высказывания.

Современные электронные технологии сбора и хранения информации позволяют отдельным исследователям и целым научным коллективам, включающим представителей пограничных и не очень близких к лингвистике областей знаний, накапливать большие корпуса звучащей речи с целью их дальнейшей обработки и анализа. При этом закономерно возникает проблема поиска подходов и методов, с помощью которых можно не только заявить исследовательскую позицию, но и верифицировать полученные результаты.

Необходимо заметить, что лингвисты все чаще обращаются к смежным наукам, в частности, к теории информации. Правомерность экстраполяции данных теории информации на лингвистические объекты, по мнению И. Р. Гальперина, определяется тем, что знаковая природа языка позволяет рассматривать его как особый шифр [Гальперин, 2004, с. 7].

В работе И. Р. Гальперина информационный подход к интерпретации языковых явлений представлен наиболее полно и доказательно. Им предпринята попытка выявить способность звуков, морфем, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и стилистических приёмов участвовать в коммуникации путём модификации своих форм (лексических и грамматических) в процессе их функционирования. Подчёркивается, что сами по себе эти единицы не несут какой-либо информации, но, участвуя в снижении уровня энтропии, способны активно содействовать формированию смысла отдельных единиц высказывания и в конечном итоге – эффекту сообщения [Гальперин, 2004, с. 7].

Одна из проблем теории информации – это проблема нового (неизвестного), что даёт основание провести параллель между категорией информации (в научно-терминологическом смысле этого слова) и коммуникативным членением высказывания. И. Р. Гальперин по этому поводу говорит следующее: «Отдельные части текста могут быть в отношениях ремы и темы, если подвергнуть текст актуальному членению. Информацию текста, таким образом, можно определить также как соотношение смыслов и сообщений, дающее новый аспект явления, факта, события» [Гальперин, 2007, с. 38]. Следовательно, информативно важные отрезки текста могут быть приравнены к коммуникативно нагруженным, рематическим частям высказывания. И наоборот, малоинформативные участки соответствуют тематическим, не имеющим коммуникативной ценности фрагментам речи.

Существенным фактором, позволяющим нестрого отождествить обозначения «ключевое слово», «опорные точки», «смысловые вехи», «информативно нагруженные участки текста» и тому подобные с понятием «рема», может служить, как свидетельствуют экспериментальные данные, их просодическая маркированность в тексте [Гусева, 1998; Дроздова, 1989; Мурзин, Штерн, 1991; Пирогова, 2006]. Просодическая выделенность является одновременно важным средством рематизации фрагментов высказывания.

В предлагаемой статье представлены результаты экспериментального изучения восприятия коммерческой радиорекламы в СМИ Китая. Однако прежде чем перейти непосредственно к изложению этапов и результатов эксперимента, обратимся к истокам этого вида рекламы в Китае.

2. Об истоках звучащей коммерческой рекламы в Китае

Звучащая коммерческая реклама в Китае имеет многовековую историю. Она трансформировалась из бытового выкрика уличных торговцев и зазывал. Эти так называемые крики улиц, которые характерны для любого лингвосоциума, М. М. Бахтин квалифицировал как исходный жанровый вариант рекламы. Вот как описывал он крики торговцев Парижа: «Улицы и площади буквально звенели от этих разнообразнейших криков. Для каждого товара – еды, вина или вещи – была своя мелодия крика, своя интонация, т. е. свой словесный и музыкальный образ» [Бахтин, 1990, с. 200]. Полифония голосов торговцев, рекламирующих с особой, специальной интонацией свой товар, и сегодня слышна на рыночных площадях Европы. Китайцы также до сих пор широко используют этот способ рекламирования своих товаров и услуг независимо от того, в какой стране им приходится осуществлять коммерческую деятельность.

Диахронный ракурс рассмотрения китайской коммерческой рекламы связан с историей развития в Китае промышленности, сельского хозяйства и торговли. Согласно литературным данным появление в Китае сельского хозяйства, кустарной промышленности и торговли, вероятнее всего, относится к периоду династии Ся (XXI–XVI вв. до н.э.). В китайской классической литературе, например, в творчестве Ши Цзин, описаны фрагменты коммерческой деятельности в рабовладельческом Китае: В полдень открывается рынок, собираются люди, они торгуют и уходят с нужными вещами [цит. по: Хэ Мэню, 1996, с. 2]. Зарождавшаяся коммерческая деятельность сопровождалась рекламой изобразительного типа, когда товар в натуральном виде показывают посетителям, которых торговцы зазывают и пытаются уговорить сделать покупку. Этот тип рекламы существует и поныне. На его основе появились и развились другие типы рекламы с новым содержанием и новыми способами её воплощения.

После объединения Китая Цинь Шинуаном (221 г. до н.э. – 618 г. н.э.) правящие классы провели налоговую и земельную реформы, благодаря которым в стране началось интенсивное развитие производительных сил. Как отмечает Чэнь Пэйай, широкое распространение в это время получили устная («живая») реклама и натуральное отображение товара [Чэнь Пэйай, 1997, с. 161]. Чтобы привлечь внимание посетителей, на лавках, торгующих алкоголем, вывешивался флаг со специальным изображением, а у входа стоял зазывала, использующий для привлечения покупателей возможности модуляции голоса [Чэнь Пэйай, 1997, с. 161].

Особенно интенсивное развитие торговли началось в средние века, когда появился великий шелковый путь, связавший Китай с Передней Азией. Преобладала торговля мясом, ювелирными изделиями, одеждой, тка-

ню, лекарствами и другими товарами. Появились первые банки. Главные виды рекламы в этот период – голосовая реклама, вывеска, флаг, выставки.

Следующий исторический период – правление династий Сун, Юань, Мин и Цинн – отмечен тем, что была отменена система торговли в строго определённое время, коммерческая деятельность получила больше свободы и характеризовалась высокой активностью. Торговать можно было в любое время и в любом месте. Развитие торговли сопровождалось такими формами рекламы, как устная реклама, вывеска, флаг, выставки, украшения в качестве печальной рекламы в лавках ритуальных товаров.

В середине 19 века многие капиталистические страны осуществили промышленную революцию. Интенсивное развитие производства оказывало существенное давление на мировые рынки. После подписания Нанкинского договора зонами открытой торговли в Китае стали 5 портовых городов – Гуанчжоу, Фужоу, Сямэнь, Нинбо и Шанхай. Китайские бизнесмены согласно законам своей страны получили возможность продавать на всей территории Китая доставленные в порт иностранные товары. С помощью рекламы главное место среди импортных товаров заняли лекарственные препараты и сигареты. Наиболее важными и распространёнными в это время были такие формы рекламы, как уличная придорожная реклама-указатель и афиша. Часто реклама помещалась в виде росписи на стене. Большинство рекламных плакатов изготавливалось и привозилось из-за границы. Они распространялись как в городе, так и на селе. Новый этап в развитии коммерческой рекламы начался с появлением газет и журналов, многократно увеличивших число потенциальных адресатов рекламного дискурса.

После войны с Японией китайский рынок рекламы испытал настоящий шок и особенно серьёзно пострадал после падения Шанхая. Рекламные компании в основном были закрыты. И только в 1937 году наметились признаки восстановления рекламного бизнеса. Основные формы рекламы в этот период – дорожные знаки, плакаты, газеты и журналы, реклама на радио.

В 1949 году была образована КНР. Как отмечается в работах, посвящённых данному периоду, рекламная деятельность в Китае к этому времени прошла долгий и трудный путь (см., напр., [Сунь Шуньхуа, 2007, с. 25]).

На рубеже 40–50-х годов китайская промышленность находилась в тяжёлом положении. В конце 1949 года значительная часть казны государства была вывезена руководством Гоминьдана на Тайвань, что привело к истощению денежных средств; кроме того, ощущался недостаток сырьевых ресурсов [Сунь Шуньхуа, 2007, с. 25]. Правительство, сформированное коммунистической партией, приступило к осуществлению новой экономической политики. Благодаря принимаемым мерам началось восстановление промышленности. Набирали темп восстановление и развитие рекламы. Торговая реклама постепенно достигла значительных успехов. Она публиковалась в газетах, журналах, передавалась по радио, размещалась на рекламных придорожных щитах.

В 1953 году Китай приступил к осуществлению первого пятилетнего плана и развернул крупномасштабное экономическое строительство.

Рекламные компании претерпели серьёзную реорганизацию. Уменьшилось количество газетных полос для рекламы, некоторые из коммерческих радиостанций были закрыты, реклама на радио сократилась. Так продолжалось в течение нескольких лет.

В 1957 году в Праге состоялась международная конференция по рекламе. После участия в этом мероприятии министерства торговли КНР отношение к рекламе в Китае изменилось к лучшему. Однако начавшаяся «культурная революция», которая продолжалась в течение десяти лет, привела к тому, что агентство по управлению рекламой расформировали, и развитие рекламы было приостановлено [Сунь Шуньхуа, 2007, с. 25].

Ситуация изменилась, когда Китай объявил план открытой экономической политики. С этого времени начинается бурный рост экономики, закономерно сопровождающийся интенсивным развитием рекламы. Основными формами рекламы становятся газетная, радио- и телевизионная реклама. По статистике, приведённой в соответствующих литературных источниках, только в одном 1987 году в Китае было образовано 795 специализированных рекламных агентств, что на 13% больше, чем в 1986 году [Чэнь Пэйай, 2013, с. 40]. В 1981 году начали работу 410 телевизионных станций – на 12,9% больше, чем в 1980 году. Увеличивается количество издаваемых журналов. В 1981 году их издаётся на 8,6% больше, чем в предшествующем году. Все эти источники передачи информации содержали значительное количество сообщений рекламного характера. Доходы от рекламы в 1987 году составили 1112 млн. юаней, что на 31,6% больше по сравнению с 1986 годом, а в 1988 году – 1,6 млрд. юаней – на 42,9% больше, чем в 1987 году [Чэнь Пэйай, 2013, с. 40].

Что касается статистических данных о распространении звучащей (голосовой) рекламы, то можно сослаться на работу Чжао Шэнь, в которой отмечается, что доход телевизионных станций от рекламы в 1981 году составил 17 млн. юаней. Это на 47% больше, чем в 1980 году. Доходы от радиорекламы в этот же период повысились на 32% по сравнению с предшествующим годом и составили 4,12 млн. юаней [Чжао Шэнь, 2005, с. 12].

Таким образом, реклама как одно из важнейших средств воздействия на массовое сознание занимает прочное место в китайском лингвосоциуме. Представляющие для нас особый интерес формы звучащей коммерческой рекламы уходят корнями в эпоху первобытного строя и сохраняются в Китае до сегодняшнего дня. Голосовая («живая») коммерческая реклама обеспечивает непосредственный контакт, а также мгновенную обратную связь с потребителем рекламного дискурса и потенциальным покупателем. Однако масштабы воздействия рекламного дискурса такого типа не сопоставимы с огромным влиянием на общество средств массовой информации.

С развитием научно-технического прогресса появились новые инструменты воздействия на массового потребителя, такие как радио и телевидение. Звучащая коммерческая реклама занимает значительное место в сетке радио- и телевидения современного Китая. Перцептивные характеристики радиорекламы являются объектом нашего изучения.

3. Эксперимент

3.1 Материал и методика исследования

Основной целью перцептивного эксперимента было определение важной, ключевой информации китайского рекламного дискурса и анализ его характеристик.

Участникам эксперимента – носителям китайского языка в количестве 10 человек – предлагалось прослушать текст китайской коммерческой радиорекламы и затем выписать слова и выражения, передающие основное содержание текста радиорекламы. В исследовательский корпус вошли 10 аудиотреков различной протяжённости, интенционально однородных, предназначенных для рекламирования различных товаров и услуг.

Данные аудиторского эксперимента были подвергнуты статистической обработке, позволившей получить наиболее важную, ключевую информацию каждой радиорекламы. В соответствии с предложенным нами ранее семантикоцентрическим подходом к обработке результатов перцептивного эксперимента [Гусева, 1998, 2014, 2015] был определён информативный каркас (ИКД) каждой радиорекламы.

Для анализа экспериментальных данных применялась также хорошо известная в теории информации трехуровневая модель восприятия речи. В информационной модели восприятия речи звуковой сигнал от источника (говорящего, адресанта) к потребителю (слушающему, адресату) проходит через систему трех фильтров (физического, вербально-семантического и прагматического), в результате чего снижается уровень энтропии сообщения [Лопатников, 2003]. Термином «энтропия» в теории коммуникации, как известно, обозначается мера неопределённости. Соответственно информация характеризуется как нечто противопоставленное энтропии. Степень энтропии тем выше, чем меньше при восприятии текста задействовано речевых характеристик. Таким образом, единицы каждого из уровней языка, участвуя в порождении и восприятии речи, снижают энтропию.

Следует отметить, что информационная модель восприятия речи обнаруживает сходство с «трёхуровневой моделью языковой личности» Ю. Н. Караулова [Караулов, 2010]. Выделяя мотивационный, тезаурусный и вербально-семантический уровни языковой личности, автор говорит о конгруэнтности процессов восприятия трёхуровневой модели языковой личности. Он отмечает, что в структуре процесса понимания различают следующие этапы:

- а) понимание замысла отправителя текста (в структуре языковой личности это мотивационный уровень, в теории информации – прагматический фильтр);
- б) понимание концепции текста (в структуре языковой личности – тезаурусный уровень, в теории информации – семантический фильтр);
- в) понимание смысла слов и их соединений на низшем – вербально-семантическом уровне. «Соответственно в терминах объектов, подлежащих расшифровке и пониманию на каждом уровне, – пишет Ю. Н. Караулов, – говорят о подтексте, тексте и словах» [Караулов, 2010].

Примем, что полученные нами ключевые слова ИКД представляют собой ту полезную информацию, которая снижает энтропию и характеризуется как прошедшая при передаче аудиотекста от источника к потребителю (от говорящего к слушающему) обработку через систему трёх фильтров.

Рассмотрим ключевые слова и выражения на уровне их вербально-семантических характеристик. Прохождение информации через вербально-семантический фильтр характеризуется отбором отдельных слов как единиц вербально-ассоциативной сети, причём отношения между ними охватывают всё разнообразие парадигматических и семантико-синтаксических связей в их совокупности.

В концепции Ю. Н. Караулова с вербально-семантическим уровнем организации языковой личности соотносится мир идеальных образов. Единицы этого уровня реализуются в речи благодаря их материальному воплощению в виде комбинаций звуков, выступающих в качестве слов, значащих частей слов и словосочетаний. Комбинации звуков как экспоненты языковых знаков обеспечивают инвариантность восприятия текста разными реципиентами [Караулов, 2010].

3.2 Результаты экспериментального исследования

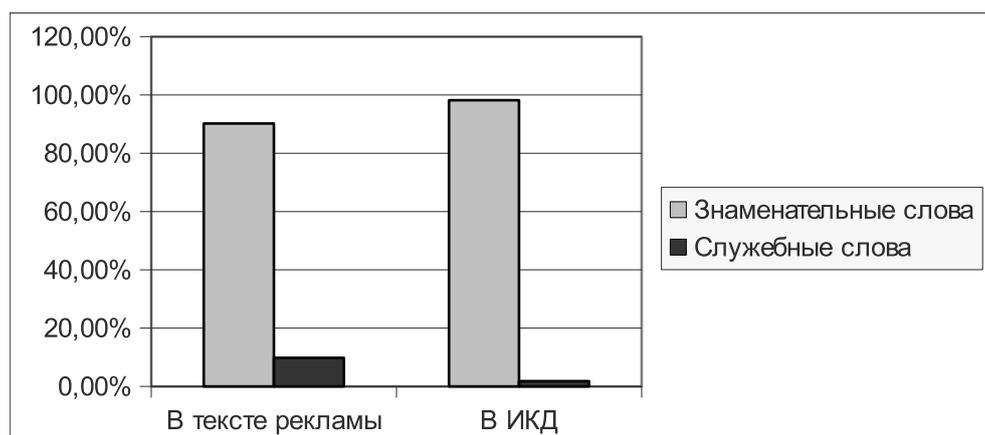
На данном этапе анализа были получены в основном количественные характеристики материала перцептивного эксперимента. Каждый из десяти аудиторов прослушал 10 аудиотреков, содержащих в целом 528 слов, из которых около 90% составляют знаменательные части речи и, следовательно, около 10% – служебные, т.е. союзы, частицы, предлоги (рисунок 1).

Ответы аудиторов (719 лексических единиц) были проанализированы и систематизированы в таблицах, а затем подвергнуты процедуре индексирования и количественным подсчётам (см. аналогичные подсчеты для немецкого и английского языков в работах С. И. Гусевой, М. А. Пироговой и Т. В. Шуйской [Гусева, 2014 ; Гусева, 2015 ; Гусева, Пирогова, Шуйская, 2009]). Результаты количественного анализа отражены на рисунках 1–3.

Согласно подсчётам информативно нагруженными в целом по десяти аудиотрекам оказалось 56 слов, что составляет около 11% от общего количества словоупотреблений в анализируемых текстах. Дальнейший анализ ИКД осуществлялся по разным направлениям. В настоящей статье приводятся данные о частотности слов различных частей речи и их семантико-синтаксических функциях.

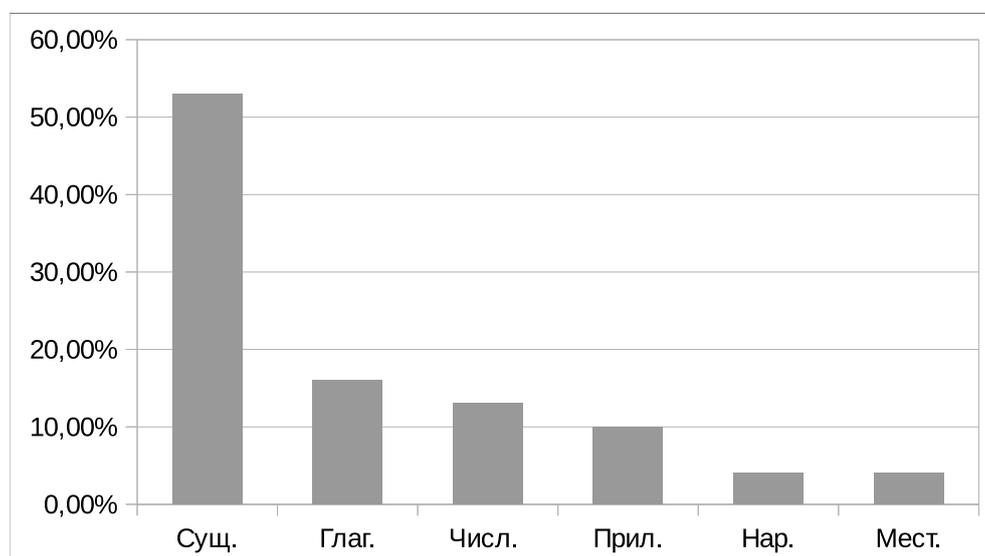
В общем корпусе слов, вошедших в ИКД, почти 100% составляют знаменательные части речи (рис. 1). Что касается служебных частей речи, то лишь один раз как информативно важный элемент был воспринят предлог в сочетании с существительным, где он выступает в качестве проклитики (индекс частотности предлога равен 0,6, т.е. как информативно важный элемент его восприняли 60% аудиторов).

Основной массив знаменательных слов в ИКД – имена существительные (52%). Они выступают как в роли подлежащего, так и дополнения.

Р и с у н о к 1. Соотношение знаменательных и служебных частей речи в текстах радиорекламы и в ИКД (%)

Именная группа оказывается в целом наиболее многочисленной – 73% от всех слов ИКД. В группе имён достаточно высокой частотностью характеризуются имена числительные – около 13%. Семантический признак, лежащий в основе объединения числительных в отдельный подкласс имен, очевидно, оказывается решающим при выборе адресатом важных фрагментов текста (18% от всех употребленных в речи числительных, в то время как на имена существительные приходится около 12%). Распределение знаменательных частей речи в ИКД иллюстрирует рисунок 2.

Р и с у н о к 2. Распределение знаменательных частей речи в ИКД (%)

Анализ показывает, что имена числительные в коммерческой радиорекламе употребляются в большинстве случаев для обозначения основного концепта потребительского дискурса – цены товара. В дискурсивных исследованиях отмечается, что языковые репрезентации данного концепта обладают исключительной силой воздействия на массовое сознание; они отвечают мар-

кетинговым стратегиям, согласно которым приобретение товаров по выгодным ценам должно вызвать у покупателя позитивные эмоции, чувство глубокого эмоционального потрясения и вовлечённости [Иссерс, 2015, с. 136].

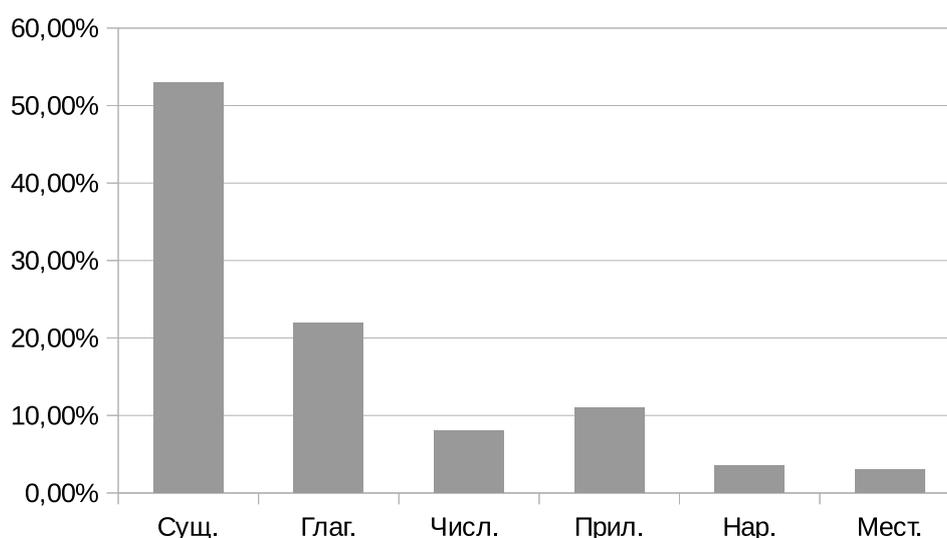
Имена прилагательные, вошедшие в ИКД, употреблены в атрибутивной функции и являются детерминантами существительных. Минимальный контекст, образующий субстантивную группу, углубляет, дополняет и уточняет значение основного элемента группы и в большинстве случаев входит в ИКД. Детерминанты существительного, как правило, входят в ядерную часть ИКД, куда мы поместили слова и словосочетания с индексами 1,0–0,8, то есть их назвали информативно важными 100–80% аудиторов.

Что касается количественных характеристик глаголов, то в группе знаменательных частей речи они составляют 16%, довольно часто имеют невысокий индекс частотности (0,6–0,7) и относятся к периферии ИКД.

Служебные части речи, как уже отмечалось, практически не вошли в ИКД, за исключением одного предлога. Вместе с тем, необходимо отметить, что в общем корпусе слов проанализированных текстов радиорекламы на служебные части речи приходится почти 10%.

Анализ количественных данных, графически представленных на рисунках 2 и 3, показывает, что соотношение частотности употребления различных частей речи в ИКД и текстах радиорекламы в целом идентично. Отличие заключается в том, что информативный корпус, по сравнению с текстами радиорекламы, характеризуется увеличением имен числительных и уменьшением глаголов.

Таким образом, можно сказать, что базовыми элементами модели восприятия информативно важной информации выступают знаменательные части речи именной группы, в первую очередь, имена существительные и числительные.

Р и с у н о к 3. Распределение знаменательных частей речи в текстах радиорекламы (%)

Используемый в нашем исследовании подход был апробирован на материале спонтанного разговорного дискурса носителей других языков, в частности русского, немецкого и английского [Шаповалова, 2013 ; Гусева, 1998, 2014, 2015 ; Пирогова, 2006 ; Шуйская, 2006].

Результаты о восприятии ключевой информации китайской радиорекламы во многом коррелируют с полученными ранее результатами перцептивных экспериментов на материале других языков. Необходимо отметить, что перцептивно наиболее важными являются употребляемые в различных синтаксических функциях имена существительные. Информативно значимыми во всех языках нередко оказываются различные детерминанты, входящие в состав субстантивной группы. Высокой информационной нагруженностью характеризуются также имена числительные.

Вместе с тем, имеются и различия, причина которых, по нашему мнению, заключается в системно-структурных различиях языков, а также в особенностях дискурсивных практик. Как отмечалось выше, данные о восприятии русской, немецкой и английской речи были получены на материале спонтанного разговорного дискурса, который отличается от дискурса коммерческой радиорекламы, прежде всего, неподготовленным характером и соответствующими характеристиками, присущими спонтанной речи. Количество служебных частей речи в ИКД немецкой и русской спонтанной речи по данным восприятия различается незначительно и составляет 7% и 9% соответственно. В речи на английском языке этот процент значительно возрастает за счёт наличия в английском языке широко развитой предложной системы: только на предлоги в ИКД приходится около 9% и почти столько же – на артикли, частицы, союзы [Шуйская, 2006, с. 185]. В китайском материале служебные части речи в ИКД практически отсутствуют.

4. Заключение

Подведем некоторые промежуточные итоги нашего исследования.

Китайская звучащая коммерческая реклама, уходящая своими корнями в эпоху рабовладельческого строя, трансформировалась к настоящему времени в различные формы манифестации благодаря достижениям научно-технического прогресса. Появление радио, телевидения, Интернета способствовало широкому распространению рекламного дискурса и превращению его в мощнейшее средство воздействия на общественное и индивидуальное сознание. Этим обусловлен большой интерес к изучению рекламы представителей различных областей гуманитарного знания, в том числе лингвистов.

Одним из перспективных направлений в изучении рекламного дискурса, по нашему мнению, является исследование содержащейся в нём ключевой информации на основе антропоцентрического и информационного подходов.

Согласно антропоцентрическим установкам современной лингвистики описание природы коммуникации на основе субъективной модели лингвиста-исследователя безотносительно к тому, каково «поведение» носителей языка, не может быть плодотворным [Бондарко, 1981, с. 9].

Информационный подход был использован в настоящем исследовании китайской коммерческой радиорекламы для изучения её перцептивных характеристик. Он позволяет, обратившись к языковому сознанию носителя языка, определить узловые точки рекламного дискурса, то есть ту полезную информацию, которая попала в «светлую точку сознания» слушающего и которая, если использовать терминологию теории информации, при восприятии речи прошла через систему физического, вербально-семантического и прагматического фильтров обработки информации.

Предпринятое нами исследование ключевой информации китайской коммерческой радиорекламы через вербально-семантический фильтр позволяет достичь определенной глубины типизации экспериментального материала, произвести морфологическую классификацию слов, установить частотность вошедших в информативный каркас коммерческой радиорекламы частей речи, сравнить полученные данные с аналогичными характеристиками дискурсивных практик на других языках.

Корпуса информативно нагруженных слов дискурса определенного типа могут быть использованы при описании концептосферы языка, а также при составлении частотных словарей-тезаурусов.

Задачами нашего исследования предусмотрен анализ фонетических характеристик ключевой информации дискурса китайской коммерческой радиорекламы. Решению этих задач будут посвящены следующие этапы экспериментального исследования.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худ. Лит., 1990. – 514 с.
2. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи [Текст] / Л. В. Бондарко. – Л. : ЛГУ, 1981. – 199 с.
3. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во УРСС, 2004. – 145 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Гусева, С. И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц [Текст] / С. И. Гусева. – Благовещенск : АмГУ, 1998. – 153 с.
6. Гусева, С. И. Восприятие спонтанной речи: информационный подход [Текст] / С. И. Гусева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3. – С. 11–21.
7. Гусева, С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход [Текст] / С. И. Гусева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – Благовещенск, 2015. – С. 16–34.
8. Гусева, С. И. К вопросу о методах выделения тематических и рематических участков в спонтанной речи [Текст] / С. И. Гусева, М. А. Пирогова, Т. В. Шуйская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – 2009. – Вып. 3 (7). – С. 148–157.

9. Дроздова, Т. Ю. Ключевые слова текста и их просодические признаки [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Дроздова Татьяна Юрьевна ; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград, 1989. – 21 с.
10. Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени [Текст] / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.
11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : КомКнига, 2010. – 264 с.
12. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь [Текст] / Л. И. Лопатников. – М. : Дело, 2003. – 520 с.
13. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Урал. ун-т, 1991. – 172 с.
14. Наумов, В. В. И душа с душою говорит... [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1. – № 4. – Благовещенск, 2015. – С. 40–51.
15. Пирогова, М. А. Просодические характеристики английской спонтанной речи языка // Реализация фонетических единиц в информационной структуре высказывания / под ред. С. И. Гусевой. – Благовещенск : АмГУ, 2006. – С. 211–231.
16. Шаповалова, Е. С. Моделирование фонетической структуры высказывания для решения задач лингвистической экспертизы звучащей речи [Текст] : дис. ... магистр. лингвистики : 035700.68 / Шаповалова Елена Сергеевна ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск, 2013. – 86 с.
17. Шуйская, Т. В. Реализация гласных австралийского варианта английского языка // Реализация фонетических единиц в информационной структуре высказывания / под ред. С. И. Гусевой. – Благовещенск : АмГУ, 2006. – С. 180–210.
18. 何猛修编 : 《现代广告学》, 复旦大学出版社 1996年版, 第 2 页。
Хэ Мэню. Наука современной рекламы [Текст] / Хэ Мэню. – Шанхай : Изд-во ун-та Фудань, 1996.
19. 陈培爱 : 《中外广告史》, 中国物价出版社 1997年版, 第 161 页。
Чэнь Пэйай. История китайской и зарубежной рекламы [Текст] / Чэнь Пэйай. – Пекин : Изд-во China Price Press, 1997.
20. 孙顺华 : 《中国广告史》, 山东大学出版社 2007年版, 第 25 页。
Сунь Шуньхуа. История китайской рекламы [Текст] / Сунь Шуньхуа. – Шаньдун : Изд-во ун-та Шаньдун, 2007.
21. 陈培爱 : 《中国广告发展史研究丛书 : 中国近代广告史研究》, 厦门大学出版社 2013年版, 第 40 页。
Чэнь Пэйай. Сборник истории китайской рекламы: исследование современной китайской рекламы [Текст] / Чэнь Пэйай. – Сямэнь : Изд-во ун-та Щамэнь, 2013.
22. 赵琛 : 《中国广告史》, 高等教育出版社 2005年版, 第 12 页。
Чжао Шэнь. История китайской рекламы [Текст] / Чжао Шэнь. – Пекин : Изд-во высшего образования, 2005.

References

1. Bahtin, M. M. (1990). *Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa* [François Rabelais and people's culture of medieval times and Renaissance]. Moscow : Hud. lit.
2. Bondarko, L. V. (1981). *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad : Leningrad State University.
3. Gal'perin, I. R. (2004). *Informativnost' edinic yazyka* [Informativeness of language units]. Moscow : URSS.
4. Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic studies]. Moscow : KomKniga.
5. Guseva, S. I. (1998). *Kommunikativnaya perspektiva i realizaciya segmentnyh edinic* [Communicative perspective and segmental units phonetic patterns]. Blagoveshchensk : Amur State University.
6. Guseva, S. I. (2014). Vospriyatie spontannoj rechi: informacionnyj podhod [Spontaneous speech perception: Informational approach]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 3, 11–21.
7. Guseva, S. I. (2015). Realizaciya nemeckogo vokalizma: semantikocentricheskij podhod [Phonetic patterns of German vowel system]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1, 16–34.
8. Guseva, S. I., Pirogova, M. A., Shujskaya, T. V. (2009). K voprosu o metodah vydeleniya tematiceskikh i rematiceskikh uchastkov v spontannoj rechi [Discussing methods of determining Theme and Rheme parts in spontaneous speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya* [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University. Series «Philology»], 3 (7), 148–157.
9. Drozdova, T. Yu. (1989). *Klyuchevye slova teksta i ih prosodicheskie priznaki* [Keywords of the text and their prosodic properties]. Author's abst. PhD philol. sci. diss. Leningrad State University.
10. Issers, O. S. (2015). *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discourse practices nowadays]. Moscow : LENAND.
11. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and language personality]. Moscow : KomKniga.
12. Lopatnikov, L. I. (2003). *Ehkonomiko-matematicheskij slovar'* [Economic-Mathematic dictionary]. Moscow : Delo.
13. Murzin, L. N., Shtern, A. S. (1991). *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk : Ural University.
14. Naumov, V. V. (2015). I dusha s dushoyu govorit... [And a soul speaks to a soul...]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 40–51.
15. Pirogova, M. A. (2006). Prosodicheskie harakteristiki anglijskoj spontannoj rechi yazyka [The prosody of English spontaneous speech]. *Realizaciya foneticheskikh edinic v informacionnoj strukture vyskazyvaniya* [Speech patterns of phonetic units in the information structure of the utterance]. Ed. by S. I. Guseva. Blagoveshchensk : Amur State University, 211–231.

16. Shapovalova, E. S. (2013). *Modelirovanie foneticheskoy struktury vyskazyvaniya dlya resheniya zadach lingvisticheskoy ehkspertizy zvuchashchej rechi* [Modelling phonetic structure of the utterance for solving the task of oral speech linguistic expertise]. Master Philol. sci. diss. Amur State University. Blagoveshchensk.
17. Shujskaya, T. V. (2006). Realizaciya glasnyh avstralijskogo varianta anglijskogo yazyka [Phonetic patterns of vowels in Australian English]. *Realizaciya foneticheskikh edinic v informacionnoj strukture vyskazyvaniya* [Speech patterns of phonetic units in the information structure of the utterance]. Ed. by S. I. Guseva. Blagoveshchensk : Amur State University, 180–210.
18. He Meng. (1996). *The science of contemporary advertizing*. Shanghai : The University of Fudan Press.
19. Chen Pei ai. (1997). *The history of Chinese advertizing abroad*. Beijing : China Price Press.
20. Sun Shun hua. (2007). *The history of Chinese advertizing*. Shandong : The University of Shandong Press.
21. Chen Pei ai. (2013). *The book of history of advertizing in China: The study of contemporary advertizing*. Xiamen : Xiamen University Press.
22. Chzhao Shehn'. (2005). *The history of Chinese advertising*. Beijing : Higher Education Press.

УДК 81'24, 81'33
UDC 81'24, 81'33

Каплина Светлана Евгеньевна
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Российская Федерация
Svetlana E. Kaplina
Transbaikal State University
Chita, Russian Federation
e-mail: kse2000@list.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ
ИГР В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
THE USE OF ORGANIZATIONAL ACTIVITY GAMES
IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE
THE STUDENTS WITH MAJOR IN ENGINEERING**

Аннотация

Ориентируясь на изменения в современной методике преподавания иностранных языков, автор предлагает внедрить в процесс обучения иностранному языку студентов инженерных специальностей организационно-деятельностные игры (ОДИ), являющиеся элементом авторской профессионально-интегрированной интенсивно-коммуникативной технологии формирования профессиональной мобильности у будущих инженеров средствами гуманитарных дисциплин.

В статье рассматривается содержание и методика проведения ОДИ, приводятся результаты их практического применения в Забайкальском государственном университете.

Abstract

Focusing on changes in the modern methods of teaching foreign languages, the author proposes to introduce organizational activity games (OAGs) into the process of teaching foreign language the students with the major in engineering. OAGs are a part of the author's professionally-integrated intensively-communicative technology of forming professional mobility of future engineers by means of the Humanities.

The article views the content and methodology of OAGs and the results of its application in the Transbaikal State University.

Ключевые слова: организационно-деятельностные игры, профессионально-интегрированная интенсивно-коммуникативная технология, профессиональная мобильность, иностранный язык.

Keywords: organizational activity games, professionally-integrated intensively-communicative technology, professional mobility, foreign language.

На современном этапе результат образования характеризуется тремя гранями: академическим качеством (профессиональный, общекультурный и личностно-развивающий компоненты), конкурентоспособностью и профессиональной мобильностью выпускника вуза на рынка труда. Образование в новых условиях должно подготовить специалиста адекватного требованиям рынка, потребностям работодателей, инновационного специалиста с мышлением на «перспективу». Специалист нового уровня должен быть готов не только при необходимости менять профессию, но и преодолевать психологический барьер при перемене места работы. Теперь у каждого работника возникает потребность в обновлении своих профессиональных знаний применительно к изменившимся производственно-экономическим условиям или смене квалификации. Считаем важным заметить, что сегодня квалификационные требования к специалисту вышли за пределы профессиональных стандартов, и предполагают более широкий спектр знаний и умений, формируемых благодаря образовательному, развивающему и воспитательному потенциалу предметов гуманитарного цикла [Каплина, 2010].

Ориентируясь на возможности современных педагогических технологий в вопросе формирования языковой компетенции специалиста технического профиля, в нашем вузе была предпринята попытка создания своей, новой, конкретной технологии. Такой технологией стало профессионально-интегрированное интенсивно-коммуникативное обучение иностранному языку студентов инженерных специальностей, которое представлено как многогранное психолого-педагогическое явление, направленное как на формирование языковой компетенции будущего инженера, так и на становление его профессиональной мобильности. Целью курса обучения, основанного на нашей технологии, является формирование профессионально-значимых, личностных и интеллектуально-логических умений будущего специалиста при обучении иноязычной речевой деятельности в зависимости от определённого типа профессиональной мобильности (предметно-информационного, профессионально-личностного, личностно-творческого типа) [Каплина, 2008 б].

Предлагаемая технология имеет определённую структуру, где каждое звено соотносится с разным аспектом обучения [Каплина, 2008].

1. Профессиональность – с выработкой у студентов системы знаний, динамичности мышления, способов творческой познавательной деятельности и ценностных ориентаций, развитием самостоятельности в накоплении и осмыслении новых знаний, служит основой формирования метапрофессиональных качеств инженера.

2. Интегрированность – с характером организации учебного материала и условиями его усвоения; каждая дисциплина гуманитарного цикла должна учитывать существующие связи с профилирующими науками, определять свой предмет и методы, исходя из главной задачи – развития личности будущего инженера.

3. Коммуникативность – с организацией общения и развитием личностных качеств специалиста; учитываются личностные и профессиональные характеристики (природные свойства, умения, опыт, контекст

деятельности, чувства, эмоции, интересы, статус), создаются условия общения, возникает коммуникативная мотивация, целенаправленность говорения, формируются взаимоотношения.

4. Интенсивность – комплексная система, интегрирующая многосторонние меры (социального, психологического, методического, организационного порядка), направленные на повышение эффективности процесса обучения в соответствии с поставленными целями и задачами.

Структура содержания профессиональной подготовки складывалась из нескольких компонентов [Каплина, 2011].

1. Когнитивный опыт личности включал систему знаний о природе, обществе, технике, способах деятельности, усвоение которых обеспечивало формирование в сознании студентов научной картины мира. В процессе теоретического обучения студенты усваивали систему знаний иностранного языка, обеспечивающую возможность эффективного осуществления профессиональной деятельности. Профессионально-практическая подготовка способствовала освоению будущим инженером методического и технического инструментария решения конкретных профессиональных задач средствами иностранного языка.

2. Опыт осуществления способов деятельности включал систему общих интеллектуальных и практических навыков и умений, являющихся основой конкретных видов деятельности и обеспечивающих способность будущих инженеров к сохранению культуры.

3. Опыт творческой деятельности подготавливал будущих специалистов к поиску решений новых проблем, к творческому преобразованию действительности. Основные черты этого компонента проявлялись в самостоятельном переносе знаний и умений в новую ситуацию; в видении новой проблемы в знакомой ситуации, структуры объекта и его новой функции; в самостоятельном комбинировании известных способов деятельности в новый; в нахождении различных способов решения проблемы и альтернативных доказательствах. Особенность содержания данного компонента состояла в том, что студент сам создавал творческую систему действий.

4. Опыт отношений личности представлял собой систему мотивационно-ценностных и эмоционально-волевых отношений, специфичность которых проявлялась в оценочном отношении к миру, к профессиональной деятельности, к людям. Опыт отношений человека вместе со знаниями и умениями стали условием формирования системы ценностей, идеалов, то есть, в конечном итоге, мировоззрения личности.

Особое место в подготовке профессионально мобильного инженера в процессе обучения иностранному языку отводится организационно-деятельностным играм. Данный вид деятельности предусматривает, с одной стороны, использование разнообразных методов, средств обучения, а с другой – интегрирование знаний из различных областей науки, техники, технологии, творчества. Мы рекомендуем проведение организационно-деятельностных игр, как наиболее сложный метод активного обучения, на завершающем этапе обучения при формировании интегрированных профессиональных, управленческих знаний и метапрофессиональных качеств будущего инженера.

Отличительной чертой игровых методов данного этапа обучения является их интегрированность и построение на основе принципа диалога. Принцип диалога предполагает анализ аутентичного материала с точки зрения возможностей его использования при моделировании в учебной аудитории такого профессионального пространства, погружение в которое строится по принципу расширяющегося круга квалификаций. При создании такого пространства у студентов формируются умения гибкой переквалификации в рамках определённых профессий и с учётом создавшейся ситуации, другими словами, происходит становление личности профессионально мобильного инженера. Помимо этого, стимулируется научно-практическое творчество студентов во время повседневных учебных занятий и во внеаудиторное время, во время самостоятельной работы.

При конструировании и проведении таких игр реализуются принципы имитационного моделирования конкретных условий и динамики производства, игрового моделирования содержания и форм профессиональной деятельности, диалогического общения, двуплановости, проблемности содержания имитационной модели и процесса его развертывания в игровой деятельности [Каплина, 2013 б]. Представим следующие этапы деловой игры [Каплина, 2008 а].

1. Подготовка игры:

- обеспечение соответствия выбранной игровой методики, ситуации учебным целям и уровню подготовленности участников;
- обеспечение адекватной фиксации хода игры (аудио-, видеозапись);
- определение способов анализа игры (замечания и рекомендации руководителя игры, проработка важнейших эпизодов и ролей, сопоставление собственных переживаний игроков и характеристик наблюдателей, использование системы критериев и оценочных шкал);
- структурирование игры во времени;
- определение форм оценочных коммуникаций с игроками;
- соразмерное использование технических средств обучения, особенно при анализе поведения игроков и подведении итогов.

2. Формирование игровой группы. Игра должна способствовать решению актуальной проблемы организации и соответствовать потребностям её участников. Необходим примерно одинаковый уровень компетентности участников игры. Все должны знать и соблюдать правила и условия проведения игры.

3. Руководство игрой и её проведение. Руководитель формирует состав участников игры, знакомит их с её условиями и правилами, устанавливает регламент игры. В процессе игры он осуществляет контроль за её ходом, направляет игру, следит за соблюдением этических норм, предотвращает возникновение обид и конфликтов.

4. Подведение итогов. Одна из важных функций руководителя игры – подведение итогов (достигнуты ли цели, все ли задачи решены, соответствуют ли результаты ранее установленным критериям). Желательно проведение ранжирования участников в зависимости от их достижений, определение причины успеха лидеров и неуспеха аутсайдеров.

Существенным является то, что в игре воссоздаются основные закономерности движения профессиональной деятельности и профессионального мышления на материале динамически порождаемых и разрешаемых совместными усилиями участников учебно-профессиональных ситуаций, возникает новая психологическая форма мотивов, создаются условия для интеллектуального раскрепощения и активизации творческого потенциала каждой личности.

Примером такой игры может служить организационно-деятельностная игра «My speciality».

Тема: Формирование профессиональной мобильности специалиста.

Цель: Повышение уровня профессиональной мобильности инженера средствами иностранного языка в условиях современного производства.

План подготовки	План проведения
<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение игровых целей, основных ролей: ведущий, директор производства, менеджеры разного порядка, технологи, механики. 2. Разработка содержания игры – её предметной сферы: организация производства на мебельной фабрике. 3. Продумывание методического обеспечения. 4. Разработка сценария игры. 5. Подготовка карточек для работы в малых группах. 6. Определение правил игры. 7. Разработка системы оценивания. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вступительное слово ведущего о целях игры, актуальности обсуждаемых проблем, основных правилах и ходе игры. 2. Работа в малых группах – «Тихий диалог» – по 3–4 человека с распределением ролей. 3. Самооценка участников внутри группы в специальных карточках, которые сдают ведущему. 4. Ведущий подводит предварительные итоги и по оценке в карточках назначает ведущий персонал предприятия. 5. Публичное выступление персонала. 6. Коллективное обсуждение их аргументов и предложений – полилог. 7. Диагностика участников на уровень сформированности профессиональной мобильности. 8. Коррекционная работа, подведение итогов игры ведущим.

В процессе обучения важное место занимает оценка преподавателем степени усвоения студентами учебного материала и уровня сформированности у них профессиональной мобильности.

В технологии профессионально-интегрированного интенсивно-коммуникативного обучения иностранному языку контроль имеет ярко выраженные взаимосвязанные функции: диагностическую, обучающую, развивающую и воспитательную. Контроль дисциплинирует, организует и управляет деятельностью студентов, помогая выявить пробелы в знаниях и устранить их, стимулирует желание развивать свои природные задатки и способности, способствует повышению мотивации обучения, обеспечивая в целом формирование гармонично развитой, профессионально мобильной личности инженера [Каплина, 2013 а].

Внедряя технологию профессионально-интегрированного интенсивно-коммуникативного обучения иностранному языку, на аудиторных занятиях нами была введена диагностика, предусматривающая одновременное достижение двух целей: не только собственно диагностики, но и закрепления, а также дальнейшего расширения и углубления знаний по темам курса. Дополнительно обучаемым предлагался выбор наиболее оптимальных, отвечающих их индивидуальным особенностям, творческих форм отчёта при проведении проверки и учёта знаний. Поэтому применение организационно-деловой игры в качестве формы рубежного контроля обеспечивало студентам свободу самореализации, давало возможность выбора повышенного уровня сложности усвоения материала, создавало условия для формирования наблюдательности, раскрытия эмоционально-волевых качеств личности, изменения ценностных ориентаций.

Функционирование предложенной нами системы, направленной на формирование профессиональной мобильности специалистов в процессе изучения иностранного языка было проверено экспериментальным путём на базе Забайкальского государственного университета. Результаты проведенных экспериментов подтвердили следующее [Каплина, 2011].

1. Организационно-деятельностная игра направлена на развитие четырёх главных групп свойств профессионально мобильной личности инженера: креативности, коммуникативности, языковой компетенции и профессиональной компетентности.

2. Игра формирует дополнительные умения и навыки в области межкультурного взаимодействия, личностные и метапрофессиональные качества, расширяющие функциональные возможности инженера в профессиональной сфере.

3. Особенность структуры игры в том, чтобы студенты на основе усложнения типов ориентировки постепенно переходили от репродуктивной деятельности к учебному и научному творчеству, от действий по инструкции к самоорганизации своей работы, от имитированных жизненных и производственных ситуаций к реальной жизни и труду.

4. Методы игры позволяют на уровне познавательной и социальной активности в совместной деятельности и диалоговом взаимодействии реализовывать цели профессионального и личного развития обучающихся в достижении определенного уровня профессиональной мобильности.

5. В процессе игры происходит становление личности будущего инженера как субъектное развитие, в котором иноязычная деятельность выступает в качестве интегративной характеристики процесса формирования профессиональной мобильности инженера.

Список литературы

1. Каплина, С. Е. Профессиональная мобильность – залог качества подготовки будущих инженеров [Текст] / С. Е. Каплина. – Чита : ЧитГУ, 2008 а. – 350 с.
2. Каплина, С. Е. Профессиональная мобильность: Основы. Концепции. Технологии [Текст] / С. Е. Каплина. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG . – Germany, 2011. – 490 с.

3. Каплина, С. Е. Технология формирования профессиональной мобильности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин [Текст] / С. Е. Каплина // Сибирский педагогический журнал. – 2008 б. – № 2. – С. 154–165.
4. Каплина, С. Е. Формирование мобильности будущего инженера средствами гуманитарных дисциплин – надёжный путь к профессиональной адаптации на рынке труда [Текст] / С. Е. Каплина // Инновационная интегрированная система профессионального образования: проблемы и пути развития: материалы Всероссийской научно-методической конференции; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2010 – С. 182–185.
5. Каплина, С. Е. Междисциплинарное экологическое проектирование как одна из инновационных форм подготовки современного специалиста [Текст] / С. Е. Каплина // Военный профессионализм: стратегия и перспективы развития в современном обществе: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 26 сент. 2013 г. / СибРК ВВ МВД РФ. – Новосибирск, 2013 а. – С. 75–81.
6. Каплина, С. Е. Метод междисциплинарного экологического проектирования: содержание, структура и перспективы использования [Текст] / С. Е. Каплина / POGRANICZA PRZRODY // Gorzow Wlkp. – Poznan, 2013 б. – Р. 108–123.

References

1. Kaplina, S. E. (2008 a). *Professional'naja mobil'nost' – zalog kachestva podgotovki budushhih inzhenerov* [Professional mobility as a guarantee of high-quality preparation of future engineers]. Chita : Chita State University.
2. Kaplina, S. E. (2011). *Professional'naja mobil'nost': Osnovy. Konceptii. Tehnologii* [Professional mobility: Base. Concepts. Technologies]. Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH& Co. KG.
3. Kaplina, S. E. (2008 b). *Tehnologija formirovanija professional'noj mobil'nosti budushhih inzhenerov v processe izuchenija gumanitarnyh disciplin* [Technology of forming professional mobility of future engineers while studying the Humanities]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2, 154–165.
4. Kaplina, S. E. (2010). *Formirovanie mobil'nosti budushhego inzhenera sredstvami gumanitarnyh disciplin – nadjozhnyj put' k professional'noj adaptacii na rynke truda* [Forming professional mobility of a future engineer by means of the Humanities as a reliable way to professional adaptability at the labor market]. *Innovacionnaja integrirovannaja sistema professional'nogo obrazovanija: problemy i puti razvitija : materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii* [Proc. of The All-Russian Conference «Innovative Integrating System of Professional Education: Challenging Issues and Outlook for Development»]; Siberian State Aerospace University. Krasnoyarsk, 182–185.
5. Kaplina, S. E. (2013 a). *Mezhdisciplinarnoe jekologicheskoe proektirovanie kak odna iz innovacionnyh form podgotovki sovremennogo specialista* [Interdisciplinary ecological project-making as one of innovative forms of preparing a modern specialist]. *Voennyj professionalizm: strategija i perspektivy razvitija v sovremennom obshhestve : sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, Sept., 26, 2013.* [Proc. of The All-Russian Scientific-

Practical Conference with International Participation «Military Professionalism: strategy and outlook for development in modern society». Novosibirsk, 75–81.

6. Kaplina, S. E. (2013 b). Metod mezhdisciplinarnogo jekologicheskogo proektirovanija: sodержanie, struktura i perspektivy ispol'zovanija [Method of interdisciplinary ecological project-making: content, structure and outlook for application]. *POGRANICZA PRZRODY. Gorzow Wlkp. Poznan*, 108–123.

УДК 811.2.512
UDC 811.2.512

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: t_kravetc@mail.ru

СОЗДАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОРПУСА ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ
АМУРСКИХ ЭВЕНКОВ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
CREATING MULTIMEDIA CORPUS OF ORAL SPEECH
OF THE AMUR EVENKI: OBJECTIVES, TASKS, METHODS
AND PERSPECTIVES

Аннотация

Статья посвящена разработке мультимедийного корпуса звучащей речи эвенков Приамурья. Подчеркивается, что исчезающие диалекты амурских эвенков впервые представлены в формате базы данных. На сегодняшний день фоноархив образцов речи Амурских эвенков отсутствует. Проект мультимедийного архива эвенкийского языка создается на базе лаборатории экспериментально-фонетических исследований сотрудниками кафедры иностранных языков Амурского государственного университета с использованием программ PRAAT и «Wave Assistant». Мультимедийный фонд основан на результатах звукозаписи диалектов восточных эвенков – селемджинского, желтулакского и зейского говоров. Документация звуковой формы языка эвенков выполняется в цифровом формате. Автор раскрывает цель, задачи, методы и перспективы создания мультимедийного корпуса звучащей речи эвенков. В статье рассматриваются основные этапы и принципы разработки обсуждаемой мультимедийной базы данных.

Abstract

The article deals with creating multimedia corpus of oral speech of the Evenki of the Amur region. It is emphasized that endangered dialects of the Amur Evenki will be presented in the database format for the first time. At present there is no phonetic archive of oral speech samples of the Amur Evenki. The project of the multimedia Evenki archive has started on the basis of the Laboratory of experimental phonetic research and is performed by the staff of the Department of Foreign Languages of the Amur State University. PRAAT and Wave Assistant computer programs are used. The multimedia corpus is based on the results of sound records of the East-Evenki Dialects: Dzheltulak, Selemdzha, and Zeya Evenki dialects. Documenting the sound form of the language of Evenki speakers is carried out in a digital format. Objectives, methods, and perspectives for creating multimedia corpus of oral Evenki speech are revealed. The article considers the main stages and principles of working out the multimedia database.

Ключевые слова: джелтулакский, селемджинский и зейский говоры эвенкийского языка, мультимедийный фонд, звучащая речь, исчезающие диалекты Амурских эвенков.

Keywords: Dzheltulak, Selemdzha and Zeya Evenki dialects, multimedia fund, oral speech, endangered dialects of the Amur Evenki.

Введение

Последние десятилетия, в связи с проблемой возрождения языков и сохранения информации по языковому разнообразию и культурно-историческим ценностям человечества, разработка звуковых фондов на материале исчезающих языков приобрела мировое значение. Документированием языков, находящихся под угрозой исчезновения, занимаются многие мировые организации: Alaska Native Language Archive (ANLA), Asociación Cultural Parola, Association for Cultural Equity, Center for American Indian Languages, Endangered Language Alliance, First Peoples' Cultural Council, Grassroots Indigenous Multimedia, Indigenous Language Institute, Living Tongues Institute for Endangered Languages, Volkswagen Foundation (The DoBES Project), PanLex (The Long Now Foundation), The Endangered Languages Catalogue team at the University of Hawaii at Manoa, The John Carter Brown Library at Brown University, The Language Archive at the Max Planck Institute for Psycholinguistics, The LINGUIST List, The Miami Project, The Rosetta Project (The Long Now Foundation), Transparent Language, Inc., UCLA Phonetics Laboratory, World Oral Literature Project, Summer Institute of Linguistics (SIL) и многие другие. Перечисленные организации являются участниками проекта «Endangered Languages» под руководством компании Google и объединены в «Союз за лингвистическое разнообразие» (Alliance for Linguistic Diversity) [Endangered Languages Project...].

В России большое внимание уделяется языкам коренных малочисленных народов, проживающих в Российской Федерации. Одним из таких языков является эвенкийский, ситуация с которым все чаще вызывает тревогу лингвистов в связи с тенденцией к его утрате и потенциальной угрозой исчезновения звуковой формы этого языка. По данным мирового атласа языков [Atlas..., 2010], 72% эвенков бегло говорят на русском, а не на своём родном языке.

Для решения проблемы сохранения, развития и исследования языков малочисленных народов России предпринимаются определённые шаги. Так, в Бурятском государственном университете создаётся мультимедийная база по баргузинскому, джелтулакскому и каларскому говорам эвенкийского языка [Раднаева, Афанасьева, 2012, с. 91]. В институте филологии сибирского отделения РАН [Институт филологии...] изучаются томмотский, баунтовский, полигусовский говоры эвенкийского языка. Отделение лингвистики Института эволюционной антропологии имени Макса Планка участвует в трёх проектах по изучению тюркских языков Сибири, к сожалению, не связанных напрямую с эвенкийским языком. В поле зрения одного из проектов находится якутский язык, которому не грозит

исчезновение, но который сам угрожает языку более малочисленных народов, живущих на территории Якутии – эвенов и эвенков [Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. Достаточно большой опыт успешной ревитализации языков коренных народностей Сахалина – нивхского, уильтинского, эвенкийского и нанайского языков – накоплен Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). К методам ревитализации, хорошо зарекомендовавшим себя в различных частях мира, относятся: программа «мастер-ученик», образование «языковых гнёзд» и изучение родного (этнического) языка как второго или унаследованного языка [Ассоциация].

Богатый опыт по составлению мультимедийной базы кетского и селькупского языков имеется у сотрудников Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова под руководством О. А. Казакевич. [Лаборатория...]. В 2012 году на базе мультимедийного эвенкийского архива коллективом лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ при поддержке РФФИ был создан проект «Мультимедийный размеченный корпус текстов на говорах западных эвенков», в результате которого собрано около 35 тысяч словоупотреблений [Казакевич, Клячко, 2013, с. 292].

Работа по документации языков сегодня во многом опирается на технические и программные средства, которые упрощают транскрипцию и анализ данных, выпуск грамматик и словарей, а также архивацию исследуемых текстов. Труд лингвистов играет все большую роль в проектах оздоровления языков, которые запрашивают языковые сообщества.

Создание электронных информационных ресурсов способствует сохранению и популяризации исчезающих языков и позволяет обеспечить доступ пользователей к информации на родном языке и общению с соотечественниками. По мнению Колетт Гринвальд, работы по созданию подобных переводчиков и словарей для языков народов России ведутся, в основном, усилиями отдельных энтузиастов или в рамках проектов по документированию языков. Крупные компании не участвуют в такой работе, так как из-за использования специфических символов в алфавитах языков народов России работа по созданию электронных переводчиков и словарей является очень сложной с технической точки зрения и нерентабельной [Гринвальд, 2014].

Регистрация и сохранение звуковой формы как никогда актуальны и для эвенкийского языка Амурской области. Изучением эвенкийского языка в области диалектологии занимается Н. Я. Булатова, научный труд которой «Говоры эвенков Амурской области» [Булатова, 1987] является единственной работой по языковой системе эвенкийских говоров Приамурья. В Амурском регионе осуществляются попытки сохранить уникальные говоры Амурских эвенков в печатном виде силами местных учёных-филологов. В 2006 году Научно-методический центр лингвистики и межкультурной

коммуникации БГПУ подготовил «Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области» [Болдырев, 2009, 2010 а] и «Словарь зейского говора эвенков Амурской области» [Болдырев, 2010 б]. В 2008 году подготовлен уникальный двухтомный «Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области» В 2013 году вышла из печати первая часть уникального диалектного словаря селемджинского говора эвенков Амурской области [Болдырев et al., 2013].

Тем не менее, системного описания звуковой формы амурских говоров эвенкийского языка – сегментной фонетики и просодики – до сих пор нет. Актуальность задачи по сбору образцов эвенкийской звучащей речи и, в перспективе, формирование звукового архива данного говора, определяется тем, что в настоящее время для говора амурских эвенков, как и для большинства языков народов России, отсутствует корпус представительной звучащей речи, на основе которого возможно осуществление многоуровневого лингвистического исследования.

На сегодняшний день язык амурских эвенков является малоизученным. Фоноархив образцов речи эвенков Амурской области, доступный для широкого круга заинтересованных лиц, не собран. Для тщательного изучения говора Амурских эвенков необходимо осуществить сбор речевого материала путём звукозаписи, документирования звуковой формы исследуемого языка с помощью компьютерных технологий.

Цели проекта

В данном направлении работает лаборатория экспериментально-фонетических исследований на базе кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, сотрудники которой занимаются разработкой представительного корпуса звучащей речи для лингвистического исследования джелтулакского, селемджинского и зейского говоров эвенкийского языка в Амурском регионе. Основной целью проекта является документирование звуковой формы эвенкийского языка в цифровом виде для сохранения звуковой стороны говоров эвенков Приамурья, проживающих в пяти национальных селах, расположенных на территории Тындинского, Джелтулакского, Нюкжинского, Зейско-Учурского, Верхне-Селемджинского, Верхне-Буреинского и Мазановского районов.

Конечным результатом работы над проектом «Мультимедийный корпус звучащей речи эвенков Приамурья» будет программный продукт на цифровом носителе, содержащий 30-часовой фоно и видеоархив звуковых образцов речи эвенков Приамурья, систематизированный и аннотированный в компьютерном пакете программ по обработке звукового сигнала PRAAT [Морозова, 2014, с. 91].

Описание корпуса

Мультимедийный фонд представляет собой фонотеку изолированно произнесенных звуков, фонотеки слогов и слов, а также образцы эвенкийской речи на материале различных говоров в виде отдельных файлов, со-

проводящихся словарным и текстовым описанием. В корпусе будут представлены: 1) звуковой словарь амурских говоров эвенкийского языка (лексический блок: изолированные слова, в произнесении носителей селенгинского говора (ивановская и норская группы), зейского и желтулакского говоров эвенкийского языка; 2) фольклорные тексты и бытовые рассказы в звуковом и текстовом форматах: нарративный (монологический и диалогический) блок, включающий эпосы, охотничьи песни, бытовые рассказы и воспоминания по следующим темам: о себе (автобиографии), о семье, о родственниках, о жизненном укладе, об эвенкийском образе жизни (о праздниках, обрядах, традициях), об эвенкийской культуре, о традиционных эвенкийских видах деятельности, о флоре и фауне, об эвенкийской кухне и так далее.

На материале корпуса проводится экспериментально-фонетический анализ с описанием акустических свойств звуковых единиц. Звукозапись осуществляется в условиях лаборатории экспериментально-фонетических исследований сотрудниками кафедры иностранных языков Амурского государственного университета с использованием программ PRAAT и Wave Assistant. Записи содержат образцы спонтанной речи носителей эвенкийского языка.

Целевой группой пользователей, для которой планируется разработка мультимедийного корпуса, является эвенкийское сообщество как Амурской области, так и других регионов проживания эвенков (в том числе эвенки Китая (провинции Хэйлунцзян (уезд Нэхэ) и Эвенкийского автономного хошуна района Внутренняя Монголия) и эвенки Монголии (Селенгинского аймака)) [Морозова, 2014, с. 91–92].

Задачи

Для достижения заявленной темы планируется следующее.

1. Составление представительного списка изолированных слов, включающего реализацию в сильной позиции всего инвентаря гласных и согласных фонем эвенкийского языка.

2. Составление списка вопросов на бытовые темы для получения образцов монологической спонтанной эвенкийской речи.

3. Составление анкеты, включающей перечень «лингвистически значимых» признаков: пол, возраст, уровень образования, знание языков, род занятий, место рождения и место наиболее длительного проживания и другие.

4. Обработка полученного звукового материала при помощи компьютерных программ «PRAAT», Wave Assistant для составления звуковой базы данных речи носителей эвенкийского языка.

Методы

В процессе работы над созданием мультимедийной базы звучащей речи эвенков будут применяться такие методы исследования как 1) лингвистические методы определения представительности языкового материала; 2) методы и подходы полевой лингвистики (интервьюирование, анкетиро-

вание и др.); 3) методы речевых технологий (комплекс методов звукозаписи, обработки и анализа речевого сигнала); 4) методы прикладной и корпусной лингвистики.

Перспективы

Мультимедийный корпус образцов эвенкийской речи послужит гарантией сохранения для последующих поколений находящейся на грани исчезновения живой речи носителей селемджинского, джелтулакского и зейского говоров эвенкийского языка.

Материалы мультимедийного фонда могут быть использованы как для лингвистического анализа звуковых единиц эвенкийского языка, так и для образовательных целей, в том числе – разработки словарей и учебников по эвенкийскому языку. Аутентичные аудио- и видеозаписи речи эвенков Приамурья станут неотъемлемой частью учебного процесса обучения эвенкийскому языку и культуре в общеобразовательных школах в районах компактного проживания эвенкийского этноса.

Представительный звуковой материал может быть использован для проведения многоуровневых лингвистических исследований, для подготовки справочной литературы и обучающих мультимедийных продуктов, а также для решения задач современных речевых технологий.

Электронный формат репрезентации звучащей речи эвенков окажет положительное влияние на развитие мотивации и поддержание интереса у эвенкийской молодежи к изучению родной речи.

Данные мультимедийной базы найдут своё применение в исследовательской работе ведущих научных центров нашей страны (Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. Ломоносова, филологический факультет СПбГУ, РГПУ им. Герцена, Институт лингвистических исследований) и за рубежом: (институт Макса Планка (Германия), Версальский университет (Франция), Сеульский и Чонбукский национальные университеты (Южная Корея) [Морозова, 2014, с. 92].

Таким образом, разработка корпуса звучащей речи Амурских эвенков на материале находящихся под угрозой исчезновения селемджинского, джелтулакского и зейского говоров эвенкийского языка направлена на решение глобальной проблемы по сохранению, развитию и исследованию языков малочисленных народов России.

Список литературы

1. Болдырев, Б. В. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Л. А. Соловьева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – Ч. 1. – 481 с.
2. Болдырев, Б. В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. 1 [Текст] / Б. В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 608 с.
3. Болдырев, Б. В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. 2 [Текст] / Б. В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010 а. – 236 с.
4. Болдырев, Б. В. Словарь зейского говора эвенков Амурской области. [Текст] / Б. В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010 б. – 426 с.

5. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области [Текст] / Н. Я. Булатова. – Ленинград : Наука, 1987. – 168 с.
6. Гринвальд, К. Исчезающие языки // ИНОСМИ.РУ [Электронный ресурс] / К. Гринвальд. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/world/20140125/216849905.html> (дата обращения: 29.02.2016 г.)
7. Груздева, Е. Сохранение и возрождение языков коренных народов Сахалина [Электронный ресурс] Е. Груздева, Ю. Янхунен // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ) Russian (Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and Far East (RAIPON)). – Режим доступа : <http://www.raipon.info/info/actual/1294> (дата обращения: 05.03.2016 г.)
8. Институт филологии сибирского отделения РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.nsc.ru/> (дата обращения: 29.02.2016 г.)
9. Казакевич, О. А. Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура [Электронный ресурс] / О. А. Казакевич, Е. Л. Клячко // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика-2013». СПб. : С.-Петербургский гос. ун-т, Филологический фак., 2013. – С. 292–300. – Режим доступа : corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Казакевич.pdf (дата обращения: 29.02.2016 г.)
10. Лаборатория автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lcl.srcc.msu.ru/staff.htm> (дата обращения: 01.03.2016 г.)
11. Морозова, О. Н. «Мультимедийный корпус звучащей речи эвенков Приамурья» в процессе обучения эвенкийскому языку [Текст] / О. Н. Морозова // Лингвистические и дидактические аспекты в преподавании иностранных языков : сб. науч. статей науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 91–93.
12. Отделение лингвистики Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia) [Electronic Resource]. – URL: http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/papers/pakendorf.shtml. (дата обращения: 06.02.2016 г.)
13. Раднаева, Л. Д., Афанасьева, Е.Ф. Разработка звукового фонда современного эвенкийского языка в Бурятском государственном университете [Электронный ресурс] / Л. Д. Раднаева, Е. Ф. Афанасьева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 10 – С. 90–94. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-zvukovogo-fonda-sovremennogo-evenkiyskogo-yazyka-v-buryatskom-gosudarstvennom-universitete> (дата обращения: 29.02.2016 г.)
14. Atlas of the World's Languages in Danger [Electronic Resource] / Christopher Moseley (ed.). – UNESCO, 2010. – URL : <http://www.unesco.org/culture/en/ endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 29.02.2016 г.)
15. Endangered Languages Project [Electronic Resource]. – URL : <http://www.endangeredlanguages.com/lang/1186> (дата обращения: 02.03.2016 г.)

References

1. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Solov'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of the Selemdzha Evenki dialect of the Amur region]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
2. Boldyrev, B. V. (2009). *Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoy oblasti. Chast' 1.* [Dictionary of the Dzheltulak Evenki dialect of the Amur region. Part 1]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
3. Boldyrev, B. V. (2010 a). *Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoy oblasti. Chast' 2.* [Dictionary of the Dzheltulak Evenki dialect of the Amur region. Part 2]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
4. Boldyrev, B. V. (2010 b). *Slovar' zeyskogo govora evenkov Amurskoy oblasti.* [Dictionary of the Zeya Evenki dialect of the Amur region]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
5. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [Evenki Dialects of the Amur Region]. Leningrad: Nauka.
6. Grinevald, C. Les langues menaces. *INOSMI.RU*. Retrieved 29.02.2016 from <http://inosmi.ru/world/20140125/216849905.html>.
7. Gruzdeva, E., Yankhunen Yu. Sokhranenie i vrozozhdenie yazykov korennykh narodov Sakhalina [Preservation and revival of the Languages of native peoples of Sakhalin]. *Assotsiatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii (AKMNSS i DV RF)* [Association of Native Peoples of the North, Siberia and Far East of Russian Federation] (RAIPON)), Retrieved 05.03.2016 from <http://www.raipon.info/info/actual/1294/>.
8. Institut filologii sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Retrieved 29.02.2016 from <http://www.philology.nsc.ru/>.
9. Kazakevich, O. A., Klyachko, E. L. (2013). Sozdanie mul'timediynogo annotirovannogo korpusa tekstov kak issledovatel'skaya protsedura [Creating multimedia annotated corpus of texts as a research procedure]. *Proc. International Conference «Corpus Linguistics»*. St-Petersburg, 292–300. Retrieved 29.02.2016 from corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Kazakevich.pdf.
10. Laboratoriya avtomatizirovannykh leksikograficheskikh sistem Nauchno-issledovatel'skogo vychislitel'nogo tsentra Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. [Laboratory of automatic Lexicography systems of the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University]. Retrieved 01.03.2016 from <http://www.lcl.srcc.msu.ru/staff.htm>.
11. Morozova, O. N. (2014). Mul'timediynyy korpus zvuchashchey rechi evenkov Priamur'ya v protsesse obucheniya evenkiyskomu yazyku [Multimedia corpus of oral Evenki speech of the Amur region in the Evenki language learning]. *Proc. Scientific-Practical Conference with International Participation*. Petrozavodsk, 91–93.
12. Department of Linguistics of Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia), Retrieved 06.02.2016 from http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/papers/pakendorf.shtml.

13. Radnaeva, L. D., Afanas'eva, E. F. (2012). Razrabotka zvukovogo fonda sovremennogo evenkiyskoggo yazyka v Buryatskom gosudarstvennom universitete [The development of a oral speech corpus of the modern Evenki language in the Buryat State University]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Retrieved 29.02.2016 from <http://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-zvukovogo-fonda-sovremennogo-evenkiyskogo-yazyka-v-buryatskom-gosudarstvennom-universitete>.
14. Atlas of the World's Languages in Danger / Christopher Moseley (2010). UNESCO. Retrieved 29.02.2016 from <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>.
15. Endangered Languages Project. Retrieved 02.03.2016 from <http://www.endangeredlanguages.com/lang/1186>.

УДК 81'373.46
UDC 81'373.46

Ловцевич Галина Николаевна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Galina N. Lovtsevich
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: lovtsevich.gn@dvfu.ru

Трифонов Александр Сергеевич
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Alexander S. Trifonov
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: aleksander.s.t@live.com

**ДЕФИНИЦИЯ ТЕРМИНА В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО
И СОЦИОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ В ТЕРМИНОВЕДЕНИИ**
**TERMINOLOGICAL DEFINITION WITHIN THE FRAMEWORK
OF TRADITIONAL AND SOCIOCOGNITIVE TERMINOLOGY**

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают различные точки зрения на критерий дефинируемости как на основной признак термина. Описывается само понятие терминологической дефиниции и анализируются её основные задачи, функции и характеристики. Также описываются основные требования, предъявляемые исследователями к смысловому содержанию дефиниции. Кратко рассматривается вопрос разграничения таких понятий как дефиниция и толкование термина. В центре внимания находятся основные способы дефинирования термина с точки зрения традиционного подхода в терминоведении и существующие альтернативы дефинирования, предлагаемые исследователями в рамках социокогнитивного подхода. Изучаются случаи, в которых традиционная логическая дефиниция является эффективным средством выражения специального понятия и случаи, когда она не может полностью удовлетворять требованиям пользователей терминологических словарей. В статье описываются причины приоритетности социокогнитивного подхода к дефинированию определённых категорий терминов.

Abstract

In this article, the authors examine different perspectives on the criterion of term definability as the main criterion of the term. The concept of terminological definition and its main tasks, functions and characteristics are described and analyzed. The basic requirements concerning the definition content given by researchers are described. The authors address the issue of differentiating such concepts as term definition and term interpretation. Different ways of defining term are in the focus of attention from the viewpoints of traditional and sociocognitive

approaches to Terminology. The cases when the traditional logic definition is an effective tool for expressing special concepts as well as the cases when it can not meet the requirements of users of terminological dictionaries are briefly discussed. This article describes reasons for priority of sociocognitive approach to define certain categories of terms.

Ключевые слова: дефиниция термина, традиционное терминоведение, социокогнитивное терминоведение, понятие, логико-понятийный подход.

Keywords: definition, traditional Terminology, sociocognitive Terminology, concept, logical-semantic approach.

В свете постоянного роста числа терминологических словарей в различных областях специального знания и развития теоретических направлений терминоведения, возникает вопрос о возможности дополнения принципов традиционного терминоведения в отношении дефинитивной функции термина и способов его дефинирования.

Вместе с тем, в области терминоведения появляются и получают дальнейшее развитие различные альтернативные подходы. В рамках подобных подходов выдвигаются альтернативные решения различных проблем терминоведения, в том числе и вопроса дефинированности термина как его неотъемлемого качества, а также способов дефинирования специальной лексики. Мы рассмотрим один из таких подходов – социокогнитивный, а также случаи, когда применение способов дефинирования в рамках данного подхода может считаться эффективным.

Как будет показано, анализ приведённых точек зрения на способы дефинирования различных категорий терминологических единиц, выделяемых в современном терминоведении, позволяет нам сделать определённые предположения о приоритетности описания тех или иных категорий терминов с точки зрения как традиционного подхода в терминоведении, так и социокогнитивного. Вместе с тем, мы отмечаем, что наибольшая эффективность дефинирования терминов может быть достигнута путём сочетания способов дефинирования, используемых в обоих подходах.

В данной статье мы рассмотрим существующие подходы к дефинированию специальной лексики с точек зрения традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении, а также представим категории терминов, которые будут выделяться в ходе дальнейшего исследования.

По мнению ряда исследователей, дефинированность термина является его обязательным специфическим признаком. Так, В. П. Даниленко, Т. Л. Кандаки и Л. В. Попова полагают, что на наличии у термина дефиниции основан собственно критерий терминологичности. В соответствии с данной точкой зрения, термином может считаться только такая единица языка, которой может быть присвоено определение, в то время как языковая единица, не имеющая определения, термином считаться не может. Авторы полагают, что дефинитивная функция термина является обязательным условием его существования и заключается в выражении специального понятия, регламентированного в своих границах дефиницией. Именно благодаря данной функции термина ста-

новится возможным отнести существующее понятие к соответствующей категории понятий [Ахметбекова, 2014, с. 17; Головин et al., 1987, с. 61; Гринев, 2008, с. 27; Попова, 2011, с. 19, 32]. Таким образом, общая черта приведённых точек зрения может быть отражена в утверждении о том, что терминологическая дефиниция является основным средством передачи семантического параметра термина [Ловцевич, 2009, с. 180]. В связи с этим уместно привести замечание Г. Н. Ловцевич о том, что при соотношении терминов точных и естественных наук на иностранном и родном языках объём и качество научного понятия, которое они обозначают, может быть достигнуто именно посредством строгой научной дефиниции, которая позволяет получить абсолютное тождество денотата при различном оформлении означающего [Ловцевич, 2008, с. 126]. В то же время, по мнению других исследователей, в частности, В. М. Лейчика, утверждение о том, что основным признаком термина является наличие обязательной научной дефиниции, является неверным [Лейчик, 2007, с. 23–24]. В качестве аргумента приводятся утверждения о том, что, так как один и тот же термин может иметь множество определений своего значения в различных теориях, то становится непонятно, какую из множества дефиниций должен иметь термин. Также утверждается, что дефиницию может иметь не только термин, но и любое слово или словосочетание естественного языка, что делает этот признак неспецифичным для термина. Наконец, отмечено, что в специальных сферах существуют понятия, не имеющие дефиниций, выраженных языковыми средствами. На основе данного утверждения В. М. Лейчиком было уточнено, что более верными определениями термина представляются не те, которые говорят об обязательном наличии у него дефиниции, а те, согласно которым термином называется лексическая единица, т р е б у ю щ а я дефиниции [Лейчик, 2007, с. 24]. В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой дефинитивная функция термина является его неотъемлемой характеристикой, поскольку появление нового понятия обуславливает, с одной стороны, необходимость как определения границ понятия, а с другой – необходимость выявления его отличительных черт, что наиболее полно реализуется через дефиницию термина [Antia, 2000, с. 113]. Отметим, что данный критерий в той или иной форме принимается большинством авторов в качестве одного из наиболее важных критериев термина. Далее, рассмотрим более подробно критерий дефинированности термина, а также цели и характеристики дефиниции и проанализируем особенности дефинирования в свете различных подходов в терминоведении. Обратимся, прежде всего, к самому понятию дефиниции¹.

¹ В рамках рассматриваемой темы уместно затронуть вопрос о понимании самих терминов «дефиниция» и «толкование». Согласно В. Д. Табанаковой, в лингвистике до сих пор не существует их однозначного понимания и они, как правило, используются как взаимозаменяемые. В тоже время, А. М. Ахметбекова, разграничивает данные термины: толкование является широким понятием и не ограничивается единственной возможной интерпретацией, позволяя вносить изменения в существующий понятийный аппарат; дефиниция, в отличие от толкования, ориентируется на логическую категорию определения и, раскрывая только основные признаки описываемого понятия, не совпадает с научным понятием и не допускает множественные интерпретации [Ахметбекова, 2014, с. 23; Табанакова, 2001, с. 115].

Многие авторитетные исследователи (С. В. Гринев, Т. Л. Канделаки, В. М. Лейчик) едины во мнении относительно того, что дефиницией называется словарное логическое определение понятия с целью выявления границы, отделяющей предметы, охватываемые данным понятием, от смежных с ним понятий. В дефиниции выявляются специфические особенности описываемого понятия, отличающие его от смежных с ним понятий, при этом в дефиниции содержится минимальный объём сведений, необходимых для отграничения друг от друга отдельных понятий. По мнению Т. Л. Канделаки, именно из числа этих специфических признаков происходит отбор *необходимых* и *достаточных* признаков (курсив Т. Л. Канделаки, все не оговоренные выделения принадлежат нам. – Г. Н., А. С.) [Канделаки, 1977, с. 9], которые по возможности необходимо отразить в звуковой оболочке термина. Дефиниция представляет собой своеобразное уравнение, основанное на правилах формальной логики и состоящее из левой части (Definiendum - Dfd) и определяющей, правой части (Definiens - Dfn) [Ахметбекова, 2014, с. 19–20; Головин et al., 1987, с. 62; Гринев, 2008, с. 82; Лейчик, 2007, с. 24; Попова, 2011, с. 33; Суперанская et al., 2012, с. 161–162; Antia, 2000, p. 114]. Необходимо также отметить, что терминологические дефиниции одного и того же понятия могут отличаться по своему содержанию в различных языках. По мнению А. М. Ахметбековой, А. В. Суперанской и других, решающим фактором в этом процессе являются лингвистические теории и направления изучения данной предметной области, так как дефиниции могут существовать только относительно определённой точки зрения и быть членами различных иерархий. Отличительной характеристикой терминологической дефиниции является то, что она представляет семантизацию термина посредством минимального текста, который, следовательно, должен быть максимально информативным, а его семантическая структура – максимально логичной [Ахметбекова, 2014, с. 21; Суперанская et al., 2012, с. 167].

Исследователи отмечают, что основной задачей дефиниции является не описывать существующий предмет, но отграничивать данный предмет или объект, который далее будет функционировать в определённой предметной области, от других смежных с ним объектов. Из этого следует, что одна из основных характеристик дефиниции состоит в том, что она обязана максимально достоверно отразить основные информационные характеристики предмета с целью уточнения его сущности для возможности употребления данного термина в определённой области специального знания, то есть выполнять моделирующую функцию. Отличительной чертой данного процесса является то, что отграничение какого-либо понятия не должно быть исчерпывающим, но, в то же время, должно осуществляться с помощью минимального количества информации, необходимой для его понимания, восприятия и разграничения от других понятий. В различных областях специального знания дефиниция выполняет функцию введения определённого термина в текст [Ахметбекова, 2014, с. 18–19; Канделаки, 1977, с. 26; Маджаева, 2011, с. 5; Суперанская et al., 2012, с. 162].

Рассмотренные задачи дефиниции в значительной мере определяют её смысловое содержание. Исследователями принято отмечать, что, исходя из того, что дефиниция термина является наиболее лаконичным по форме способом семантизации термина, в неё должны, соответственно, быть включены лишь наиболее существенные и отличительные характеристики понятия, непосредственно релевантные для его идентификации. Относительно отличительных признаков данного понятия утверждается, что при их отборе следует напрямую ориентироваться на конкретную систему понятий [Суперанская et al., 2012, с. 167]. С целью разъяснения данного положения мы, следуя примеру А. В. Суперанской и её соавторов, рассмотрели, каким образом сфера функционирования термина способна повлиять на отбор релевантных признаков, включённых в его дефиницию. Ниже мы приводим дефиниции термина *area* из двух терминологических словарей – из терминологического словаря по экологическому праву *Dictionary of Environment and Ecology* (далее DEE) [Collin, 2004, p. 13] и из словаря общей терминологии англоязычной юриспруденции *Black's Law Dictionary* [Black et al., 1990, p. 106].

The measurement of the space taken up by something, calculated by multiplying the length by the width; a region of land (DEE)

A surface, a territory, a region. Any plane surface, also the inclosed space on which a building stands. A particular extent of space or surface or one serving a special purpose. In the civil law, a vacant space in a city; a place not built upon (BLD)

Из приведённых примеров очевидно, что в дефиниции термина *area* в словаре DEE приоритетными характеристиками описываемого понятия являются те, которые содержат информацию о физических и географических параметрах данного понятия, в то время, как информация о каком-либо влиянии или присутствии человека в данном случае не является релевантной. В то же время, в дефиниции данного термина в словаре BLD перво-степенное значение имеют те характеристики, которые содержат информацию о влиянии человека на данный объект и о предназначённости данного объекта для человека. Таким образом, может быть сделан вывод о значительных различиях в содержании дефиниции одного термина, если он рассматривается с различных научных или специальных направлений.

Принято утверждать, что при возможном многообразии отличительных признаков понятия любая дефиниция, как правило, будет содержать 1) соотнесение понятия с более широким; 2) отличие определяемого понятия от смежных с ним понятий; 3) раскрытие сущности определяемого понятия через перечисление его существенных признаков [Ахметбекова, 2014, с. 26; Табанакова, 2001, с. 122]. Однако по утверждению В. Д. Табанаковой, далеко не каждая дефиниция является «идеальной», то есть содержащей все перечисленные признаки специального понятия.

Для того, чтобы формирование дефиниции, включающей в себя всю релевантную информацию, было возможным, лингвистами предлагается ряд требований к дефиниции с точки зрения логики и терминоведения, которые должны быть учтены при её конструировании. Обобщив основные требования, выдвигаемые рядом авторов, можно сделать вывод, что: 1) дефиниция должна быть точной, чёткой и не содержащей двусмысленных выражений посредством использования известных и понимаемых терминов; 2) дефиниция должна быть соразмерной тому, что она определяет; 3) видовым отличием должен быть признак, характерный только для данного понятия и отсутствующий у других, относящихся к этому же роду; 4) дефиниция не должна иметь негативную форму, а именно перечислять признаки, отсутствующие у понятия, если возможно положительное определение; 5) дефиниция не должна содержать логического круга, то есть определять объект через него самого; 6) дефиниция не должна быть логически противоречивой, а значит, перечисленные в дефиниции признаки не должны исключать друг друга; 7) дефиниция должна быть краткой – состоять из логически законченного предложения и не должна содержать избыточной информации, поскольку её многословность свидетельствует о нечёткой организации системы понятий; 8) дефиниция не должна быть тавтологичной, то есть содержать признаки, отраженные в форме термина [Ахметбекова, 2014, с. 30–33; Гринев, 2008, с. 85–87; Квитко, 1976, с. 27–28; Квитко et al., 1986, с. 56–57; Суперанская et al., 2012, с. 168–169]. Общей чертой выдвигаемых требований, по мнению И. С. Квитко, является объективность дефиниции, её способность охватить наиболее важные стороны понятий и соответствие грамматической и стилистической сторон дефиниции нормам литературного языка. Перечисленные правила могут использоваться как для оценки, так для составления дефиниций [Гринев, 2008, с. 88; Квитко, 1976, с. 28].

Далее мы рассмотрим основные способы дефинирования, принятые в традиционном подходе в терминоведении а также альтернативные способы дефинирования, предлагаемые сторонниками социокогнитивного подхода.

Под традиционным подходом в терминоведении принято понимать подход, разработанный сторонниками Венской, Советской и Пражской школ терминоведения. Традиционная теория терминоведения основана на значимости понятий и необходимости их отграничения друг от друга. Первостепенное значение в данном подходе имеют понятия, отношения между понятиями, отношения между терминами и понятиями и соотношение понятий с определёнными терминами. Область функционирования понятий рассматривается отдельно от области функционирования терминов. Так как в рамках данной теории понятие изначально имеет преобладающее значение над термином, в центре внимания терминологической работы находятся именно понятия, понятийная структура и способы её репрезентации [Packeiser, 2009, p. 16–17, 29; Pearson, 1998, p. 10–11]. В традиционной теории терминоведения для того, чтобы определить понятие, необходимо определить его место в логически или онтологически структурированной системе понятий. В соответствии с принципами традиционного подхода, в

любой дефиниции должны быть отображены более широкое понятие и основные характеристики, позволяющие отграничить данное понятие от других [Temmerman, 2000, p. 4, 76].

Согласно правилам традиционной школы терминоведения, терминологическая дефиниция должна быть представлена тремя типами дефиниций: интенциональной (*intensional definition*), экстенциональной (*extensional definition*) и партитивной (*part-whole definition*) [Packer, 2009, p. 31 ; Temmerman, 2000, p. 8–9]. Рассмотрим принципы формирования данных типов дефиниций на примере терминов из правовых актов природоохранного законодательства Канады, поскольку одна из целей настоящего исследования заключается в построении дефиниций для различных типов терминов природоохранного законодательства РФ и Канады.

В интенциональной дефиниции класс предметов выделяется методом описания его признаков. Это означает, что описывать термин необходимо исходя из ближайшего родового понятия и видовых отличий, позволяющих отграничить описываемое понятие от других понятий внутри данного рода. Так, интенциональной дефиницией обладает термин *close time*, рассматриваемый нами на примере канадского законодательного акта *Fisheries Act*. Как видно из приведённой дефиниции, описание значения термина происходит путём выделения, в первую очередь, понятия, стоящего на более высокой ступени иерархической цепочки и, далее, отграничения данного понятия от смежных с ним понятий путём выделения видовых отличий:

a specified period during which fish to which it applies may not be fished [Fisheries Act, 1985, p. 1].

В экстенциональной дефиниции класс предметов выделяется методом перечисления составляющих данный класс элементов: данная дефиниция перечисляет все виды рода или все части целого. Исходя из этого, мы считаем, что термин *federal land*, приводимый в канадском природоохранном акте *Canadian Environmental Protection Act*, обладает дефиницией именно такого типа, поскольку она была образована перечислением основных компонентов, из которых состоит рассматриваемое нами понятие:

land, including any water, that belongs to Her Majesty in right of Canada, or that Her Majesty in right of Canada has the right to dispose of, and the air and all layers of the atmosphere above and the subsurface below that land [Canadian Environmental Protection Act, 1999, p. 7].

В партитивной дефиниции происходит раскрытие содержания понятий «часть целого» или «совокупность частей». Такие дефиниции особенно характерны для понятий предметной категории и категории процессов и величин. Признак «часть целого» обозначается в дефиниции сочетанием имени существительного (часть) в именительном падеже и существительного в родительном падеже (целое). В таком типе дефиниции понятие целого всегда предварительно определено и терминовано. [Ахметбе-

кова, 2014, с. 35–37; Суперанская et al., 2012, с. 166–167; Packeiser, 2009, p. 31; Pearson, 1998, p. 85; Temmerman, 2000, p. 8–9]. Следуя данному утверждению, мы полагаем, что термин *forested natural area*, употребляемый в рамках канадского законодательного акта *Forest Management Act* (Prince Edward Island), определяется посредством партитивной дефиниции:

an area of forest land selected because it is representative of a rare or uncommon forest ecosystem and which is designated as such by regulation [Forest Management Act (Prince Edward Island), 1988, p. 2].

Сторонники социокогнитивного подхода в терминоведении, в частности, Р. Теммерман, полагают, что принципы дефинирования в традиционном терминоведении могут быть дополнены альтернативными принципами, зависящими от типа определяемого понятия. Автор предлагает задать вопрос о возможности дефинирования понятия как части логически или онтологически структурированной системы. Если такая возможность существует, то допустимо присвоить термину традиционную дефиницию, основанную на выявлении более широкого понятия и отличительных черт, позволяющих отграничить его от других понятий. Если же это невозможно, то речь идёт о понятиях, имеющих прототипичную структуру, и требующих дефиницию другого рода [Temmerman, 2000, p. 122]. Автор выделяет три типа понятий с точки зрения социокогнитивного подхода, имеющие свои особенности в дефинировании: объект (*entity*), действие (*activity*) и собирательные категории (*collective categories / umbrella categories*) [Temmerman, 2000, p. 75]. Относительно объектов в рамках социокогнитивного терминоведения допустимо утверждать о возможности их определения в соответствии с принципами традиционного терминоведения, поскольку есть возможность, во-первых, выделения более широкого понятия, во-вторых, перечисления отличительных характеристик понятия с целью определения его позиции в системе понятий и отделения от других понятий на одном уровне абстракции. Также возможна и экстенциональная дефиниция, однако, отмечается, что перечисление всех индивидуальных объектов, принадлежащих определяемому понятию, может быть излишне обширным и подробным [Temmerman, 2000, p. 80–81].

В отношении действий утверждается, что более широкое понятие может варьировать (например, у такого термина, как *processing* это могут быть *техника, метод, процедура*) и, таким образом, становится невозможным предложить абсолютно точную понятийную структуру, которая включает минимальный набор основных характеристик, позволяющих отграничить данное понятие от других. Как правило, выделение экстенции у данного типа понятий считается возможным, что подтверждается следующей дефиницией данного термина:

“processing” includes icing, packing, cleaning, filleting, freezing, smoking, salting, canning, cooking, pickling, drying or preparing fish for market in any other manner [Fisheries (Alberta) Act, 2000, p. 4].

По утверждению Р. Теммерман, в дефинициях понятий такого типа особое значения приобретает энциклопедическая информация, например, о целях, последовательности и способах применения определённого действия. Причиной называется то, что постижение таких понятий представляет собой не логически структурированный процесс а, скорее, поиск связи между новыми элементами, существующих в человеческом понимании [Temmerman, 2000, p. 83].

Относительно *с о б и р а т е л ь н ы х* к а т е г о р и й утверждается, что определение более широкого понятия является невозможным, поскольку такие термины, как, например, термин *ecosystem*, как правило, не определяются в таксономической структуре понятий, принятой в традиционном терминоведении. Считается, что даже если более широкое понятие будет определено, то оно будет слишком размытым и общим, если его дефиниция будет сформирована в соответствии с принципами традиционного терминоведения. В качестве примера нежелательной дефиниции для термина *ecosystem* нами была рассмотрена интенциональная дефиниция данного термина в канадском правовом акте *Canadian Environmental Protection Act*:

a dynamic complex of plant, animal and micro-organism communities and their non-living environment interacting as a functional unit [Canadian Environmental Protection Act, 1999, p. 6].

С точки зрения социокогнитивного подхода, выделение в качестве более широкого понятия *dynamic complex* считается слишком общим и не принадлежит к той специальной области, в которую входят компоненты понятия *ecosystem*.

Выделение экстенции в полной мере также называется невозможным, так как при традиционном анализе экстенция данного термина будет включать в себя абсолютно всё, что может считаться частью или типом какого-либо понятия, например, экосистемы, так как термины такого типа являются междисциплинарными и рассматриваются в свете множества различных научных подходов [Temmerman, 2000, p. 84–86].

Таким образом, может быть сделан вывод о том, что в определённых случаях более эффективным может считаться сочетание принципов традиционного подхода в терминоведении с принципами социокогнитивного. Так, определение такого типа понятий, как *п р е д м е т ы*, чаще всего оказывается возможным и эффективным с точки зрения традиционного терминоведения. В отношении таких типов понятий как действия и *с о б и р а т е л ь н ы е* к а т е г о р и и сторонниками социокогнитивного подхода предлагаются определённые решения.

В качестве первого шага, применяемого при дефинировании понятий, относящихся к действиям и *с о б и р а т е л ь н ы м* к а т е г о р и я м, предлагается выделение так называемой *в н у т р е н н е й* *д е ф и н и ц и и* (*core definition*), содержащей в себе, независимо от типа дефинируемого поня-

тия, минимально необходимую информацию, позволяющую объяснить значение терминологической единицы, например, для действий это могут быть шаги выполнения какой-либо команды [Temmerman, 2000, p. 83, 121]. Следующим этапом является конструирование так называемых *моделей понимания* (templates of understanding), состоящих из различных *модулей информации* (modules of information), которые содержат более или менее важную информацию о понятии, в зависимости от его типа, а также о прочих факторах, например, о направлениях изучения, в которых рассматривается данное понятие. По мнению Р. Теммерман, при составлении таких модулей, одним из наиболее общих и важных аспектов является выделение *исторической информации*, то есть информации как об основных этапах развития, например, какой-либо научной дисциплины, так и определённые предположения о её перспективах в будущем, причём, если для действий такая информация является вариативным элементом и, в зависимости от определяемого понятия, может отсутствовать, то для большинства собирательных категорий её наличие обязательно. Прочие модули информации могут включать в себя сведения о таких аспектах понятия, как его компоненты, более широкие понятия, типы данного понятия, цели и процесс его применения, а также научные подходы его изучения. Стоит повториться, что важность и количество различных модулей напрямую зависят от типов понятий и описываемой специальной области знания. Так, говорится о том, что такой модуль информации, как, например, *последовательность применимости* является абсолютно нерелевантным для собирательных категорий, в то время как при определении действий употребление данного модуля считается безусловно необходимым. В то же время такой модуль, как *процесс применимости* может одинаковую значимость в обеих перечисленных категориях понятий [Temmerman, 2000, p. 121, 226].

Итак, рассмотрев критерий дефинированности термина, а также существующие подходы к дефинированию как в отечественном, так и зарубежном терминоведении, мы пришли к выводу, что дефинитивность термина является его неотъемлемым свойством. Был также сделан вывод, что в дальнейшем исследовании нам следует ориентироваться на сочетание принципов традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении, так как данный шаг может считаться эффективным в конструировании терминологических дефиниций рассматриваемых нами категорий терминов. Таким образом, в рамках данного исследования мы намерены разделить описываемые термины экологического права на определённые группы, в пределах которых будут применяться различные способы дефинирования. Так, весьма целесообразным нам представляется описание такой терминологической категории, как объект, согласно правилам традиционного терминоведения, поскольку в рамках категории выделение более широкого понятия, а также выявление признаков, позволяющих указать на отличие описываемого понятия от других видовых понятий, принято считать не только возможным, но и эффективным.

В то же время, дефинируя процессы и собирательные категории, мы намерены обращаться к принципам социокогнитивного терминоведения.

Список литературы

1. Ахметбекова, А. М. Лексикографические и метатекстовые характеристики терминологической дефиниции [Текст]: дис. ... д-ра философии (Ph.D.) 6D021000 / Ахметбекова Асель Мейрамовна; Казахский нац. ун-т имени аль-Фараби. – Алматы, 2014. – 122 с.
2. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов [Текст] / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
3. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
4. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов [Текст] / Т. Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
5. Квитко, И. С. Термин в научном документе [Текст] / И. С. Квитко. – Львов: Изд-во при Львов. гос. ун-те издательского объединения «Вища Школа», 1976. – 125 с.
6. Квитко, И. С. Терминоведческие проблемы редактирования [Текст] / И. С. Квитко, В. М. Лейчик, Г. Г. Кабанцев. – Львов: Изд-во при Львов. гос. ун-те издательского объединения «Вища Школа», 1986. – 150 с.
7. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В. М. Лейчик. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
8. Ловцевич, Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь как средство репрезентации терминологии гуманитарных наук [Текст] / Г. Н. Ловцевич. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 264 с.
9. Ловцевич, Г. Н. Трехуровневая система компаративного анализа англоязычных и русских терминов методики преподавания иностранных языков [Текст] / Г. Н. Ловцевич // Известия ВГПУ. – 2008. – №2 – С. 126–130.
10. Маджаева, С. И. Способы номинации в медицинской терминологии [Электронный ресурс] / С. И. Маджаева // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 1 (22). Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/022/7_22.pdf.
11. Попова, Л. В. Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»): [Электронный ресурс] / Л. В. Попова. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 198 с. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=FR_MAAAAQBAJ&pg=PA2&lpg=PA2&dq=Попова
12. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории. Изд. 6-е. [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 248 с.
13. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук 10.02.21 / Табанакова Вера Дмитриевна; Тюменский Государственный Университет. Тюмень, 2001. – 288 с.
14. Antia, B. E. Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse. Volume 2 [Text] / Bassegy Edem Antia. – Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 264 p.

15. Black, H. Black's Law Dictionary. 6th ed. [Text] / H. Black, J. R. Nolan, J. M. Nolan-Haley. – Saint Paul, Minnesota : West Publishing Co., 1990. – 1500 p.
16. Canadian Environmental Protection Act [Text]. Current to October 31, 2012; Last amended on October 5, 2012. 1999. – 252 p.
17. Collin, P. H. Dictionary of Environment and Ecology [Text] / P. H. Collin. – 5th ed. – London : Bloomsbury Publishing Plc., 2004. – 264 p.
18. Fisheries Act [Text]. Current to December 9, 2013; Last amended on November 25, 2013. – 1985. – 61 p.
19. Fisheries Act (Alberta) [Text]. Revised statuses of Alberta 2000, Chapter F-16. Current as of December 17, 2014. – 2000. – 27 p.
20. Forest Management Act (Prince Edward Island) [Text]. Current to May 30, 2012. – 1988. – 13 p.
21. Packeiser, K. The general theory of terminology: a literature review and a critical discussion [Text] / K. Packeiser. – Copenhagen : Copenhagen Business School, 2009. – 84 p.
22. Pearson, J. Terms in context. Volume 1. [Text] / J. Pearson. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1998. – 258 p.
23. Temmerman, R. Towards new ways of terminology description: the sociocognitive approach. Volume 3. [Text] / R. Temmerman. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. – 258 p.

References

1. Akhmetbekova, A. M. (2014). *Leksikograficheskie i metatekstovye kharakteristiki terminologicheskoy definityi* [Lexicographic and meta-text features of term definitions]. Dr. Philol. sci. diss. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.
2. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic basis of the theory of terms]: A course book. Moscow : Vysshaya shkola.
3. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology studies]: A course book. Moscow : Akademiya.
4. Kandelaki, T. L. (1977). *Semantika i motivirovannost' terminov* [Semantics and motivation of terms]. Moscow : Nauka.
5. Kvitko, I. S. (1976). *Termin v nauchnom dokumente* [Term in scientific documents]. Lvov : Lvov State University Press «Vishcha Shkola».
6. Kvitko, I. S., Leychik, V. M., Kabantsev, G. G. (1986). *Terminovedcheskie problemy redaktirovaniya* [Challenging issues of terms in editing process]. Lvov : Lvov State University Press «Vishcha Shkola».
7. Leychik, V. M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Term studies: Object, methods, structure]. 3d ed. Moscow : LKI.
8. Lovtsevich, G. N. (2009). *Krosskul'turnyj terminologicheskij slovar' kak sredstvo reprezentatsii terminologii gumanitarnykh nauk* [Cross-cultural terminological dictionary as a means of representing the Terms of Humanities]. Vladivostok : Far-Eastern University Press.
9. Lovtsevich, G. N. (2008). *Trekhurovnevaya sistema komparativnogo analiza angloyazychnykh i russkikh terminov metodiki prepodavaniya inostrannykh*

- yazykov [Three-level system of comparative analysis of English-origin terms in Russian foreign-language-teaching methods]. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 2, 126–130.
10. Madzhaeva, S. I. (2011). Sposoby nominatsii v meditsinskoy terminologii [Means of nomination in medical terminology]. *Mir lingvistiki I kommunikatsii* [The World of Linguistics and Communication], 1 (22). Retrieved from http://tverlingua.ru/archive/022/7_22.pdf.
 11. Popova, L. V. (2011). *Lingvisticheskiy termin: problema kachestva (Opyt sostavleniya «Kompleksnogo slovarya terminov funktsional'noy grammatiki»)* [Linguistic term: The problem of quality (The experience of creating a «Complex dictionary of Functional Grammar Terms»)]. 2d ed. Moscow: FLINTA. Retrieved from https://books.google.ru/books?id=FR_MAAAAQBAJ&pg=PA2&lpg=PA2&dq=Попова
 12. Superanskaya, A. V., Podol'skaya, N. V., Vasil'eva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Theoretical issues]. 6th. ed. Moscow : «Librokom» Publishing House.
 13. Tabanakova, V. D. (2001). *Ideograficheskoe opisanie nauchnoy terminologii v spetsial'nykh slovaryakh* [Ideographic description of scientific terminology in special dictionaries]. Dr. Philol. sci. diss. Tyumen State University, Tyumen.
 14. Antia, B. E. (2000). *Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse*. Vol. 2. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
 15. Black, H., Nolan J. R., Nolan-Haley, J. M. (1990). *Black's Law Dictionary*. 6th ed. Saint Paul, Minnesota: West Publishing Co.
 16. *Canadian Environmental Protection Act*. Current to October 31, 2012; Last amended on October 5, 2012. 1999.
 17. Collin, P. H. (2004). *Dictionary of Environment and Ecology*. 5th ed. London : Bloomsbury Publishing Plc.
 18. *Fisheries Act*. Current to December 9, 2013; Last amended on November 25, 2013. 1985.
 19. *Fisheries Act (Alberta)*. Revised statuses of Alberta 2000, Chapter F-16. Current as of December 17, 2014. 2000.
 20. *Forest Management Act (Prince Edward Island)*. Current to May 30, 2012. 1988.
 21. Packeiser, K. (2009). *The general theory of terminology: a literature review and a critical discussion*. Copenhagen : Copenhagen Business School.
 22. Pearson, J. (1998). *Terms in context*. Vol. 1. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
 23. Temmerman, R. (2000). *Towards new ways of terminology description: the sociocognitive approach*. Vol. 3. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

«ОН СЛИШКОМ СВЕТ, ЧТОБ НЕ ПОЙТИ ЗА ТЬМОЙ...»
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

«IT IS TOO MUCH OF LIGHT NOT TO FOLLOW THE DARKNESS ...»
POST-SOVIET SOCIOLINGUISTIC SITUATION

Аннотация

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация в ряде стран, переживающих проблемы политической, этнической и языковой ревизии своего прошлого и настоящего. В России новации перестроечного периода были и остаются слишком радикальными, непоследовательными и необдуманно. С распадом СССР большинство стран постсоветского пространства попытались перейти от добровольно-вынужденного билингвизма к языковой гомогенности в максимально краткие сроки. Экономические проблемы Шотландии обусловили с одной стороны, снижение статуса родного языка, а с другой – подхлестнули желание нации к самоопределению. Вынужденное двуязычие в Индонезии в результате голландской колонизации привело к постепенному вытеснению основных языков Индонезии – малайского и яванского. Языковая политика Израиля по введению и распространению иврита как разговорного языка – пример наиболее действенных, исходящих сверху и поддерживающихся изнутри социума мер в отношении «здоровья» и благосостояния языка.

Если самодовление языковой системы подменяется давлением на языковое сознание извне, языковой коллектив внезапно осознаёт непреложную значимость родного языка. Неизбежным следствием непрофессионального контроля государством билингвальной ситуации в стране является перераспределение функций и статуса коммуникативных кодов, что обуславливает дестабилизацию отношений их носителей внутри этноса и в межэтническом взаимодействии. Непреложная составляющая регуляции отношений в триаде «государство – общество – язык» – это баланс реальной и кодифицированной норм национального языка. В статье делается вывод о том, что нерегулируемые языковой политикой новации приводят к денормализации языка, утрате им функционального многообразия и структурного богатства.

Abstract

The article views sociolinguistic situation in some countries undergoing revision of their political, ethnic and linguistic past and present. In Russia Perestroika period innovations were too radical,

inconsistent and thoughtless. With the fall of the USSR most post-soviet countries aimed at fast transition from voluntarily-forced bilingualism to monolingual community. In Scotland economic problems on the one hand determined native language status lowering, on the other – forced the nation's self-identification. Forced bilingualism in Indonesia as a result of its colonization by Holland lead to major native languages – Malayan and Javanese – gradual displacing. Israel's language policy of introducing and popularizing Hebrew was the most efficient supported from within measure providing language well-being, its «treatment and purification».

If language system pressure is substituted by the pressure on linguistic consciousness from outside, linguistic community suddenly realizes native language importance. Inevitable consequence of poor government control over bilingualism in the country is redistribution of functions and communicative codes that destabilizes relations inside ethnic groups and between them. An important factor regulating relations in the triad «state – society – language» is the balance between real and codified standard of the national language. If not regulated, innovations can denormalize the language that can lose functional and structural variety.

Ключевые слова: язык, социум, государство, норма, языковая политика, этнолингвистика, социоллингвистика.

Keywords: language, society, state, standard, language policy, ethnolinguistics, sociolinguistics.

1. Общая характеристика проблемы

Наиболее подходящим словом для завершения вынесенного в заголовки статьи предложения и положения дел в заявленной проблеме на сегодняшний день следует считать прилагательное «удручающая». Констатацией этого факта можно было бы и ограничиться, если считать создавшуюся ситуацию безысходной. Оптимизма немного, поскольку слишком радикальными, непоследовательными и необдуманно были и остаются новации перестроечного периода.

Глобальный передел материальных и духовных ценностей на территории нашей бывшей родины существенно изменил не только характер отношений некогда «братских» народов, но и способы их коммуникации. Великий и могучий русский язык постепенно переставал быть единым кодом межнационального общения, испытывая достаточно интенсивное давление: а) изнутри, со стороны национальных языков некогда единого государства; б) извне вследствие внезапно поднятого «занавеса», со стороны стран дальнего зарубежья, представлявших в основном англо-саксонскую лингвокультуру.

Известный социоллингвистический постулат о том, что при определённых условиях «языки в контакте становятся языками в конфликте», как нельзя лучше характеризует языковую ситуацию России последних десятилетий XX века.

Напомним читателю события тех лет, а также причины и условия, подготовившие идеологический, экономический и языковой распад СССР, казавшегося на протяжении почти 80 лет монолитным и незыблемым колоссом.

Советский Союз всегда был территорией добровольно-вынужденного билингвизма. Доминирование русского языка формировалось не столько его государственным статусом, хотя и это имело значение, сколько его коммуникативной мощью, накопленной за годы советской власти и коммунистической идеологии. С помощью русского языка государству было проще реализовать центростремительный характер отношений Москвы – столицы России и СССР – с союзными республиками. Представители титульных наций братских республик постепенно утрачивали связи с родными языками и переключались на единый языковой код, призванный обслуживать «новую историческую общность» – советский народ. Справедливости ради следует заметить, что после октябрьского переворота в течение 15 лет народы СССР имели возможность использовать национальный язык и развивать национальную культуру. Языковая картина нашей бывшей Родины кардинально изменилась после известного постановления Совнаркома СССР об обязательном изучении русского языка в национальных школах. С 1930 по 1980-е годы имеет место интенсивное поступательное развитие русско-национального субординативного двуязычия. Не все было гладко на этом пути, но так или иначе, СССР постепенно стал огромным по территории и коммуникативной мощи полигоном доминирования русского языка. Национальные языки в остаточном виде сохранились только в странах Балтии, азиатских и кавказских республиках.

Помимо взвешенной и целенаправленной позиции государства, для которого всегда была (есть и будет) оптимальной и удобной монолингвальной ситуацией, поскольку посредством одного языкового кода легче и дешевле управлять страной, немаловажным фактором превосходства русского языка в СССР, стала возможность регулируемой и поощряемой государством миграции русскоязычного населения в национальные республики и автономные территориальные образования. Представители русского этноса приносили лингвоментальные характеристики титульной нации, постепенно ассимилируя в себе явления национальной культуры. Хорошо это или плохо, но русский язык воспринимался всеми без исключения гражданами СССР как обязательный инструмент социальной адаптации индивида. С распадом Советского Союза языковые процессы начинают движение вспять. Ставшие независимыми и самостоятельными союзные республики пытаются восстановить *status quo* и в языковом строительстве. Большинство из стран постсоветского пространства поставило перед собой *a priori* неосуществимую задачу – обретение языковой гомогенности в максимально краткие сроки. Более всего в стремлении к реализации этой порочной в своём дилетантизме идеи удивляет: а) воинствующий дилетантизм государственных институтов, принимавших (и принимающих) такие решения; б) преступное бездействие лингвистической общественности тех стран, в которых пытались реализовать расхожую истину: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...».

Языковая политика в СССР при всей её неизбежной и необходимой в условиях коммунистической идеологии жёсткости, привела к дисбалансу русского и других национальных языков. Очевидно, субординативный би-

лингвизм в полиэтническом государстве, предполагающий первенство одного из языков, имеет некую критическую отметку; за ней субординация в отношениях двух или более языков трансформируется в подавление коммуникативно более слабого языка. В СССР русский язык растворил в себе большинство национальных языков, обречённых на использование в качестве вспомогательного средства коммуникации со статусом социолекта. Могло ли быть иначе? Ответ очевиден: нет, не могло. Равно, как и не могли быть реализованы попытки нейтрализовать влияние русского языка после распада СССР.

Языковая ситуация на постсоветском пространстве еще очень долгое время будет иметь билингвистическое (бикомпонентное) содержание, потому, что русский язык очень долгое время являлся единым государственным языком для всех граждан СССР, вне зависимости от их национальности и территориальной принадлежности. Объективное коммуникативное превосходство русского языка и сейчас имеет подавляющий характер. Кроме того, русский язык в бывших национальных республиках обслуживал те сферы жизнедеятельности, в которых национальные языки не «работали» и не смогут ещё долгое время «работать» по причине внутрискруктурной несостоятельности. Таким образом, параллельное двуязычие постепенно трансформируется в доминантный билингвизм, когда «полифункциональный язык употребляется в большинстве социально значимых ситуаций, а язык с меньшим набором функций – в социально менее значимых ситуациях» [Крысин, 2000].

Основным фактором, регулирующим отношения двух языков, является языковая среда, которая обуславливает необходимость перехода с родного языка на второй в тех или иных ситуациях общения. Если же языковая среда позволяет обходиться одним (родным) языком, то переход на второй (не родной) язык осуществляется в крайне ограниченном наборе ситуаций, связанных, как правило, с реализацией различного рода официальных отношений с институтами государственной власти – носителями второго языка. Большое значение здесь имеет экономическая составляющая государства, регулирующая и управляющая процессом социальной адаптации граждан. Так, например, существенный спад экономики Шотландии за последние 20–25 лет привёл к утрате статуса диалекта шотландского языкового кода «scots» и его постепенной ассимиляции в более мощном британском английском. Большинство шотландцев было вынуждено искать работу на территории Англии, что обусловило перераспределение функций двух разновидностей языкового кода не в пользу родного. Ситуация вынужденного двуязычия, однако, не всегда приводит к полному забвению родного языка. Во-первых, потому, что экономический спад явление преходящее, приведённый пример с Шотландией весьма показателен, поскольку именно этот регион Великобритании сейчас близок к проведению референдума по самоопределению.

В этой связи уместно вспомнить слова Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974, с. 35]: «Время не есть фактор эволюции языка, оно лишь рамки эволюции». Тем не менее, именно время и интенсивность контактов опреде-

ляет статус и функции взаимодействующих языков. Одним из наиболее показательных примеров в этом плане является языковая ситуация в Индонезии. Более чем 350-летняя колонизация этой страны, занимающей четвертое место в мире по численности населения, и размещающей на своей территории от 100 до 367 этносов (данные 1986 г.) привела к постепенному вытеснению основных языков Индонезии – малайского и яванского. Удивительно, но голландцы вплоть до середины XIX в. не пытались насаждать свой язык даже среди крупнейших этносов страны. И только в начале XX в. голландцы начали пропагандировать и внедрять изучение языка метрополии, назвав это «этическим курсом». Основная цель языковой политики заключалась в том, чтобы с помощью голландского языка «помочь индонезийцам построить будущее, а голландцам защитить прошлое» [Кондрашкина, 1986]. И, во-вторых, вынужденное двуязычие – это лишь «маска» или «униформа», которую билингв надевает на определенное время, а придя домой, снимает её и остаётся в привычном для себя обличье. В статье В.М. Алпатова [Алпатов, 2000, с. 196] приводится замечательный пример о двуязычной саамке, которая «свободно владела норвежским языком, но в состоянии депрессии ей мог помочь только саамский». С большой долей вероятности можно предположить, что довлеющий характер родного языка проявляется и в других состояниях человека, выходящих за пределы нейтрального уровня психики. Но совершенно другая реакция имеет место, когда самодовление языковой системы подменяется давлением на языковое сознание извне. Язык в этом случае становится не только осязаемой частью тела каждого индивидуума – носителя языка, но и нервом всего языкового коллектива, вдруг осознающим непреложную значимость родного языка.

2. Этнолингвистическая составляющая проблемы

В такой ситуации язык становится, пожалуй, единственным средством самопрезентации и ощущения своей этнической принадлежности. Стремление к языковой однородности в странах ближнего зарубежья можно понять, однако политически корректными и дальновидными такого рода усилия признать нельзя. В какие бы формы ни были облечены попытки вытеснить русский язык из постсоветского коммуникативного пространства, результат будет один – неуспех. Вполне возможны и более ощутимые деструктивные последствия, связанные с изменениями интеллектуального, социального и культурного баланса полиэтнического общества. Происходящие события на Украине – убедительное тому свидетельство. Наиболее уместными и корректными определениями, с помощью которых можно оценить действия правительств некоторых стран ближнего зарубежья, осуществляющих языковую политику, являются следующие: смешные, наивные и вредные. Лингвистическое невежество на постсоветском пространстве обусловлено, помимо прочего, полным безразличием государственных структур к науке о языке и людям, которые занимаются этой наукой. В словосочетании «языковая политика» определяющим является второй компо-

нент. Лингвисты в данном конкретном случае с Украиной обязаны были подготовить и предложить правительству и президенту квалифицированное решение проблемы, заключающееся в теоретической нецелесообразности и реальной опасности ввода одноязычия в стране. Возможно, так оно и было. Но следует иметь в виду, что последнее слово, а, значит, и вся ответственность за принятое решение всегда остаётся за политиками.

В действиях государства по отношению к языку логика, к сожалению, не всегда является обязательной составляющей, а в формуле государственной власти цель всегда оправдывает средства. Если цель состоит в том, чтобы дезавуировать функционал русского языка, не уступающего по этому показателю языку титульной нации, то государство реализует своё намерение посредством силовых методов, используя, прежде всего, законодательство, культурные и образовательные учреждения. Второй аспект проблемы обращает на себя внимание, когда мы имеем дело с региональными проявлениями языковой политики в полиэтническом государстве. Центростремительные тенденции в этих случаях крайне редко приводят к позитивным последствиям, тем более, когда государство стремится дезавуировать язык, обладающий равной с государственным языком коммуникативной силой или превосходящей его.

Неизбежным следствием непрофессионального контроля государством билингвальной ситуации в стране является перераспределение функций и статуса коммуникативных кодов, что, в свою очередь, обуславливает дестабилизацию отношений их носителей внутри этноса, а также в межэтническом взаимодействии. Украина в очередной раз продемонстрировала феноменальную некомпетентность государства в языковом строительстве. Формула безвластия здесь очевидна. Языковое сознание этноса не может быть трансформировано извне, волевыми усилиями кого бы то ни было. Об этом говорил В. Гумбольдт почти три столетия назад, но всё это время с периодичностью достойной лучшего применения, предпринимаются попытки «языкового строительства» в угоду политике, влекущие хаос и крайне деструктивные последствия. Функциональное целесообразие – единственный критерий, посредством которого возможно государственное регулирование отношений социума и языка, состоящее, прежде всего, в предупреждении и недопущении непродуманных и неоправданных акций государства в отношении языка. Функциональная целесообразность – категория, без которой языковая политика – произвол и дилетантизм государственного уровня.

3. Языковая норма – рычаг языковой политики

Есть ещё одна непреложная составляющая регуляции отношений в триаде «государство – общество – язык». Это баланс реальной и кодифицированной норм национального языка. Необходимо заметить, что он (баланс) а priori не может быть абсолютным, то есть реальная и кодифицированная нормы не могут быть зеркальным отражением друг друга. Идеальное состояние нормы, когда она соответствует системе (одна

возможность равна одной реализации) недостижимо, поскольку отношения системы и нормы определяются узусом. Узус всеяден. Он насыщает реальную норму такими вариантами, которые часто противоречат кодифицированным рекомендациям. Если такого рода «новации» реальной нормы частотны и успешно проходят вкусовую оценку, они закрепляются в языковом сознании большей части социума. Кодифицированная норма обязана рекомендовать такие реализации в качестве факультативных вариантов. Так аномальные единицы и явления речи трансформируются в языковые единицы и структуры, насыщающие систему языка новыми возможностями, далеко не всегда соответствующими прескриптивной норме. В первую очередь здесь имеется в виду лексика. Переход окказиональных единиц и их сочетаний в узуальные, обеспечивает лексической норме как наиболее проницаемой подсистеме языка состояние неустойчивого равновесия, которое, в свою очередь, стимулирует потенциал языковых изменений в целом. Предугадать направление такого рода изменений невозможно вследствие произвольной природы языкового знака. Другой рычаг, посредством которого осуществляется вброс в узус аномальных единиц, имеет социолингвистическую природу. Наивные носители языка, являющиеся а) авторами всех языковых изменений, б) истиной в высшей инстанции в оценке потенциальных возможностей той или иной речевой реализации, никогда не задумываются о её корректности (некорректности) с позиций языковой нормы.

Приведём пример. В социальных сетях, где языковая компетентность (точнее, некомпетентность) личности раскрывается наиболее полно, последнее время достаточно отчётливо проявляется тенденция к отдельному написанию наречий, глаголов с неотделяемыми приставками, отрицаний и так далее. В общем, всё, что не вписывается в целостный графический образ в сознании среднестатистического наивного носителя языка, фиксируется им в виде нескольких самостоятельных структур, часто некорректных с позиций орфографии: *не чего* (ничего), *не кто* (никто), *не чем* (ничем), *и так* (итак), *не уж то* (неужто), *ни как* (никак), *что не будь* (что-нибудь), *не когда* (никогда), *от сюда* (отсюда), *на ряду* (наряду), *из начально* (изначально), *не уже ли* (неужели), *по-больше* (побольше), *на пишите* (напишите), *по бароться* (побороться), *за целую* (зацелую) и тому подобных. Следует иметь в виду, что аномальные тенденции в письме это та видимая часть «айсберга», которая несопоставима по своему объёму с удручающим положением дел в звуковом языке. Но незнание родного языка и пренебрежительное отношение к нему – характеристики отнюдь врождённые, а приобретённые. Отношение к языку как к нехитрому бытовому прибору, в той или иной степени, присуще любому языковому коллективу, однако, все дело в ключевом словосочетании «в той или иной степени». Степень во многом определяется национальной лингвоментальностью, регламентирующей отношение социума в целом и языковой личности в частности к национальному языку в рамках градуальной оппозиции, содержание которой можно было бы выразить следующими определениями: трепетное, почтительное, уважительное, безразличное, пренебрежитель-

ное. Иначе говоря, отношение человека (социума) к языку это переменная величина, которая поддаётся корректировке. Но сразу же возникает вопрос: кем, как и когда должна (или может) осуществляться коррекция? Ответ достаточно прост. Любая ортологическая акция, проводимая в рамках языковой политики государственными структурами, по своей сути мало чем отличается от действий врача, направленных на лечение заболевания. Следовательно: а) должен быть поставлен точный диагноз; б) выявлена возможность (невозможность) организма самостоятельно справиться с заболеванием; в) назначено лечение теми или иными средствами. Приведём ещё один пример, свидетельствующий о том, что «выздоровление» пациента возможно только при совместных усилиях врача и больного.

Наиболее действенные меры в отношении «здоровья» языка и его благосостояния достигают цели, когда они исходят сверху и поддерживаются изнутри социума. По свидетельствам эмигрантов первой волны, прибывших в Израиль из СССР в начале 50-х годов, одной из самых сложных задач, стоявших перед ними, было освоение государственного языка их новой Родины. Напомним читателю, что иврит, как разговорный язык, был создан в начале XX века усилиями одного человека – Элиэзера Бен-Йехуды (1858–1922) на основе письменных памятников и представлял собой в значительной мере искусственный коммуникативный код, использовавшийся только в письменной форме и не имевший реальной нормы, правил реализации звукового состава, спонтанно формирующихся в разговорном узусе всех живых языков. Иврит в своём исходном виде структурно и функционально не отличался от санскрита, также имевшего только письменно-литературную сферу реализации. Казалось бы, поставленная государством цель по внедрению иврита в языковое сознание израильтян утопия чистой воды. Однако жёсткая и последовательная языковая политика Израиля достигла поставленной цели. Не последнюю роль в этом процессе сыграла школьная реформа, проведённая без обычных для таких ситуаций обсуждений и бесплодных дискуссий. Иврит стал основным языком, на котором проводилось обучение. В стране появился, пожалуй, самый влиятельный носитель языка – дети. Ибо, пока на языке говорят дети, он жив и функционален, поскольку с его помощью осуществляется коммуникативная связь поколений. Соответственно, язык обречён, он умирает, когда на нем перестают говорить дети. Трепетное отношение населения к государственному языку выразилось в частности в том, что израильские дети школьного возраста вооружались иголками и кололи ими на улице людей, говоривших не на иврите. Вероятно, это один из самых действенных способов языковой цензуры, столь необходимой сейчас России.

Так называемая «свобода слова», если за ней не стоит речевая культура, безусловно, является деструктивным фактором в жизни языка. Свобода слова может привести и приводит к денормализации языка, утрате им функционального многообразия и структурного богатства. Ещё М. В. Ломоносов говорил об опасности распространения «подлого» (низкого) стиля, замещения им других стилей, соответствующих языковой норме. Очевидно, *causa prima* такого положения дел с национальным языком России, помимо исто-

рических причин, связанных с непростым процессом формирования полиэтнического российского социума, заключается в нежелании (или непонимании) того факта, что пренебрежительное отношение к русскому языку равнозначно угрозе государственной безопасности и утрате этнической самобытности титульной нации страны. Подлый стиль, помимо указанных последствий, опасен ещё тем, что вследствие своей структурной и функциональной непритязательности он ведёт своих носителей в когнитивный тупик, интеллектуальную тьму, где всё просто до примитивности. Не надо думать и искать высокие, нормативные языковые структуры и формы потому, что для выражения бытовых и физиологических потребностей достаточно лексическо-синтаксического инвентаря Элочки Щукиной. Не надо подвергать «вкусовой» оценке новые языковые знаки, которые возникают в узусе в тех случаях, когда человеческое мышление не находит в языковой системе соответствующих коррелятов и это является основой внутреннего механизма развития языка. И, наконец, сам язык, будучи востребованным на малую часть своих возможностей, теряет свой жизненный потенциал, начинает дряхлеть. В конце концов, он утрачивает свою основную функцию. Язык перестаёт быть поводом в социальной действительности. Его движение вперёд становится не нужным. Но есть движение вспять и вниз, которое не требует усилий. Вполне достаточно того, что в этом направлении идут носители языка, за которыми он должен следовать.

Сущностная и социальная парадоксальность языка состоит в том, что он сочетает в себе взаимоисключающие качества филантропа и мизантропа. Язык не может существовать без людей, но это бездушный организм. Язык, обслуживая все сферы деятельности общества, совершенно индифферентен к социуму, его судьбе и проблемам. Однако мизантропия языка – это его временное состояние, реакция на беспечное отношение к нему, стагнация, которая, как правило, не ведёт язык к самоуничтожению, но регистрирует уровень опасного спада жизнедеятельности языка, смену вектора его движения. Немецкий философ точно охарактеризовал суть этой метаморфозы: «Он слишком счастлив был с самим собой. Он – слишком свет, чтоб не пойти за тьмой» [Ницше, 2007, с. 25]. Когда должен последовать подъём, развитие, движение языка вперёд – вопрос из проблематики, которой занимается языковое прогнозирование. Я не отношу себя к специалистам, способным предсказать судьбу и состояние столь противоречивого организма, как язык. Более того, считаю, что какие-либо прогнозы здесь вообще неуместны. Поэтому, завершая статью, ограничусь известным пассажем из творчества М. М. Жванецкого, являющимся логическим продолжением приведённой выше цитаты. В тяжёлые для России времена конца XX века журналисты спросили Жванецкого, виден ли свет в конце туннеля? Сатирик ответил: «Свет то виден, да туннель никак не кончается»!

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств [Текст] / В. М. Алпатов // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С. 192–209.

2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист / пер. с фр. – 4-е изд. – М., 2010. – 448 с.
3. Кондрашкина, Е. А. Индонезия. Языковая ситуация и языковая политика [Текст] / Е. А. Кондрашкина. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
4. Крысин, Л. П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков [Текст] / Л. П. Крысин // Речевой общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С. 156–161.
5. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / пер. с нем. М. Кореневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.

References

1. Alpatov, V. M. (2000). Zarubezhnaja sociolingvistika o problemah dvujazychija i jazykov nacional'nyh men'shinstv [Foreign sociolinguistics discussing the issues of bilingualism and languages of national minorities]. *Rechevoe obshhenie v uslovijah jazykovej neodnorodnosti* [Speech communication in the situation of language heterogeneity]. Moscow, 192–209.
2. Benvenist, Je. (2010). *Obshhaja lingvistika* [General linguistics] / translated from French. 4th ed. Moscow.
3. Kondrashkina, E. A. (1986). *Indonezija. Jazykovaja situacija i jazykovaja politika* [Indonesia. Linguistic situation and language policy]. Moscow : Nauka.
4. Krysin, L. P. (2000). O nekotoryh osobennostjah dvujazychija pri blizkom rodstve kontaktirujushhih jazykov [Some peculiarities of bilingualism of closely-related contacting languages]. *Rechevoj obshhenie v uslovijah jazykovej neodnorodnosti* [Speech communication in the situation of language heterogeneity]. Moscow, 156–161.
5. Nicshe, F. (2007). *Veselaja nauka* [The merry science] / translated from German by M. Korenevaja, S. Stepanov, V. Toporov. St. Petersburg : Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika».

УДК 81'23
UDC 81'23

Питерская Снежана Эдуардовна
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Российская Федерация
Snejana E. Piterskaya
Transbaikal State University
Chita, Russian Federation
e-mail: sne5299@yandex.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**
**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF BILINGUAL STUDENTS
IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION**

Аннотация

Билингвизм в современном мире распространенное явление: по данным ряда исследователей численность билингвов в мире превышает численность монолингвов. Билингвизм стал одним из самых ярких явлений межкультурной коммуникации, определяемой как «общение людей, представляющих разные культуры». Студенты-билингвы, которые обучаются в смешанных группах, могут испытывать психологический дискомфорт как в коллективе, так и в процессе обучения. При обучении билингвов необходимо учитывать и сопоставлять не только два языка и две культуры, но и их психологические особенности. В статье рассмотрены основные психологические особенности билингвальных студентов. Автором предложены пути решения психологического дискомфорта, возникающего в процессе обучения.

Abstract

Bilingualism in the modern world is a common phenomenon: according to a number of researchers, the number of bilinguals in the world is greater than the number of monolinguals. Bilingualism became one of the most striking phenomena of cross-cultural communication, defined as "communication of people presenting different cultures". Bilingual students, who study in mixed groups can experience psychological distress, both in the group of associates and in the learning process. When teaching bilinguals it is necessary to consider and compare not only two languages and two cultures, but also their psychological characteristics. The article describes the main psychological characteristics of bilingual students. The author offers solutions for the problem of psychological discomfort arising in the process of learning.

Ключевые слова: билингвизм, межкультурная коммуникация, билингвы, психологические особенности, индивид.

Keywords: bilingualism, cross-cultural communication, bilinguals, psychological peculiarities, the individual.

В современном мире много факторов побуждают человека к изучению второго (третьего, четвёртого) иностранного языка. Выделяется три группы таких факторов – идеологические, интернациональные и индивидуальные. К первой группе принадлежат, например, необходимость национального меньшинства интегрироваться в основное сообщество страны; или, наоборот, изучение языка национального меньшинства с целью сохранения уникальной культуры её представителей. Например, в школах Ирландии англоязычные студенты изучают ирландский, или в австралийских школах – язык маори, с целью сохранения и развития культуры коренного населения.

Ко второй группе факторов, которые способствуют распространению билингвизма среди студентов относятся интернациональные факторы, а именно, глобализация и международное сотрудничество. Например, сотрудничество с Китаем требует не только знания английского языка, но и китайского. Поскольку знание китайского языка даёт возможность познания китайской культуры, а знание языка и культуры, в свою очередь, являются базовой основой для успешного сотрудничества с этой страной во многих отраслях: экономике, образовании, здравоохранении, новейших технологиях и тому подобных.

Изучение второго языка студентами является необходимым условием профессионального роста и совершенствования, обеспечивает значительно более широкий доступ к информации в разных сферах знания и человеческой деятельности – социальной, экономической, культурной, политической, образовательной и других.

Третью группу факторов составляют индивидуальные факторы, а именно:

- желание познать культуру другой страны и таким способом понять лучше её представителей;

- желание достичь определённых образовательных, академических целей;

- желание сделать карьеру и достичь определённого профессионального уровня;

- другие личные мотивы (напр., изучение творчества любимого писателя языком оригинала).

Билингвизм – явление сложное и многоаспектное, следовательно, и изучение этого явления осуществляется во многих аспектах – лингвистическом, психологическом, педагогическом. С лингвистическим подходом к изучению билингвизма (полилингвизма) тесно связан психологический аспект, в котором изучаются индивидуальные способности вешателя к овладению им вторым языком, параллельное сосуществование в сознании человека двух (или нескольких) языковых систем. Явление билингвизма (полилингвизма) исследовали Б. В. Беляев, А. М. Богуш, Е. М. Верещагин, Л. С. Выготский, М. М. Михайлов, В. Ю. Розенцвейг, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева и другие.

Окружающая среда, в которой протекает жизнь человека, непосредственно связана с культурой определённого общества. По мнению известного отечественного социолога А. А. Радугина, «культура – это

система ценностей, убеждений, примеров и норм поведения, которые являются характерными для определённой группы людей, а также коллективное программирование человеческого ума, которое отличает членов одной группы от другой» [Радугин, 1995, с. 53].

Каждый объект культуры несёт в себе информацию об определённом народе, социальной группе и индивиде, а также о соответствующем периоде его существования и развития. Без выполнения культурой информационной функции невозможно взаимопонимание представителей народа определённой эпохи и между эпохами. Невозможны также и межкультурные коммуникации, потому что они базируются на передаче творений культуры от одного сообщества к другому и на освоении этих творений культуры представителями разных культур.

Следовательно, носитель определённого языка является в то же время и носителем культуры определённого языкового сообщества. Значит, человек, который владеет двумя и более языками, является носителем двух и больше культур. То есть, сознание (и самосознание) человека – это сознание носителя определённой культуры. Очевидной является связь между языком, культурой и сознанием человека.

Для успешного овладения иноязычной культурой надо быть готовым к вторичной аккультурации к межкультурному общению и взаимопониманию. Эта готовность проявляется в таких качествах личности, которые являются не только целью подготовки к межкультурному общению и условием успешности общения, но и результатом оптимального межкультурного общения, даже если оно специально организовано на занятии. К таким качествам личности принадлежат:

– осознание собственной идентичности и её презентация, которая означает способность индивида представлять свой мир представителям другого их языком;

– ролевая дистанция, а именно способность индивида абстрагироваться от собственной позиции (роли), посмотреть на неё со стороны, понимая при этом, что есть и другие виденья мира и что предубеждение и стереотипы другого мира относительно него так же естественны, как и его собственные;

– эмпатия, то есть способность индивида войти в ситуацию другого (в нашем случае, представителя другого социокультурного сообщества) и попытка понять его «нормальность» (в развитии этого качества большую роль играют аффективные, а не познавательные процессы, так как вне языковой среды это происходит опосредовано через тексты, фильмы, картины);

– способность индивида не бояться встречи с «чужим», не избегать его, а вступать в контакт, выдерживая наиболее противоречивое ожидание и потребности.

Существует два противоположных подхода к анализу и изучению индивидуального билингвизма: фракционный (fractional view) и холистический (holistic view).

Согласно фракционному подходу, представителями которого являются по большей части зарубежные учёные, сознание билингва вмещает

в себе два несвязанных между собой сознания. Эта точка зрения положила начало научной дискуссии, которая рассматривает билингвизм как лингвистическую шизофрению. Относительно билингвизма термин «шизофрения» употребляется для обозначения культурного, когнитивного и лингвистического диссонанса. В частности, А. Адлер в своём трактате о билингвизме утверждает, что билингвизм может привести к раздвоению личности, и даже к шизофрении. К. Кларке приравнивал иностранных студентов в США к людям, больным шизофренией, и утверждал, что их изучение английского языка тормозится столкновением культуры их родной страны и американской культуры. В билингвальном психоанализе, термин «шизофрения» употребляется метафорически, для очерчивания проблем переживания культурного, когнитивного и лингвистического диссонанса [Певзнер, 1999, с. 3].

А. Павленко в своей работе «Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation» (=«Сознание билингвов: эмоциональный опыт, выражение и репрезентация») отмечает, что термин «шизофрения» относительно билингвизма не имеет негативной расцветки, а отображает реальные трудности, с которыми обязательно сталкиваются люди в процессе изучения иностранного языка.

Эти трудности заключаются в том, что на определённом этапе овладения языком человек переживает культурный, когнитивный и лингвистический диссонанс.

По нашему мнению, холистический подход является более позитивной альтернативой, поскольку рассматривает билингва как лингвистическое и психологическое единство и интегрированную целостность.

Психолого-педагогические особенности явления билингвизма предусматривают исследование психолого-педагогических механизмов функционирования речи (пользование родным и вторым языками), специфики их развития в случае раннего и позднего билингвизма, влияний двуязычности на общее интеллектуальное развитие и сенсорно создающие системы человека; изучение так называемого феномена иноязычного мышления и выявления и взятия к сведению их результатов для организации двуязычного обучения в современном вузе [Питерская, 2015, с. 151].

Психологические тренинги – активное обучение посредством приобретения жизненного опыта, моделируемого в групповом взаимодействии людей, формирование положительной эмоциональной Я-концепции: «Я – нравлюсь», «Я – способен», «Я – защищён». Социально-психологический тренинг эффективно используется для создания нравственно-духовной атмосферы в колледже в силу следующих особенностей. Групповая работа в тренинге предполагает активность участников, партнерское общение. Применяются активные и интерактивные методы групповой работы: игры, групповые дискуссии. Уделяется большое внимание взаимоотношениям между участниками группы. Одно из важнейших условий тренинга – атмосфера раскованности и свободы общения.

Содержание тренингов: «Сила позитивного мышления», «Как быть преуспевающей личностью», «Как эффективно ставить цели и разрабаты-

вать планы», «Терапия взаимоотношений. Искусство общения», «Управление мышлением» – формирует у учащихся и педагогов позитивный опыт самоанализа и саморегуляции поведения. Позитивные аспекты взаимоотношений преподавателей и студентов, уважение друг к другу служат основой для прочного усвоения знаний на различных языках.

«Круг радости и добра» (педагогическая поддержка студентов) – повседневная методика «нравственного заряда», она предполагает настрой всех участников образовательного процесса на доброжелательность и уважение во взаимоотношениях со сверстниками, преподавателями. Например, на занятии «Я уважаю себя и других» преподаватель объясняет студентам, как важны для человека поддержка, похвала, доброе слово, и предлагает занятие начать с комплиментов. Студенты встают в круг, передавая друг другу мяч, говорят о том хорошем, что они заметили в однокласснике, или о своих добрых чувствах к нему. Первый (студенту) и последний (всей группе) комплимент делает преподаватель, находящийся тоже в круге.

Смысл приёма «Круг радости и добра»: каждый чувствует себя принятым в большой дружеский коллектив, где пользуется доверием и сам доверяет другим. Однако здесь важен не просто эмоциональный настрой: каждое занятие самопознания начинается с поэтических строчек, содержание которых созвучно теме занятия. Например, на занятии «Мое здоровье» преподаватель предлагает начать занятие песней «Здравствуйте!»: «Здравствуйте, все, кто к нам пришёл сегодня! Здравствуйте, все, кто верит доброте! Здравствуйте, все, кто, не жалея сил, делится счастьем своим». Строки из песни помогают студентам создать свой образ темы, настроиться на неё.

Общекolleктивная деятельность вне занятий с нравственной направленностью специально ориентирована на включение всех студентов в нравственный диалог, общение, взаимодействие. Одна из форм – «Клуб встреч с интересными людьми» (приглашаются преподаватели-новаторы, волонтеры, которые успешно говорят на нескольких языках). Основная идея – познание и осмысление жизненного опыта известных людей, через нравственные искания достигнувших личностного и профессионального успеха. Клубные занятия стали мощным мотиватором для изучения иностранного языка, иностранный язык становится дополнительным штрихом для выстраивания коммуникации, обеспечивает комфортность общения. Одновременно успешно решается задача развития творчества студентов (подготовка ведущих встречи, вокальные способности).

Практически все задания на занятиях носят творческий характер. Студентам предлагается, например, ответить на письмо сверстника, проиллюстрировать своё настроение, открыть формулу успеха, составить правила поведения на природе, создать рецепт хорошего настроения, разработать проект по оказанию помощи одиноким людям, написать сценарий телевизионной передачи на актуальную тему, дать добрые советы одноклассникам о ведении здорового образа жизни, выступить с обращением о бережном отношении к природе, разыграть сценку о проведении семейного вечера, домыслить окончание истории, участники которой не могут достичь взаимопонимания, предложить несколько путей выхода из

создавшейся ситуации, исследовать состояние окружающей среды своего города, района и предложить способ решения проблемы. Особое внимание уделяется также роли иностранного языка, языка как средства общения, безопасного сопровождения по жизни.

Билингвы и мультилингвы иногда чувствуют себя как разные люди во время говорения. Исследованиями этого психолингвистического явления занимались Ф. Гросжан [Grosjean, 1997] и Х. Кохут [Kohut, 1978]. Существует и другая точка зрения: монолингвы также могут чувствовать себя как разные личности во время процесса общения в зависимости от тех, к кому они обращаются. Например, изменяется стиль общения в зависимости от собеседника. Следовательно, монолингвизм является динамическим феноменом.

Например, писатель Дж. Грин, который писал на английском и французском языках, и детство которого прошло во франкоязычном окружении, вспоминал, что когда он решил написать о своем детстве на английском языке, его воспоминания приобрели совсем другой характер. В то время, когда предмет (детские годы) остался тем же, средства выражения (выбор лексики, стилистические средства) были совсем другими [Pavlenko, 2006, с. 5].

Сам писатель вспоминал: «Я писал другую книгу; книгу, которая так отличалась от французской манеры письма так, что необходимо было изменить сам предмет. Было такое ощущение, будто когда я писал по-английски, я стал совсем другим человеком. Я продолжал. Другая, новая последовательность мыслей и новые интерпретации идей зарождались и формировались в моём сознании. Недоставало подобия между моими произведениями на английском и тем, что я только что написал на французском, а, следовательно, возникало сомнение – был ли автор этих творений одним человеком?» [Pavlenko, 2006, с. 6]

Следовательно, по нашему мнению, студент-билингв является носителем двух культур и двух языков, то есть осознает себя как бикультурная и билингвальная личность. Эти две культуры и два языка существуют в сознании билингва не как изолированные отдельные образования, а как уникальное единство. Межкультурная коммуникативная компетенция – фундамент для профессиональной мобильности, подготовки к быстро меняющимся условиям жизни, приобщает специалиста к стандартам мировых достижений, увеличивает возможности профессиональной самореализации на основе коммуникативности и толерантности.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Психология развития человека [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : «Смысл», 2006. – 1134 с.
2. Лебон, Г. Психология народов и масс [Электронный ресурс] Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995 / Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lebon_PsNar/_Index.php.
3. Певзнер, М. Н. Билингвальное образование в контексте мирового опыта (на примере Германии) [Текст] / М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин. – Новгород : НовГУ, 1999. – 96 с.

4. Питерская, С. Э. Психолого-педагогические проблемы, возникающие при обучении студентов-билингвов [Текст] / С. Э. Питерская // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Педагогика, психология». – 2015. – № 4 (23). – С. 150–153.
5. Радугин, А. А. Социология (курс лекций) [Текст] / А. А. Радугин, К. А. Радугин. – М. : Владос, 1995. – 180 с.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург, 1998. – 705 с.
7. Grosjean, F. Individual bilingualism [Text] / F. Grosjean // Applied Linguistic Studies in Central Europe. Veszprem. –1997. – Vol. 1. – P. 103–113.
8. Kohut, H. The Psychology of the Self: A Casebook [Text] / H. Kohut. – Arnold Goldberg, 1978, – 368 p.
9. Pavlenko, A. Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation [Text] / A. Pavlenko. – Multilingual Matters Limited, 2006. – 340 p.

References

1. Vygotskij, L. S. (2006). *Psihologija razvitija cheloveka* [The psychology of a human development]. Moscow : «Smysl».
2. Le Bon, G. (1995). *Psihologija narodov i mass* [The psychology of peoples]. St.-Petersburg : Maket. Retrieved from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lebon_PsNar/_Index.php.
3. Pevzner, M. N., Shirin, A. G. (1999). *Bilingval'noe obrazovanie v kontekste mirovogo opyta (na primere Germanii)* [Bilingual education from international experience (The example of Germany)]. Novgorod : Novgorod State University.
4. Piterskaya, S. E. (2015). Psikhologo-pedagogicheskiye problemy, vznikayushchiye pri obuchenii studentov-bilingvov [Psychological-pedagogical problems that appear while teaching bilingual students]. *Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Pedagogika, Psikhologiya»*, 4 (23), 150–153.
5. Radugin, A. A., Radugin, K. A. (1995). *Sociologija (kurs lekcij)* [Sociology (A course of lectures)]. Moscow : Vlados.
6. Rubinshtejn, S. L. (1998). *Osnovy obshhej psihologii* [The basics of general psychology]. St.-Petersburg.
7. Grosjean, F. (1997). Individual bilingualism. *Applied Linguistic Studies in Central Europe. Veszprem*, 1, 103–113.
8. Kohut, H. (1978). *The Psychology of the Self: A Casebook*. Arnold Goldberg.
9. Pavlenko, A. (2006). *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Multilingual Matters Limited.

УДК 81'373.46
UDC 81'373.46

Трифонов Александр Сергеевич
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Alexander S. Trifonov
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: aleksander.s.t@live.com

**ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ
УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ**
**BASIC PARAMETERS FOR CLASSIFICATION
OF THE LEARNER'S DICTIONARIES**

Аннотация

В настоящей статье автор рассматривает ключевые параметры типологизации учебных словарей. Исследуются существующие основания для выделения различных типов словарей в контексте учебной лексикографии. Помимо прочего, отмечается приоритетное значение некоторых параметров типологизации применительно к учебным словарям.

Abstract

In this article, the author focuses on the key parameters for classification of the learner's dictionaries. The basic principles for the specification of the different types of dictionaries within the framework of the learner's lexicography are studied. The priority importance of some typology characteristics in respect of the learner's dictionaries is demonstrated.

Ключевые слова: типология словарей, учебный словарь, учебная лексикография, параметры типологизации.

Keywords: classification of dictionaries, learner's dictionary, learner's lexicography, parameters for classification.

В истории лексикографии представлено немало типологий словарей, составленных из множества дифференциальных признаков и с самых различных позиций. В. В. Дубичинский приводит следующее утверждение Э. В. Кузнецовой: «Тип любого словаря определяется факторами двоякого рода: характером отражаемого лексического материала и его практическим значением» [Дубичинский, 1998, с. 41]. Отмечая множественность типологий словарей, мы считаем важным уточнить, что на практике типологизация словаря, в том числе учебного, проходит, как правило, по ряду принятых в общей теории лексикографии признаков. Вопрос типологизации существующих словарей представляется весьма широким. Исследователями (в

частности, Л. В. Щербой¹, В. В. Дубичинским, Л. В. Варпаховичем, П. Н. Денисовым) выделяются несколько типологий словарей. Причиной подобного многообразия является то, что в основу каждой из них заложены различные параметры – это означает, что многие типологии словарей составлены по различным дифференциальным признакам и с разных позиций [Моисеев, 2006, с. 65 ; Шилихина, 2006, с. 18]. В качестве обобщения можно выделить наиболее схожие у разных исследователей основания, по которым осуществляется типологизация словарей. Отмечается, что, по причине неоднородности существующих типологий, один и тот же словарь может попадать в различные категории. Существует большое количество параметров типологизации, принятых у различных исследователей, однако основными параметрами, совпадающими у большинства авторов, являются следующие: 1) по языковой ориентации (одноязычные, двуязычные и многоязычные); 2) по порядку расположения материала (алфавитные и идеографические); 3) по направленности на рецепцию / репродукцию (активный и пассивный словарь); 4) по отбору лексики (общие и частные словари); 5) по содержанию словарной статьи (лингвистические и энциклопедические словари) [Григорович, 2011, с. 47–48; Моисеев, 2006, с. 65–73; Шилихина, 2006, с. 18–24]. Однако важно отметить, что в рамках вопроса типологизации словарей учебные словари не получили должного внимания. В данном разделе мы рассмотрим некоторые основания типологизации, имеющие определяющее значение при разработке учебного словаря.

Учебные словари, как и прочие типы словарей, по своей **языковой ориентации**, то есть по количеству описываемых языков, подразделяются на одноязычные, двуязычные и многоязычные – последние два типа также могут называться переводными словарями. В свою очередь, более подробная типологизация словарей позволяет выделить среди двуязычных словарей такие подтипы, как однонаправленные и двунаправленные. Учебная лексикография получила распространение как в процессе создания одноязычных словарей, так и двуязычных. При этом в лексикографической литературе отмечается, что наибольшее внимание в процессе создания учебных словарей уделяется именно одноязычным словарям [Дубичинский, 2006; Кудашев, 2007; Моисеев, 2006]. Необходимо упомянуть о том факте, что, несмотря на крайне широкое разнообразие различных типов одноязычных учебных словарей, в данной области учебной лексикографии свойственны такие недостатки, как нехватка практически подтвержденной информации о нуждах и навыках пользователя, возникающих при обращении к словарю. В то же время, Р. Лью отмечает, что весьма значительное количество пользователей, изучающих иностранный язык, предпочитает использовать скорее двуязычные словари, а не одноязычные [Lew, 2004].

¹ В отечественной лексикографии типология словарей Л. В. Щербы имеет колоссальное значение, поскольку он был первым отечественным лингвистом, обратившимся к проблеме типологизации словарей [Шилихина, 2006, с. 18].

В связи с этим важно отметить, что в настоящее время вопрос о том, какой тип учебного словаря способен в большей степени удовлетворить лексикографически релевантные требования пользователей словарей, представляется дискуссионным. Общей чертой аргументов, приводимых в пользу предпочтения двуязычного учебного словаря одноязычному, является то, что пользователи словаря могут столкнуться с рядом трудностей, таких как сложность понимания лексикографического метаязыка, вероятность столкнуться с так называемым «порочным кругом», слишком сложные грамматические структуры дефиниции, игнорирование семантических ограничений при использовании слов [Lew, 2004, p. 4]. Ряд исследователей (в частности, Т. В. Кравец и Л. О. Блохинская) уделяют внимание умению студентов пользоваться учебным словарем, поскольку в ряде случаев имеет место нечёткое знание алфавита, создающее ряд трудностей при поиске нужной лексической единицы в словаре [Кравец, Блохинская, 2015, с. 37–38].

Основным недостатком использования двуязычных словарей считается то, что они не развивают навыки понимания дефиниций и формирования мысли напрямую на иностранном языке, так как при использовании двуязычных словарей, в том числе и учебных, пользователи нередко убеждены в том, что любое слово на иностранном языке имеет абсолютный эквивалент на родном языке, в то время как эквивалент может отсутствовать или отличаться по ряду параметров. Помимо прочего, двуязычные словари не всегда дают достаточную информацию о семантических связях слова [Lew, 2004, p. 9].

Вопрос организации данных в словаре входит в число наиболее важных вопросов лексикографии. Как уже было отмечено, основания типологизации словарей, принятые в общей теории лексикографии, в полной мере применимы в отношении учебных словарей. Таким образом, по такому параметру, как **порядок расположения материала**, учебные словари, наряду с прочими типами словарей, подразделяются на алфавитные и идеографические, в зависимости от назначения такого словаря и его целевого пользователя.

При алфавитном порядке подачи материала лексические единицы располагаются в порядке следования букв алфавита. Такой порядок подачи лексического материала рассчитан, в первую очередь, на практическое удобство при использовании словаря [Дубичинский, 1998, с. 38]. Алфавитный порядок расположения словарных статей может быть **сплошным** и **гнездовым**. При сплошном порядке следования материала каждая описываемая лексическая единица располагается в отдельной словарной статье и все статьи, в свою очередь, располагаются в строгом алфавитном порядке. Сплошной алфавитный порядок признается особенно распространённым в общих словарях, где отображение логико-понятийных связей между описываемыми понятиями не является принципиальным. Говоря об учебных словарях с алфавитным расположением материала, В. Ворш предлагает предоставлять информацию о каждой лексической единице и её производных в виде отдельной леммы [Worsch, 2005, p. 31], что представляется вполне допустимым при условии невысокого числа слов в словаре. В слу-

чае с гнездовым порядком следования словарных статей в одной словарной статье объединена информация о нескольких связанных между собой лексических единицах, в то время как сами словарные статьи располагаются по алфавиту. Отмечено, что применение гнездового принципа считается одним из наиболее продуктивных при построении терминологических словарей, так как он позволяет сгруппировать и наглядно представить словообразовательные системы терминов. Общим достоинством двух названных типов алфавитного расположения слов называется то, что они обеспечивают пользователю словаря быстрый доступ к неизвестной лексической единице [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 40 ; Дубичинский, 1998, с. 94 ; Моисеев, 2006, с. 80].

Некоторые исследователи, в частности, К. М. Шилихина, соглашаются с тем, что алфавитный принцип расположения лексических единиц в словаре является наиболее удобным для пользователя словаря [Шилихина, 2006, с. 49]. При этом, необходимо принимать во внимание существующие недостатки такого расположения лексики в словаре – алфавитный принцип расположения лексики в словаре не может служить для выявления логико-понятийных связей между описываемыми понятиями, поиска искомого слова по семантическим признакам и получения системного представления об описываемых понятиях и типах лексических единиц, например, терминах [Моисеев, 2006, с. 61]. В то же время, для специалистов определенной сферы, а также студентов, осваивающих новую специальность, может быть необходимым максимально точно понимать, какой термин употребляется при обозначении того или иного понятия, и как эти понятия связаны друг с другом. В данном случае, поиск термина, осуществляемый исходя из его значения, облегчается при идеографическом расположении материала.

Идеографический порядок следования лексических единиц характерен, как отмечалось, для терминологических словарей. Особенностью идеографических словарей заключается в том, что информация в них располагается по тематическому типу [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 43 ; Кудашев, 2007, с. 21]. По определению В. В. Дубичинского, в идеографическом словаре смысловые отношения слов расположены в соответствии с организацией экстралингвистической реальности в виде многоярусной структуры. Единицей идеографического словаря, в отличие от алфавитного, служит не слово, а определённое семантическое поле [Дубичинский, 1998, с. 79]. Идеографический способ расположения информации позволяет формировать в словаре логические связи между лексическими единицами, что позволяет говорить об учебном характере идеографических словарей. С. В. Гринев-Гриневиц продолжает данную мысль и утверждает, что идеографический принцип расположения материала чрезвычайно полезен в учебных словарях и, вместе с тем, отмечает, что данный принцип применяется в них всё ещё недостаточно [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 43].

Относительно наиболее оптимального сочетания принципов расположения материала в учебном словаре мы обращаемся к мнению Б. Ю. Городецкого, согласно которому наблюдается определенная сложность использования словаря, в котором соблюдается исключительно идеографи-

ческий принцип расположения лексики и предлагает совмещение алфавитного и идеографического принципов [Новое в зарубежной лингвистике, 1983, с. 49]. Согласно данному утверждению, с практической точки зрения может представляться верным при проектировании учебного словаря ориентироваться на так называемые аналогические словари, в которых порядок подачи лексического материала является комбинированным, то есть такие, в которых осуществляется объединение слов в смысловые группы, которые, в свою очередь, соотносятся с определёнными ядерными словами, или словами-центрами, расположенными в словаре по алфавиту. В качестве другого направления тематического расположения материала называется использование иерархической, или систематической структуры, которая позволяет пользователю словаря увидеть иерархические связи, существующие между понятиями. Таким образом, тематический способ расположения лексического материала дает пользователю словаря возможность при усвоении соответствующего материала через анализ терминов идти к их пониманию, а затем и запоминанию. В словарях подобного типа удобству поиска незнакомых слов служат, помимо прочего, **индексы** – алфавитные указатели содержащихся в словаре языковых единиц [Гринева-Гринева, 2009, с. 42 ; Моисеев, 2006, с. 80].

В зависимости от содержания словарной статьи словари могут быть **лингвистическими, энциклопедическими и лингвоэнциклопедическими**. Такое противопоставление носит как формальный, так и содержательный характер. Так, в лингвистических словарях слова описываются с точки зрения их характеристик (толкование, грамматические пометы и пр.), и некоторые из этих характеристик имеют особое значение при создании учебных словарей, например, такие как особенности употребления, структурные свойства, сочетаемость, в то время как объект описания энциклопедических словарей – «область понятий, фактов и реалий» [Моисеев, 2006, с. 65-66]. По этой причине в лингвистических словарях описываются, как правило, все части речи; энциклопедические же словари, как правило, не содержат местоимения, союзы, междометия, в редких случаях, могут включать в себя глаголы, прилагательные и наречия [Гринева-Гринева, 2009, с. 36 ; Шилихина, 2006, с. 21–22]. Лингвоэнциклопедический словарь совмещает в себе черты лингвистического и энциклопедического словаря, сочетая информацию лингвистического, культурологического, исторического и географического характера. Ярким примером такого типа словаря является лингвострановедческий словарь. Говоря о лингвострановедческих словарях важно понимать, что их основная цель заключается в предоставлении пользователям словаря, изучающим иностранный язык, как толкований лексических понятий, так и пояснений национально-культурной специфики (см., напр., Великобритания. Лингвострановедческий словарь под ред. А. Рума). Согласно наиболее общему для большинства учёных определению, лингвострановедческий словарь – это «словарь не только языка, но и отражённой в нем культуры» [Коротаяева, 2013, с. 4]. Словарь такого типа предназначен, в первую очередь, для раскрытия лексического фона ино-

странного языка и предоставления информации неизвестной пользователям, изучающим его за пределами описываемой культуры. Таким образом, включая значительное число экстралингвистической информации, лингвострановедческий словарь содержит информацию лингвистического, энциклопедического, а также культурного характера [Коротаева, 2013, с. 3 ; Олехно-Василюк, 2014, с. 45 ; Циткина, 1988, с. 29–30, 107].

В данном контексте мы приводим замечание М. В. Моисеева о том, что проблема проведения границы между лингвистическими и энциклопедическими словарями имеет большое значение и при достаточной очевидности различия лингвистической и энциклопедической информации, включаемой в словари этих типов, при составлении словарей всё чаще возникает необходимость обращаться к сведениям обоих видов [Моисеев, 2006, с. 67]. Несмотря на то, что, в большинстве случаев, очевидна принадлежность большинства учебных словарей к лингвистическому типу, в контексте типологизации словарей по содержанию статьи существует необходимость уделить внимание одному из подвидов учебных словарей – учебному терминологическому словарю. В отношении данного типа словарей интересно замечание некоторых лингвистов о том, что они сочетают в себе признаки как лингвистических, так и энциклопедических словарей. Такое утверждение основывается на том, что из-за лингвистического характера информации об описываемой единице они относятся к лингвистическим словарям подъязыка профессиональной деятельности но, в то же самое время, с точки зрения общелитературного языка содержащаяся в них информация может считаться в значительной мере экстралингвистической [Моисеев, 2006, с. 67]. Это связано с тем, что учебный терминологический словарь не только описывает определенный термин как единицу языка, но и, подобно энциклопедическому словарю, разъясняет содержание и объем понятия описываемой терминологической единицы, включая в себя существенное количество экстралингвистической информации [Моисеев, 2006, с. 65–67; Шилихина, 2006, с. 22]. Кроме того, мы считаем, что в тех случаях, когда описываемый в учебном терминологическом словаре термин функционирует на территории двух различных лингвокультурных ареалов, словарная статья, в таком случае, может содержать определённый лингвострановедческий комментарий, отражающий культурную составляющую значения термина.

По отбору лексики лингвистами чаще всего предлагается делить словари на **общие** и **частные** словари. Под общими словарями в данном случае понимаются такие словари, которые имеют дело со всеми словами языка и в которых лексика включена без каких-либо ограничений. В частных же словарях описываются какие-либо определённые лексические пласты, содержащие слова, относящиеся к конкретному тематическому полю. Такие лексические пласты могут включаться в частные словари по самым различным принципам, например, по хронологическому (этимологические и фразеологические словари, словари неологизмов), стилистическому (словари диалектов и жаргонов), территориальному принципам, а также по критерию профессионального отбора лексики. Ярким примером последне-

го типа словаря является терминологический словарь, содержащий в себе терминологическую лексику, входящую в определённую научную, техническую или профессиональную сферу деятельности [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 155–163 ; Моисеев, 2006, с. 68 ; Шилихина, 2006, с. 20]. Подобная типологизация в полной мере применима и к учебным словарям, поскольку учебный характер такого словаря не подразумевает каких-либо ограничений по характеру отбора лексики. Так, велико число общих учебных словарей, наиболее яркими представителями являются английские одноязычные учебные словари. В то же время, применительно к различным категориям пользователей словарей и ситуациям использования словаря, учебный характер может принять и, например, словарь неологизмов, и терминологический словарь. Как уже отмечалось, в лексикографической литературе указывается на то, что ориентированность на учебный характер при разработке терминологических словарей все ещё не получает достаточного внимания, в то время как в данном разделе лексикографии это представляется крайне важным, поскольку усвоение терминологии определенной специальной области требует особого подхода для пользователей словаря, изучающих иностранный язык по специальности.

Одним из наиболее важных в учебной лексикографии параметров, определяющих структуру учебного словаря, его объём, характер и организацию информации в рамках словарной статьи, является отнесение его к **активному** или **пассивному** типу. Разница между активным словарем и пассивным заключается в том, что активные словари специализируются на обеспечении процесса порождения текста, пассивные – на обеспечении процесса понимания, а третий тип словарей, пассивно-активные, ставят своей целью обеспечение как порождения текста, так и его понимания. Описание пассивной и активной лексики требует дифференцированного подхода – в первом случае предметом приоритетного отражения в словарной статье является словообразовательное гнездо, а во втором – его лексико-семантические связи, что в указанных ситуациях приводит к делению всей лексики на так называемые имплицитные зоны: зону обязательного усвоения и иллюстративную зону [Дубичинский, 1998, с. 77–78]. Отнесение словаря к одному из названных типов оказывает влияние, в частности, на особенности включения лексики в словарь. Так, в активные словари включается, в основном, так называемый лексический минимум, то есть совокупность слов, отобранных посредством сжатия какого-либо лексического пласта с определённой методической целью. В то же время, в пассивные словари входит, в том числе и периферийная лексика, то есть такая лексика, которая не входит в состав лексического ядра. Также принято мнение о том, что в словарях активного и активно-пассивного типа необходима информация о сочетаемости, в то время как важность её включения в пассивные словари значительно меньше.

По нашему мнению, данный параметр имеет особое значения для учебных словарей и, соглашаясь, в частности, с А. С. Цоем, считаем, что большинство учебных словарей относится именно к словарям активного типа – они, как отмечалось, ориентированы, прежде всего, на «обеспече-

ние процесса порождения текста» [Цой, 2007, с. 98], то есть на предоставление набора средств, необходимых для выражения мысли. Таким образом, параметр активности является неотъемлемым для учебного словаря. Несмотря на то, что словари активного типа по объёму словника значительно уступают словарям пассивного типа, по объёму же информации о лексической единице и по детальности её разработки в значительной мере превосходят их, что имеет ключевое значение для практики учебной лексикографии, поскольку основным стремлением, возникающим при использовании учебного словаря, является получение такой полной характеристики слова, которая позволит понять и употребить его в заданном контексте. К тому же, отмечается, что именно учебный словарь активного типа способен максимально адекватно решить такие задачи, как унификация и индивидуализация. Как правило, задачами активного учебного словаря являются следующие: 1) указать, какому именно значению лексической единицы присвоена дефиниция; 2) уточнить правильность выбора того или иного эквивалента; 3) указать на значения полисемичного эквивалента выходного языка. Рассматривая одну из наиболее широких категорий пользователей подобного типа словарей – студентов, мы считаем, что выделяемые в лингвистической литературе навыки, касающиеся знания лексики, идиоматических выражений, грамматических и орфографических правил, а также умения использовать различные лексические и синтаксические средства [Кравец, Блохинская, 2015, с. 38], могут быть в значительной степени развиты при использовании активного учебного словаря в процессе обучения. Однако, касательно данного вопроса стоит отдельно упомянуть, что задача некоторых типов словарей, например, учебных терминологических словарей, заключается не только в обеспечении верного выражения мысли в сфере профессиональной коммуникации, но и в обеспечении понимания специальных текстов. В связи с этим нельзя не согласиться с такой точкой зрения, согласно которой современные учебные словари, в том числе терминологические, обладают синтетическим, активно-пассивным характером, с целью удовлетворения требованиям универсальности и комплексности, то есть обеспечения двусторонней профессиональной коммуникации [Дзугаева, 2005, с. 15; Дубичинский, 1998, с. 56; Забашта, 2011, с. 20; Кудашев, 2007, с. 43; Моисеев, 1970, с. 8; Цой, 2007, с. 98; Шаталова, 2013, с. 132].

Таким образом, рассмотрев выделяемые в учебной лексикографии параметры типологизации учебных словарей, мы сделали вывод о том, что учебные словари, подчиняясь правилам типологизации словарей, принятым в общей теории лексикографии, могут входить одновременно в несколько категорий. Важно отметить, что ряд параметров типологизации как, например, языковая ориентация и порядок следования лексического материала, применим к учебным словарям наряду с прочими существующими типами словарей, в то время как отдельные параметры, например, параметр активности / пассивности, имеют решающее значение для структуры учебного словаря. Отнесение учебного словаря к тем

или иным типам определяется, прежде всего, назначением словаря, сферой его функционирования, а также лексикографически релевантными потребностями его пользователей.

Список литературы

1. Григорович, Л. А. Учебная лексикография: теория и практика [Текст] / Л. А. Григорович // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 47–50.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь : учеб. пособие [Текст] / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.
3. Дзугаева, Е. Т. Структура словарной статьи (на материале лексикографического описания приставочных глаголов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Дзугаева Елизавета Тугановна ; Чечен. гос. пед. ун-т. – Грозный, 2005. – 193 с.
4. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография: учебной пособие [Текст] / В. В. Дубичинский. – Вена – Харьков : Wiener Slawistischer Almanach; Харьковское лексикографическое общество, 1998. – 160 с.
5. Забашта, Р. В. Принципы и формы функционального идеографирования номинативной системы [Текст] / Р. В. Забашта // Слово и словарь : сборник научных трудов по лексикографии. – 2011. – Вып. 12. – С. 18–22.
6. Коротаева, И. Э. Роль лингвострановедческого словаря в формировании социолингвистической компетенции студентов [Электронный ресурс] / И. Э. Коротаева // Труды МАИ. – 2013 – № 73. – С. 1–12. – Режим доступа : <http://www.mai.ru/science/trudy/published.php?ID=48448>.
7. Кравец, Т. В. Пути и способы преодоления трудностей при переводе специальных английских текстов на неязыковых факультетах. / Т. В. Кравец, Л. О. Блохинская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 36–44.
8. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики [Текст] / И. С. Кудашев. – Хельсинки : Helsinki University Print, 2007. – 443 с.
9. Моисеев, М. В. Лексикография английского языка: учебно-методическое пособие [Текст] / М. В. Моисеев. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. – 92 с.
10. Моисеев, А. И. О языковой природе термина [Текст] / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 127–138.
11. Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – Вып. 12. Сост. В. А. Звегинцева. Переводы с английского языка под ред. и с предисловием Б. Ю. Городецкого [Текст]. – М. : Радуга, 1983. – 462 с.
12. Олехно-Василюк, Й. Лингвокультурная лексикография. Лингвострановедческие и лингвокультурные словари [Текст] / Й. Олехно-Василюк // Ежегодник русско-польского института. – 2014. – № 2 (7). – С. 44–56.
13. Циткина, Ф. А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения) [Текст] / Ф. А. Циткина. – Львов : Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища Школа», 1988. – 157 с.
14. Шайкевич, А. Я. Проблемы терминологической лексикографии [Текст] / А. Я. Шайкевич. – М. : Изд-во ВЦП, 1983. – 67 с.

15. Шаталова, Л. С. Тезаурусный подход при создании учебного терминологического словаря [Текст] / Л. С. Шаталова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 1. – С. 129–135.
16. Шилихина, К. М. Теоретическая и практическая лексикография : учеб. пособие [Текст] / К. М. Шилихина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2006. – 59 с.
17. Lew, R. Which dictionary for whom? Receptive use of bilingual, monolingual and semi-bilingual dictionaries by Polish learners of English [Text] / R. Lew. – Poznań : Motivex, 2004. – 217 p.
18. Worsch, W. Power to the learner: an approach towards pedagogically-oriented bilingual dictionaries [Text] / W. Worsch // Kernerman Dictionary News. – 2005. – N 15 – P. 30–32.

References

1. Grigorovich, L. A. (2011). Uchebnaya leksikografiya: teoriya i praktika [Learner's lexicography: Theory and practice]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 6, 47–50.
2. Grinev-Grinevich, S. V. (2009). *Vvedenie v terminografiyu: kak prosto i legko sostavit' slovar': ucheb. posobie* [Introduction to lexicography: An easy way to compose a dictionary : A course book]. Moscow : Librokom.
3. Dzugaeva, E. T. (2005). *Struktura slovarnoy stat'i (na materiale leksikograficheskogo opisaniya pristavochnykh glagolov) : dis. ... kandidata filol. nauk* [The structure of a vocabulary entry (based on lexicographic description of verbs with prefixes) : PhD philol. sci. diss.]. Groznyy.
4. Dubichinskiy, V. V. (1998). *Teoreticheskaya i prakticheskaya leksikografiya : ucheb. posobie* [The theory and practice of lexicography : A course book]. Vienna – Kharkov : Wiener Slawistischer Almanach; Kharkov Community of Lexicographers.
5. Zabashta, R. V. (2011). Printsipy i formy funktsional'nogo ideografirovaniya nominativnoy sistemy [Principles and forms of functional ideographing of nominations in the system]. *Slovo i slovar'* [Word and dictionary] : Selected articles on lexicography, 12, 18–22.
6. Korotaeva, I. E. (2013). Rol' lingvostranovedcheskogo slovarya v formirovaniі sotsiolingvisticheskoy kompetentsii studentov [The role of linguistic-cultural dictionary in students sociolinguistic competence forming]. *Trudy MAI*, 73, 1–12. Retrieved from : <http://www.mai.ru/science/trudy/published.php?ID=48448>.
7. Kravets, T. V., Blokhinskaya, L. O. (2015). Puti i sposoby preodoleniya trudnostey pri perevode spetsial'nykh angliyskikh tekstov na neyazykovykh fakul'tetakh [The ways of overcoming difficulties in translating special original English literature at non-linguistic departments]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 36–44.
8. Kudashev, I. S. (2007). *Proektirovanie perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Arranging a translator dictionary of lexical units for specific purposes]. Helsinki : Helsinki University Print.
9. Moiseev, M. V. (2006). *Leksikografiya angliyskogo yazyka : uchebno-metodicheskoe posobie* [The lexicography of the English language : A course book]. Omsk : OmGU Press.

10. Moiseev, A. I. (1970). O yazykovoy prirode termina [Linguistic nature of terms]. *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Linguistic Issues of Scientific-Technical Terminology]. – Moscow : Nauka, 127–138.
11. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Prikladnaya lingvistika* [New Issues of Foreign Linguistics. Applied Linguistics]. (1983). Issue 12. Ed. by V. A. Zvegintseva. Translated from English by B. Yu. Gorodetskij (ed.). Introduction by B. Yu. Gorodetskij (ed.). Moscow : Raduga.
12. Olechno-Wasiluk, J. (2014). Lingvokul'turnaya leksikografiya. Lingvostranovedcheskie i lingvokul'turnye slovari [Linguo-cultural lexicography. Linguo-culturological dictionaries and dictionaries of terms related to life and institutions]. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego* [Polish-Russian Institute Journal], 2 (7), 44–56.
13. Tsitkina, F. A. (1988). *Terminologiya i perevod (k osnovam sopostavitel'nogo terminovedeniya)* [Terminology and translation (basic comparative terminology studies)]. Lvov : Lvov State University Publishing Community Press.
14. Shaykevich, A. Ya. (1983). *Problemy terminologicheskoy leksikografii* [Issues of terminology lexicography]. Moscow : VtsP Press.
15. Shatalova, L. S. (2013). Tezaurusnyy podkhod pri sozdanii uchebnogo terminologicheskogo slovarya [Thesaurus approach to the creation of educational terminological dictionary]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality], 1, 129–135.
16. Shilikhina, K. M. (2006). *Teoreticheskaya i prakticheskaya leksikografiya : ucheb. posobie* [Theory and practice of lexicography : A course book]. Voronezh : Voronezh State University.
17. Lew, R. (2004). *Which dictionary for whom? Receptive use of bilingual, monolingual and semi-bilingual dictionaries by Polish learners of English*. Poznań : Motivex.
18. Worsch, W. (2005). Power to the learner: an approach towards pedagogically-oriented bilingual dictionaries. *Kernerman Dictionary News*, 15, 30–32.

УДК 81'34, 81'253
UDC 81'34, 81'253

Шайдуллина Диана Султановна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Diana S. Shaydullina
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: needle__91@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АКЦЕНТНОЙ
АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА
PECULIARITIES OF ACCENTED ENGLISH SPEECH PERCEPTION
DURING SIMULTANEOUS INTERPRETATION

Аннотация

Данная статья посвящена особенностям функционирования английского языка в качестве языка-посредника на международных конференциях Азиатско-Тихоокеанского региона. Акцентная речь представляет широкий материал для изучения когнитивных процессов, лежащих в основе адаптации к иностранному акценту. В данной статье продемонстрированы результаты исследования вероятных и реально затруднительных для восприятия в условиях синхронного перевода проявлений интерференционного взаимодействия английского и восточных языков (китайского, японского и корейского) на уровне сегментных единиц и просодии: замены среди согласных, добавление и опущение звуков, перенос ударения, удлинение безударных слогов.

Abstract

This article focuses upon the peculiarities of the English language as a language of many conferences in Asia-Pacific. Accented speech provides rich material for studying the cognitive processes that underlie adaptation to a foreign accent. This article presents the research results of possible and really challenging for perception and simultaneous interpretation issues of language interference in the interaction of English and Oriental languages (Chinese, Japanese, and Korean) that function on segmental and prosodic levels: consonant substitutes, segment insertion and elision, word-stress shift, unstressed syllable lengthening.

Ключевые слова: восприятие, акцентная речь, межкультурная коммуникация, перцептивная база, ментальный лексикон.

Keywords: perception, accented speech, cross-cultural communication, perceptual base, mental lexicon.

1. Введение

Характеристики родного языка во многом определяют параметры речепроизводства¹ на втором, не родном языке. И результатом данной ситуации является акцентная речь (Foreign Accented Speech – FAS) [Weil, 2001, p. 1] Акцентная речь представляет собой произношение с явным наличием фонетико-фонологических особенностей родного языка говорящего и иногда индивидуальных черт. Изучению феномена акцента посвящено немало работ зарубежных и отечественных авторов, кроме того, данная тематика не раз становилась центральной на конференциях международного уровня по всему миру. Однако, причиной возникновения иностранного звучания нормального человека без отклонений является огромный комплекс факторов. Например, стратегия изучения языка играет роль при последующем речепроизводстве. Специалист в области лингвистической антропологии² Дж. Бергман (Judith Bergman), говоря о причинах возникновения иностранного акцента, подчёркивает, что первая причина заключается в том, что носители языка учат английский «наоборот», то есть отличным от носителя способом³ [Bergman, 2013]. Далее, в качестве ещё одной из причин, исследователь выделяет различие фонетико-фонологического строя языков, отмечая, что, например, в английском языке существует 16 способов произнесения звука /r/ в различных позициях, в то время как ни в одном другом языке такое явление не встречается. Вследствие отличий в инвентаре фонем, правил организации фонемных кластеров, различны и правила чтения для каждого отдельно взятого языка. Тем не менее, в силу имеющихся в некоторых случаях схожих фонетических черт, изучающий иностранный язык зачастую не овладевает звуковыми контрастами в полной мере, пытаясь при говорении применить правила, свойственные родному языку, и, таким образом демонстрируя иностранный акцент. Интонация и ударение, имеющие отличительные особенности в различных фонологических системах, по единому мнению многих авторов также являются одной из причин существования иностранного акцента [J. Bergman, 2013].

¹ Речепроизводство – один из видов речевой деятельности, а именно порождения устной и / или письменной речи. Речепроизводство представляет интерес для лингвистов как активная динамическая деятельность человека, имеющая лингвистические, психологические, социокультурные и психолингвистические основы, выражающаяся в разных формах в зависимости от различных факторов (коммуникативных установок, характера общения, передаваемого содержания и т. д.) [Стойкович, 2007].

² Лингвистическая антропология – направление антропологии, изучающее историю изменения языков, взаимосвязь языка и культуры, а также то, как язык влияет на социальную жизнь.

³ Имеется ввиду то, что носитель языка с раннего детства соотносит звуковые формы означающие те или иные действия или предметы, формируя, таким образом, по В. А. Виноградову [Виноградов, 1983, с. 44] , «первичную языковую компетенцию» и только потом учится их читать и писать, а изучающие иностранный язык сначала учат алфавит, правила чтения, правописания и только потом – говорения.

Проблема иностранного акцента имеет особую актуальность для стремительно развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона, который в последнее десятилетие является центром взаимодействия этнокультурно и типологически разных языков. Английский язык в сложившейся ситуации является связующим звеном, позволяющим осуществлять межкультурную коммуникацию в рамках разнообразных дискурсов, проникнув во все сферы жизни общества: политику, экономику, науку, культуру, образование и другие. Однако отчетливо слышимый восточно-азиатский акцент создает немалые трудности при восприятии английской речи, зачастую являясь причиной ситуаций непонимания при общении двух собеседников, что, как следствие, может привести и к полному коммуникативному провалу. Следует отметить, что языковая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительно отличается от европейской, в силу взаимодействия типологически и генетически различных языков.

Помимо многих задач лингвистики, в рамках которых изучается феномен акцента и возможные импликации и следствия, исследование акцентной речи представляется весьма актуальным в контексте восприятия слушателем в ситуации ограниченности времени и других опорных ресурсов (напр., визуальной картинки, предварительного ознакомления с тематикой и т. д.). Такие признаки коммуникативной ситуации, как лимит времени для принятия решения, стрессовые условия, неродной язык перевода, отсутствие предварительного ознакомления с тематикой, наряду с высокой значимостью происходящего, относятся к сфере синхронного перевода на мероприятиях большого масштаба, которые активно проходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Отметим, что речевая деятельность и, в частности, вопросы речевосприятия и речепроизводства как на родном, так и на иностранном языке являются междисциплинарной тематикой и широко освещены в работах физиологов, психологов, психолингвистов и лингвистов (Л. В. Щерба, Л. А. Чистович, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, А. С. Штерн и др.).

По мнению А. С. Штерн, речевая деятельность представляет собой два аспекта: говорение и восприятие. Однако, автор отмечает тот факт, что данные термины не являются универсальными [Штерн, 1992, с. 3]. В работах по данной тематике встречаются также термины речепроизводство, речевосприятие, кодирование и декодирование и другие.

Согласно традиционным психолингвистическим исследованиям, в которых приводятся данные о существовании иерархических моделей восприятия речи в кибернетике и связи, установлено, что процесс восприятия устной речи является ступенчатым. На современном этапе выделяется три уровня восприятия: сенсорный (звуковой), перцептивный (словесный) и смысловой (текст). Многими известными лингвистами были предприняты попытки построения модели восприятия речи, однако, как отмечается, ни одна из представленных моделей не описывает процесс восприятия речи в полной мере (см., напр. [Liberman, 1967 ; McClelland, 1986]).

В качестве объекта восприятия рассматриваются такие основные психолингвистические единицы как слоги, слова и предложения. А. А. За-

левская отмечает, что изучение восприятия на уровне фонем, слогов и слов также важно, как и исследование данного процесса на уровне предложений для решения таких актуальных проблем как изучение схемы хранения знаний, а также лексикологической пресуппозиции [Залевская, 1999].

Изучая процесс восприятия речи, невозможно обойти стороной такое понятие, как перцептивная база, упоминающееся во многих трудах лингвистов и социолингвистов. З. Н. Джапаридзе, вслед за И. А. Зимней, понимает перцептивную базу языка как единство хранящихся в памяти индивида эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними⁴ [Джапаридзе, 1985, с. 13]. Выделяются перцептивная база индивида и перцептивная база языкового коллектива⁵. При этом отмечается, что у каждого индивида может быть несколько перцептивных баз, которыми он может пользоваться при восприятии знакомого языка средствами соответствующей перцептивной базы.

Совершенствование перцептивной базы происходит в процессе овладения языком, однако овладение умением различать все сегментные и супraseгментные противопоставления языка не свидетельствует о её совершенстве, как утверждает З. Н. Джапаридзе, приводя в пример акцентную речь, которая является следствием несовершенства артикуляционной базы [Джапаридзе, 1985, с. 13]. Исследователь отмечает, что на данный момент невозможно экспериментально и наглядно оценить различие перцептивных баз [Джапаридзе, 1985, с. 13].

Таким образом, за перцептивным уровнем речь проходит этап осмысления. В этой связи необходимо упомянуть о таком термине как ментальный лексикон. Изучением данного феномена занимались многие исследователи, однако определения, представленные в теоретической литературе на данную тематику, довольно неоднозначны. Мы придерживаемся трактовки данного термина, выдвинутой М. Гарманом, который определяет ментальный лексикон как состоящий из двух компонентов: хранимых значений слов и хранимых форм слов при наличии путей доступа, обеспечивающих связи между этими компонентами, а также между ними и другими элементами в иерархии переработки. М. Гарман считает, что

⁴ Подчёркивается, что под перцепцией подразумевается восприятие звучания, но не значения текста. Последний процесс требует от слушающего подключения системы приёма единиц, обладающих значением. Однако в речевых актах восприятие звучания текста зачастую происходит без его осмысления. Перцепция в чистом виде прослеживается при восприятии бессмысленных звукосочетаний или незнакомых слов [Джапаридзе, 1985, с. 13]. Л. Р. Зиндер противопоставлял восприятие пониманию: «Понимание речи и восприятие не одно и то же. В понимании имеется экстралингвистический аспект... Восприятие как бы предшествует пониманию, поскольку оно закладывается в декодировании звукового сигнала. Для восприятия нужно только владение языковым кодом» [Зиндер, 1979, с. 32].

⁵ Что-то общее, характерное для перцептивных баз тех людей, которых можно считать полноправными представителями этого коллектива.

слушающий или читающий проецирует языковые сигналы в ментальный лексикон и активирует ассоциативные репрезентации значений, что служит началом понимания. При восприятии слышимого сигнала потенциальные «ключи» оказываются основанием для вычленения сегментов разных размеров, которые могут пересекаться [Garman, 1990].

Акцентная речь представляет широкий материал для изучения когнитивных процессов, лежащих в основе адаптации к иностранному акценту, поскольку на сегодняшний день существует огромное количество перцептивных баз языковых коллективов⁶. Недавние исследования в области акцентной речи неносителей английского языка доказали когнитивную способность билингвов приспособляться и лучше справляться с вариативностью в речи, чем носителей языка [Bent and Bradlow, 2003]. Поскольку признаки любого иностранного акцента возникают, главным образом, при взаимодействии фонологических систем двух языков (интерференции) и являются систематическими, представляется возможным описание существующих особенностей акцентного произношения для дальнейшей выработки методик и стратегий восприятия, направленных главным образом на расширение перцептивных фонетико-фонологических моделей в перцептивной базе синхронных переводчиков.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

В данной статье представлены результаты пилотного исследования вероятных и реально затруднительных для восприятия в условиях синхронного перевода проявлений интерференционного взаимодействия английского и восточных языков (китайского, японского и корейского). Материалом для исследования послужили записи выступлений представителей стран Восточной Азии и их синхронный перевод в рамках Восточного Экономического Форума (ВЭФ) 2015 года, собранные для пополнения информационно-электронных ресурсов базы акцентной английской речи Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian Asian Corpus of English (RACE). Общая длительность анализируемых фрагментов аудиофайлов с примерами переводческих сбоев, составила 50 минут (речевые стимулы ~ 25 минут + перевод ~ 25 минут).

Ввиду того, что эксперимент был направлен на выявление трансформаций на сегментном и супraseгментном фонетических уровнях организации английской речи неносителей языка, восприятие которых представляет сложность для переводчика в условиях синхронного перевода, исследование проводилось в несколько этапов: 1) сбор описанного выше звукового

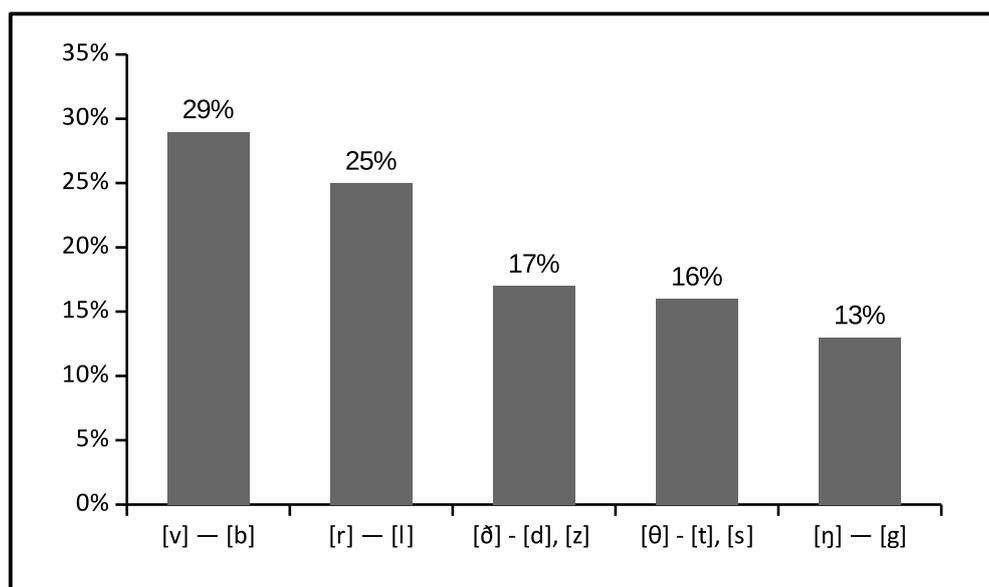
⁶ Число перцептивных баз языковых коллективов определяется числом фонетически разных систем. Так как перцептивная база является формой существования звукового строя языковой системы, то ясно, что существует: 1) столько перцептивных баз языков, сколько и фонетически разных языков; 2) столько разных диалектных перцептивных баз, сколько и фонетически разных диалектов [Джапаридзе, 1985].

подкорпуса; 2) сравнительный слуховой анализ двух аудиодорожек (стимула и перевода) с целью выявления переводческих сбоев и значительных задержек при переводе; 3) экспертный слуховой, аудиторский и, выборочно, электроакустический анализ фрагментов, вызвавших наибольшие затруднения в переводе, полную или частичную потерю информации, а также неверный перевод.

2.2. Обсуждение результатов

В процессе анализа акцентной английской речи ораторов в исследуемом подкорпусе были выявлены следующие трансформации, затрудняющие процесс перевода.

Явным признаком восточноазиатского акцента в английской речи является субституция согласных звуков, возникающая, очевидно, в виду того, что в родном языке данные противопоставления не являются релевантным признаком. Речь идет о парах [v]-[b], которые часто подвергаются замене, например, available [ə'veɪləbl̩] => [ə'beɪləbl̩], development [dɪ'veləpmənt] => [dɪ'beləpmənt], involved [ɪn'vɒlvd] => [ɪn'bɒl(v)t]. Наравне с данными звуками также частотны варианты замены [r] => [l]: representative [ˌreprɪ'zentətɪv] => [ˌleprɪ'zentətɪf], praise ['preɪz] => [pleɪs]. Замена [ð] на [d] или [z] и, соответственно, замена [θ] на [t] или [s] также имеет место в английской речи носителей языков Восточной Азии, например: this [ðɪs] => [dɪs] / [zɪs], there [ðeə] => [deə] / [zeə], that [ðæt] => [zæt] / [dæt], other ['ʌðə] => ['ʌdə] / ['ʌzə], thirty ['θɜ:ti] => ['sɜ:ti], thank you ['θæŋk ju] => ['sæŋk 'ju] / ['tæŋk 'ju]. На рисунке 1 представлена диаграмма частотности консонантных замен в анализируемом подкорпусе акцентной английской речи, отобранных в количестве 200 единиц (n=200) методом экспертного слухового анализа.

Р и с у н о к 1. Диаграмма частотности консонантных замен в анализируемом подкорпусе акцентной английской речи

В целом в ходе анализа было отмечено, что в ситуации синхронного перевода, с ограниченностью времени для принятия переводческого решения, данного рода трансформации в незначительной мере влияют на восприятие переводчиком и, ввиду избыточности контекста во всех анализируемых случаях, не отражаются значительно на качестве перевода (потеря информации составила около 14%).

На наш взгляд, залог успешной перцепции при данном виде трансформаций заключается в соотношении хранящихся в ментальном лексиконе возможных реализаций данных фонем и акцентного варианта звучания и, в случае выполнения данной первичной когнитивной операции, в соотношении звукового образа с соответствующим смысловым содержанием.

Отдельную группу акцентных явлений в английской речи носителей языков Восточной Азии составляют фонетические трансформации на супrasegmentном уровне. Д. Уэллс в своей статье *Overcoming phonetic interference* описывает, что в результате интерференции (в японском языке в сложносоставных словах ударение ставится на последнее слово), японские студенты произносят сложносоставные существительные, такие как, например, *alarm clock*, *bank account*, *bookcase*, *bus stop*, *credit card* с ударением на втором слове, в то время как в нормативном английском языке ударение должно падать на первый слог. Но, в целом, автор отмечает, что японские студенты лучше справляются с освоением правил расстановки ударения, чем, например, французы. Отметим, что данная ситуация может создавать некоторые трудности при восприятии звучащего текста с нарушениями мелодического контура [Wells, 2000].

В проведённом нами исследовании многочисленными трансформациями стали также случаи переноса ударения в словах, либо появления избыточного ударения на неударном слоге, путём увеличения таких акустических параметров как длительность и интенсивность. В качестве примеров данной трансформации можно привести реализации следующих слов *tuition* [tju: 'ɪf.ən] => [tu: ɪf 'ən], *producing* [prə. 'dju: sɪŋ] => ['pro.dju 'sɪn], *concrete* ['kɒŋ.kri:t] => ['kɒn 'kri:t], *substituted* ['sʌb.sti.tju: tɪd] => ['sʌb 'sti 'tju 'tɪt], etc.

Примерами удлинения конечного слога, найденными в исследуемом подкорпусе явились следующие слова: *disabili'ty*, *flexibili'ty*, *immobili'ty*, *instabili'ty*, *applicabili'ty*, *acceptabili'ty*, *affordabili'ty*, *predictabili'ty*, *profitabili'ty*, *reliabili'ty*, *responsibili'ty*, *variabili'ty*.

Следует отметить, что данные трансформации акцентно-ритмической структуры слова приводят к значительному видоизменению его фонетического облика и, как следствие, к трудностям при восприятии для синхронного переводчика.

Восприятие акцентной реализации аббревиатур является одним из сложнейших процессов для синхронного переводчика, что следует из анализа материала. В экономическом дискурсе форума активно наличествовали аббревиатуры (например, IMF – International Monetary Fund, IBC – International Business Companies, PTC – Performance Test Code). При переводе аббревиатур, несмотря на высокую квалификацию и многолетний стаж, переводчики демонстрировали очевидные сложности.

Также одними из частотных трансформаций, затрудняющих процесс восприятия английской речи носителей языков Восточной Азии, были явления минус- и плюс-сегментации, что означает опущение и добавление лишних звуков соответственно. Для демонстрации явления минус-сегментации приведём, например, слово *priority* [praɪ'ɔ:rəti], которое было реализовано корейским диктором как [pɾiəŋ'ti] (элизия дифтонга [aɪ] с одновременным смещением ударения), *bilateral* => ['bi'lætəl] (опущение щелевого сонанта [r] и замена дифтонга [aɪ] монофтонгом [i]). Примером плюс-сегментации может быть числительное *hundred* /'hʌndrəd/=>[əndə], в акцентной реализации которого отмечается минус-сегментация (элизия) согласных звуков (начального /h/ и конечного /d/), упрощение консонантного кластера /ndr/, сопровождаемое субституцией /d/=>[ð] (явление сверхдифференции), а также ослабление ударного в норме гласного /ʌ/=>[ə].

3. Заключение

В ходе анализа речевых стимулов было установлено, что для акцентной английской речи носителей восточноазиатских языков характерны многочисленные трансформации сегментной и просодической структуры сообщения, которые создают определённые затруднения при восприятии речи синхронными переводчиками. Вышесказанное обуславливает необходимость включения задачи расширения перцептивных баз, а также ментального лексикона при обучении синхронных переводчиков более качественно распознавать фонемный состав и получать доступ к смыслу исходного сообщения. Способные надёжно декодировать воспринимаемую информацию даже при грубых фонетических нарушениях, синхронные переводчики будут значительно легче и быстрее осуществлять процесс перевода в непростых условиях синхронности. Несомненно, опыт речевого общения и тренинг согласно особенностям акцентной реализации вырабатывают способность легко реконструировать фонемный состав звукового континуума.

4. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке ДВФУ, проект № 14-08-05-14-и.

Список литературы

1. Виноградов, В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку [Текст] / В. А. Виноградов // Лингвистические основы преподавания языка. – 1983. – С. 44–65.
2. Джапаридзе, З. Н. Перцептивная фонетика [Текст] / З. Н. Джапаридзе – Тбилиси : Мецниереба, 1985. – 117 с.
3. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику [Текст] / А. А. Залевская. – М. : РГГУ, 1999. – 382 с.
4. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер. – М. : Высшая школа, 1979. – 32 с.

5. Стойкович, Л. Ю. Лексико-семантическое поле английских глаголов рече-производства (лингвокогнитивный подход) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Стойкович Лилия Юрьевна ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2007. – 23 с.
6. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование) [Текст] / А. С. Штерн. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. – 236 с.
7. Bent, T. The interlanguage speech intelligibility benefit [Text] / T. Bent, A. R. Bradlow // Journal of Acoustic Society of America. – 2003. – 114 (3). – P. 1600–1610.
8. Bergman, J. The First Cause of Foreign Accents: English as a Foreign Language is Taught and Learned Backwards [Electronic Resource] / J. Bergman. – 2012a. – URL. : https://www.youtube.com/watch?v=Iw_-4UFjF9g.
9. Bergman, J. The Second Cause of Accents: The Repertoire of Speech Sounds is Different in Different Languages [Electronic Resource] / J. Bergman. – 2012b. – URL. : <https://www.youtube.com/watch?v=3f-K2ZemMa4>.
10. Garman, M. Psycholinguistics [Text] / M. Garman. – Cambridge University Press, 1990. – 513 p.
11. Perception of the speech code [Text] / A. M. Liberman, F. S. Cooper, D. P. Shankweiler, M. Studdert-Kennedy // Psychological Review. – 1967. – Vol. 74 (6). – P. 431–461.
12. McClelland, J. L. The TRACE model of speech perception [Text] / J. L. McClelland, J. L. Elman // Cognitive Psychology. – 1986. – Vol. 18 (1). – P. 1–86.
13. Weil, S. A. Foreign Accented speech: adaptation and generalization [Electronic Resource] : Master of Arts diss. / Shawn Aaron Weil. – Ohio State University, 2001. – 54 p. – URL. : <http://lpl.psy.ohio-state.edu/documents/swthesis-21.pdf>.
14. Wells, J. C. Overcoming phonetic interference [Text] / J. Wells // Journal of the English Phonetic Society of Japan. – 2000. – N. 3. – P. 9–21.

References

1. Vinogradov, V. A. (1983). Stratifikatsiya normyi, interferentsiya i obuchenie yazyiku [Stratification of the standard, language interference and language teaching]. *Lingvisticheskie osnovyi prepodavaniya yazyika* [Linguistic Basis of Language Teaching], 44–65.
2. Dzhaparidze, Z. N. (1985). *Pertseptivnaya fonetika* [Perceptual phonetics]. Tbilisi. : Metsniereba.
3. Zalevskaya, A. A. (1999). *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow : Russian State University for the Humanities.
4. Zinder, L. R. (1979). *Obschaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Vysshaya shkola.
5. Stoykovich, L. Yu. (2007). *Leksiko-semanticheskoe pole angliyskih glagolov rechevroizvodstva (lingvokognitivnyy podhod)* [Lexical-semantic field of English verbs denoting speech production (linguo-cognitive approach). Author's abst. PhD philol. sci. diss.]. Samara State Pedagogical University, Samara.
6. Shtern, A. S. (1992). *Pertseptivnyy aspekt rechevoy deyatelnosti (eksperimentalnoe issledovanie)* [Perceptual aspect of speech activity (experimental studies)]. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.

7. Bent, T., Bradlow, A. R. (2003). The interlanguage speech intelligibility benefit. *Journal of Acoustic Society of America*, 114 (3), 1600–1610.
8. Bergman, J. (2012a) *The First Cause of Foreign Accents: English as a Foreign Language is Taught and Learned Backwards*. Retrieved from : https://www.youtube.com/watch?v=Iw_-4UFjF9g.
9. Bergman, J. (2012b) *The Second Cause of Accents: The Repertoire of Speech Sounds is Different in Different Languages*. Retrieved from : <https://www.youtube.com/watch?v=3f-K2ZemMa4> .
10. Garman, M. (1990). *Psycholinguistics*. Cambridge University Press.
11. Liberman, A. M., Cooper, F. S., Shankweiler, D. P., Studdert-Kennedy, M. (1967). Perception of the speech code. *Psychological Review*, 74 (6), 431–461.
12. McClelland, J. L., Elman, J. L. (1986). The TRACE model of speech perception. *Cognitive Psychology*, 18 (1), 1–86.
13. Weil, S. A. (2001). *Foreign Accented speech: adaptation and generalization*. Master of Arts diss. Ohio State University. Retrieved from : <http://lpl.psy.ohio-state.edu/documents/swthesis-21.pdf>.
14. Wells, J. C. (2000). Overcoming phonetic interference. *Journal of the English Phonetic Society of Japan*, 3, 9–21.

УДК 81'23, 81'36
UDC 81'23, 81'36

Шатравка Анна Владиславовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская федерация
Anna V. Shatravka
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: ashatravka@mail.ru

Кравченко Евгения Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская федерация
Evgeniya V. Kravchenko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: kravchenko0992@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРИМЕРНОГО
КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**
**THE MAIN WAYS TO REFER TO APPROXIMATE NUMBER
IN MODERN CHINESE**

Аннотация

В нашей жизни мы часто сталкиваемся с ситуациями, в которых необходимо обозначить примерное количество. Каждый язык обладает своими грамматическими особенностями и структурами, поэтому способы выражения примерного количества в разных языках неодинаковы. Данная статья посвящена способам обозначения примерного количества в современном китайском языке. Мы выделяем различные способы: последовательное использование числительных, употребление частиц, обозначающих численные значения, наречий, глаголов, локативов после числительного или перед ним, а также использование счётных слов, обозначающих неопределённое количество. В данной статье приведены конкретные примеры и описаны правила использования каждого способа обозначения примерного количества.

Abstract

In our life, we are often faced with situations in which you have to indicate the approximate number. Every language has its own grammatical features and structures, and therefore, ways of expressing the approximate number of different languages are different. This article focuses on methods of referring to the approximate number in modern Chinese. We distinguish different ways: the consistent use of numerals, the use of particles denoting numerical notions, adverbs, verbs, locatives after or before the numeral, as well as the use of counting words denoting an indefinite amount. This article provides specific examples and describes the rules for the use of each method for denoting approximate number.

Ключевые слова: приблизительное количество, числительное, счетный комплекс, примерно, почти, около.

Keywords: the approximate number, numeral, counting center, roughly, almost, about.

Обозначение примерного количества является обычным и частым явлением нашей повседневной жизни. В китайском языке можно выделить несколько способов обозначения примерного количества.

Наиболее распространённым способом выражения примерного количества является употребление двух последовательных чисел. Например: 一两个 *и лян гэ* 1–2 штуки (далее – шт.), 两三个 *лян сань гэ* 2–3 шт., 三四个 *сань сы гэ* 3–4 шт.

Однако нельзя последовательно употреблять 9 и 10, так как это числа разных разрядов, это касается и числительных 100 и 1000. Кроме того, нельзя употреблять последовательно 99 и 100, 999 и 1000.

При обозначении примерного количества составных числительных, сначала необходимо указать разряд, затем только два последовательно расположенных числа. Например: 十二三个 *ши ар сань гэ* 12–13 шт., 十六七个 *ши лю цю гэ* 16–17 шт. Допускается последовательное использование чисел следующих разрядов, оканчивающихся на 0: 十 *ши* десять, 百 *бай* сто, 千 *цян* тысяча, 万 *вань* десять тысяч, 亿 *и* сто миллионов. Например: 二三十个 *ар сань ши гэ* 20–30 шт., 四五百个 *сы у бай гэ* 400–500 шт., 一两万个 *и лян вань гэ* 10000–20000 шт.

Анализ материала показал, что, как правило, последовательно используются числа от меньшего к большему, исключением является 三两个 *сань лян гэ* 3–2 шт. Данное выражение имеет переносное значение «очень мало». Например: 我们三两天就回来 *Вомэнь сань лян тянь цзю хуэйлай. Мы очень скоро вернемся.*

Кроме того, исключением также являются выражения: 三五天 *сань у тянь* 3–5 дней (числа 3 и 5 не являются последовательными), 百八十人 *бай ба ши жэнь* 80–100 человек (числа 80 и 100 могут употребляться вместе, хотя относятся к различным разрядам) [Лу Фубо, 2014, с. 69–74].

Обозначение примерного количества является одной из функций частиц китайского языка, обозначающих численные значения. К таким частицам относятся: 来 *лай*, 把 *ба*, 开外 *кайвай*. Рассмотрим способы употребления данных частиц при выполнении этой функции.

Частица 来 *лай* имеет несколько способов употребления в зависимости от числительного и счетного слова, с которыми она употребляется.

1) конструкция «числительное от 1 до 10 (включительно) + счётное слово, обозначающее меру длины, веса, времени и денежную единицу + 来 *лай* + существительное/прилагательное» обозначает, что число больше или меньше указанного в пределах единицы измерения на 1 или 2 её разряда. Например: 河有三丈来宽 *Хэ ю сань чжан лай куань. Ширина реки примерно три чжана (3 чжана и 1 или 2 чи, или 2 чжана и 8 или 9 чи), 三*

亩来地 *сань му лай ди около 3 му земли* (2 му 58–59 чжанов, 3 му 1–2 чжана) [Люй Шусян, 1996, с. 310];

2) конструкция «числительное, кратное 10 + 来 лай + счётное слово любого класса + существительное / прилагательное» обозначает, что число больше указанного на 1–2 единицы измерения. Например: 20 来个学生 *ар ши лай гэ сюэиэн около 20 студентов* (21–22 студента), 160 来公分高 *и бай лю ши гунфэнь гао высотой около 160 см* (161–162 см) [Чжан Бинь, 2000, с. 241].

Частица 把 ба употребляется после разрядов 百 бай 100, 千 цян 1000, 万 вань 10000, выражая, что это количество немного больше или приблизительно равно указанному числу. Например: 万把块美元 *вань ба куай мэюань примерно 10 тысяч долларов*. Следует отметить, что числительное "一" и один перед частицей 把 ба опускается.

Употребляясь после счётных слов 丈 чжан, 里 ли, 斤 цзинь, 个 гэ, 块 куай, 次 цы, частица 把 ба выражает, что данное число приблизительно равно или чуть больше указанного в пределах данной единицы измерения. Например:

又过了个把月 *ю голэ гэ ба юэ снова прошло около месяца* (три недели и несколько дней или четыре недели и несколько дней);

没多远, 里把路 *мэй до юань, ли ба лу не так далеко, около одной версты* (от 496,5 до 503,3 метров) [Хоу Сюэчао, 1998, с. 12].

Частица 开外 кайвай выражает, что число немного больше указанного. Частица 开外 кайвай обычно стоит после счётного слова. Имеет три способа употребления [Хоу Сюэчао, 1998, с. 364].

1. После числительных кратных 10 при обозначении возраста. Часто встречается со словами 大概 дагай примерно, 不过 буго не более [Чжан Бинь, 2000, с. 242]. Анализ материала показал, что число должно быть больше 20. Например: 年龄是五十开外 *няньлин ши у ши кайвай около 50 лет*.

2. После числительных кратных 10 и после числительного 5 при обозначении расстояния и площади. Например: 十米开外 *ши ми кайвай примерно 10 метров*.

3. После числительных меньше 10 при обозначении времени. Например: 一个星期开外 *и гэ синци кайвай около недели*.

Примерное количество может быть выражено с помощью наречий, занимающих различные позиции относительно числительного. К таким наречиям относятся: 多 до более, 大概 дагай приблизительно, вероятно, 大约 даюэ приблизительно, вероятно, 约 юэ примерно, 约略 юэлюэ примерно, 约莫 юэмо около, 差不多 чабудо почти, 几乎 цзиху почти, около, 几 цзи почти, около.

Наречие 多 до занимает следующие позиции относительно счётного комплекса, под которым мы понимаем «сочетание числительного и счётного слова» [Люй Шусян, 1996, с. 159]:

а) конструкция «числительное, кратное 10 + 多 до + счётное слово любого класса + существительное» обозначает, что число больше на целое значение в пределах разряда, например: 二百多里 *ар бай до ли более 200 вёрст* (201–299), 十多封信 *ши до фэн синь более 10 писем* (11–19 писем);

б) конструкция «числительные от 1 до 10 (включительно) или многозначное числительное, не кратное 10 + счётное слово, обозначающее меру длины, веса, времени или денежную единицу + 多 до + существительное» обозначает, что число больше от 0,1 до 0,9 единицы измерения, например: 六斤多 лю цзинь до 6 с лишним цзиней (6,1–6,9 цзиней), 五十六块多钱 у ши лю цзинь до куай 56 юаней с лишним (56 юаней 1 мао – 56 юаней 9 мао).

Наречия 大约 даюэ, 大概 дагай приблизительно, вероятно при обозначении примерного количества, времени и расстояния употребляются одинаково. Например: 一斤大约 (大概) 三到四个 и цзинь даюэ (дагай) сань дао сы гэ 1 цзинь примерно 3–4 шт.; 大概 (大约) 讲了半小时 дагай (даюэ) цзян лэ бань сяоши говорил около 30 минут; 大约 (大概) 三万公里 даюэ (дагай) сань вань гунли примерно 30 тысяч км.

Наречие 约 юэ при обозначении примерного количества, времени, длины, расстояния и так далее чаще всего стоит перед счётным комплексом или перед односложным глаголом. Например: 宽约一百米 куань юэ и бай ми шириной около 100 м; 约占百分之六十 юэ чжань бай фэнь чжи лю ши занимает примерно 60 %.

При употреблении наречия 约 юэ примерно перед словом, обозначающим время, необходимо добавить предлог 在 цзай в или 与 юй с. Например: 我约在月底回国 – 我大概 (大约) 月底回国. Во юэ цзай юэ ди хуэйго. Во дагай (даюэ) юэ ди хуэй го. Я вернусь на Родину примерно в конце месяца.

Наречия 约略 юэлюэ, 约莫 юэмо примерно, около употребляются перед счётным комплексом или глагольным словосочетанием. Например:

约略费去了煮熟三锅小米的工夫 юэлюэ фэйцзюлэ чжушу сань го сяоми дэ гунфу. Потратили времени почти столько, будто сварили до готовности 3 кастрюли риса.

约莫有二, 三十斤 юэмо ю ар, сань ши цзинь примерно есть 20–30 цзиней. В данном предложении примерное количество можно обозначить и с помощью последовательного употребления числительных: 二三十斤 ар сань ши цзинь 20–30 цзиней [Люй Шусян, 1996, с.120, 121; Хоу Сюэчао, 1998, с. 112, 116, 709–710].

Наречие 差不多 чабудо почти, употребляясь перед счётным комплексом, обозначает, что количество немного меньше, чем указанное. Например: 差不多六年 чабудо лю нянь почти 6 лет, 差不多一半同学 чабудо и бань тунсюэ почти половина студентов [Люй Шусян, 1996, с. 90].

Обозначение примерного количества является одной из функций таких наречий как: 几乎 цзиху, 几 цзи почти. Например: 几乎有五十万人 цзиху ю у ши вань жэнь имеется почти 50 тысяч человек, 几一千年 цзи и цяннь нянь почти 1 тысяча лет [Хоу Сюэчао, 1998, с. 291].

Кроме наречия 几 цзи почти, в китайском языке существует вопросительное местоимение 几 цзи сколько?, которое в утвердительных предложениях приобретает значение «несколько». Например: 刚学了几句英语, 就想做翻译, 真是笑话! Ган сюэ лэ цзи цзюй ин'юй, цзю сян цзо фань'и, чжэнь ши сяохуа! Только-только выучил пару фраз на английском языке – и уже хочешь стать переводчиком. Правда, смешно!

В значении «несколько» может употребляться числительное 两 两 两 两. Например: 上课的时间都过了, 才来了这么两个人! *Шан кэ дэ шицзьянь доу го лэ, цай лай лэ лян гэ жэнь. Только под конец урока пришло всего несколько человек!* [Лу Фубо, 2014, с. 69–74].

Локативы, которые являются подклассом существительных, также употребляются для обозначения примерного количества. Основной функцией локативов является обозначение местоположения, ориентации в пространстве. Они могут стоять после существительного и употребляться самостоятельно. Кроме того, выделяют несколько локативов, имеющих дополнительную функцию – выражение приблизительного значения. К ним относятся: 左右 *цзо'ю около, приблизительно, 前后 цяньхоу раньше или позже, примерно, 上下 шанся незначительно различаться, около, примерно.*

Локатив 左右 *цзо'ю около, приблизительно* указывает, что количество немного меньше, больше или равно чему-либо. Выделяют несколько способов его употребления [Хоу Сюэчао, 1998, с. 793–794], [Лу Фубо, 2014, с. 69–74].

1. После выражений, обозначающих время. При этом данный локатив может употребляться после выражений, которые обозначают конкретное время, Например: 八点左右 *ба дянь цзо'ю около восьми часов* (7, 8 или 9 часов); 本月十五号左右 *бэнь юэ ши у жи цзо'ю примерно 15 числа этого месяца* (14, 15 или 16 числа). Кроме того, данный локатив употребляется после выражений, обозначающих временной промежуток. Например: 两个月左右 *лян гэ юэ цзо'ю около двух месяцев* (полтора месяца, два, два с половиной); 十年左右 *ши нянь цзо'ю примерно 10 лет* (9, 10, 11 лет). Следует отметить, что 左右 *цзо'ю* не употребляется после глаголов и в конце предложений.

2. После счётного комплекса данный локатив обозначает количество чуть меньше или чуть больше указанного. Например: 一百套左右 *и бай тао цзо'ю около 100 комплектов* (98–102); 五千字左右 *у цянь цзы цзо'ю примерно 5000 иероглифов* (4998–5002).

3. При обозначении возраста. Например: 二十左右 *ар ши нянь цзо'ю примерно 20 лет* (19–21).

4. Для выражения расстояния. Например: 十米左右 *ши ми цзо'ю примерно 10 метров* (9–11).

5. Для выражения веса. Например: 二十克左右的项链 *ар ши кэ цзо'ю дэ лянсо колье, весом примерно в 20 грамм* (19–21).

Локатив 前后 *цяньхоу раньше или позже, примерно* употребляется только при обозначении времени. Например: 六点前后 *лю дянь цяньхоу около шести часов*; 开学前后 *кайсюэ цяньхоу примерно, когда начали учиться*; 新年前后 *синь нянь цяньхоу примерно на новый год*; 运动会前后 *юньдунхуэй цяньхоу примерно, когда была олимпиада*. При обозначении времени указывает только на конкретное время, дату или событие, и не обозначает временных промежутков. Следует отметить, что локатив не употребляется после счётного комплекса [Хоу Сюэчао, 1998, с. 463; Лу Фубо, 2014, с. 69–74].

Локатив 上下 *шанся около*, примерно используется после числительных, кратных 10, выражая, что количество немного меньше, больше или равно указанному числу. Он имеет несколько способов употребления.

1. При обозначении возраста. Например: 四十岁上下的人 *сы ши суй шанся дэ жэнь человек примерно сорока лет* (почти 40 или чуть больше 40).

2. При обозначении расстояния и высоты. При этом, когда выражает расстояние, он может употребляться только после мерного слова 里 (частица 左右 *цзо'ю около*, приблизительно не имеет таких ограничений). Например: 二十里上下 *ар ши ли шанся примерно 20 верст*; 两米上下个子 *лян ми шанся дэ гэцзы рост около двух метров*.

3. При обозначении веса. Например: 二百公斤上下 *ар бай гунфэнь шанся примерно 200 кг*.

4. После счётного комплекса. Например: 二十元上下 *ар ши юань шанся примерно 20 юаней*.

Отметим, что локатив 上下 *шанся около*, примерно не употребляется для обозначения времени [Хоу Сюэчао, 1998, с. 497, 498].

Иногда примерное значение может быть обозначено с помощью глагола 近 *приближаться к*. Исходя из его значения, количество всегда немного меньше указанного числа. Например: 近三十个人 *цзинь сань ши гэ жэнь почти 30 человек* [Чжу Сяосин, 2002, с. 193–195].

Одной из особенностей современного китайского языка является использование счётных слов, которые занимают позицию между числительным или указательным местоимением и существительным, или же стоят после глагола. Среди счётных слов также выделяется группа слов, которые обозначают неопределённое, сравнительно маленькое количество. К ним относятся: 一点 (点) (儿) *и дянь (дянь) (эр) немного*, 一些 (些) *и се (се) немного*, 一会 (儿) *и хуэй (эр) немного*. Счётные слова 一点 *и дянь* и 一些 *и се* *немного* употребляются перед существительными или самостоятельно. Например: 一点水 *и дянь шуй немного воды*, 一些水果 *и се шуйго немного фруктов*, 给我一点 *гэй во и дянь дай мне немного*, 只有这些 *чжи ю чжэ се есть только эти несколько*. Следует отметить, что 这 (那) 些 *чжэ (на) се* обозначает множественное число, а 这 (那) 点 *чжэ (на) дянь* обязательно обозначает очень маленькое количество. Кроме того, 一些 (些) *и се (се) немного* может употребляться перед исчисляемыми существительными, 一点 (点) *и дянь (дянь) немного* перед неисчисляемыми существительными и, в редких случаях, перед исчисляемыми существительными при сочетании с указательными местоимениями 这 *чжэ это*, 那 *на то*, 这么 *чжэмэ в такой степени, так*, 那么 *намэ в такой степени, так*. Например: 一些人 *и се жэнь несколько человек*, 这点人 *чжэ дянь жэнь так мало людей* [Люй Шусян, 1996, с. 510]. Счётное слово 一会 (儿) *и хуэй (эр) немного* указывает на короткий промежуток времени. Например: 唱歌一会 *чан и хуэй немного (по времени) попеть песни*.

一会 (儿) *и хуэй (эр) немного* может указывать, что действие произойдёт через короткое время. Например: 妈妈一会儿就回来了 *мама и хуэй цзю хуэй лай*. Мама совсем скоро вернется [Современный китайский словарь, 2011, с. 1596].

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном китайском языке существует множество способов выражения приблизительного количества: без применения дополнительных лексических элементов (употребление двух последовательных чисел) и с помощью слов, относящихся к различным классам (наречия, глаголы, локативы, частицы), со значением «примерно, почти, около, несколько, немного». Анализ показал, что для некоторых классов слов обозначение примерного количества является основной функцией, для других – одной из дополнительных функций.

Список литературы

1. 卢福波。对外汉语教学实用语法。- 北京：北京语言大学出版社，2014。- 45 页。
Лу Фубо. Дуйвай ханьюй цзясюэ шиюн юйфа (=Практическая грамматика для преподавания китайского языка как иностранного) [Текст] / Лу Фубо. – Пекин : Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2014. – 451 с.
2. 吕叔湘。现代汉语八百词。- 北京：商务印书馆，1996。- 668 页。
Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы (=Восемьсот слов современного китайского языка) [Текст] / Люй Шусян. – Пекин : Шань'у иньшугуань, 1996. – 668 с.
3. 现代汉语词典（第五版）/ 中国社会科学院语言研究所。词典编辑室编。- 北京：商务印书馆，2011。- 1869页。
Сяньдай ханьюй цыдянь (ди у бань) (=Современный китайский словарь (5 издание)) [Текст] / Чжунго шэхуй кэсюэюань юйянь яньциусо. Цыдянь бяньциши бянь. – Пекин : Шань'у иньшугуань, 2011. – 1869 с.
4. 侯学超。现代汉语虚词词典。- 北京：北京大学出版社，1998。- 800页。
Хоу Сюэчао. Сяньдай ханьюй сюйцы цыдянь (=Словарь служебных слов современного китайского языка) [Текст] / Хоу Сюэчао. – Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. – 800 с.
5. 张斌, 张谊生。现代汉语虚词。- 上海：华东师范大学出版社，2000。- 315 页。
Чжан Бинь. Сяньдай ханьюй сюйцы (=Служебные слова современного китайского языка) [Текст] / Чжан Бинь, Чжан Ишэн. – Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2000. – 315 с.
6. 朱晓星。简明汉语语法学习手册。- 北京：北京大学出版社，2002。- 321 页。
Чжу Сяосин. Цзяньмин ханьюй юйфа сюэси шоуцэ (=Краткий учебный справочник по грамматике китайского языка) [Текст] / Чжу Сяосин. – Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2002. – 321 с.

References

1. Lu Fubo. (2014). *Practical grammar for teaching Chinese as a foreign language*. Beijing.
2. Lü Shuxiang. (1996). *Eight hundred words of the modern Chinese language*. Beijing.

3. *Modern Chinese dictionary* (2011). 5th ed. / Beijing : Institute of Linguistics; Chinese Academy of Social Sciences.
4. Hou Xuechao. (1998). *Modern Chinese dictionary of function words*. Beijing.
5. Zhang Bin, Zhang Yisheng. (2000). *Function words of the modern Chinese language*. Shanghai.
6. Zhu Xiaoxing. (2002). *Simple Chinese grammar learning guidebook*. Beijing.

УДК 81'34
UDC 81'34

Шевченко Татьяна Ивановна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
Tatiana Shevchenko
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Сокорева Татьяна Викторовна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
Tatiana Sokoreva
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

АНГЛИЙСКИЙ РИТМ КАК ВЫДЕЛЕННОСТЬ УДАРНЫХ СЛОГОВ
(КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВОЗРАСТА И ГЕНДЕРА)
ENGLISH RHYTHM AS PROMINENCE OF ACCENTED SYLLABLES
(A CORPUS STUDY OF AGE AND GENDER EFFECTS)

Аннотация

В настоящей статье мы приводим доказательства того, что просодическая выделенность акцентируемых слогов, составляющая основу ритма английской речи, сохраняется или усиливается с возрастом, оптимизируя речевую коммуникацию на фоне широко известных фактов снижения высотного уровня, падения уровня интенсивности, замедления скорости артикуляции, вызванных естественным физическим развитием. Привлечение к анализу ритма, кроме измерения длительности, высотных данных и показателей интенсивности на материале корпуса телефонных бесед позволило выделить не только увеличение длительности акцентируемых слогов, но и расширение диапазона, большую вариативность максимальных высотных показателей в качестве статистически значимых признаков изменяющегося ритма. Отмечаются возрастные гендерные различия.

Abstract

In this paper we provide evidence for prosodic prominence of accented syllables, which is the base of English rhythm, to be sustained or increased with age, thus optimizing speech communication against the background of widely reported facts of F0 drop, intensity decrease, articulation rate slowing down that are caused by natural physical development. By adducing the telephone talks corpus data on F0 and intensity, apart from duration, we were able to single out increase in accented syllables durations as well as F0 range and higher F0max variability scores as statistically significant characteristics of changing rhythm patterns. Specific gender differences are also noted.

Ключевые слова: английский язык, просодия, ритм, выделенность, возраст, гендер.

Keywords: English, prosody, rhythm, prominence, age, gender.

1. Введение

В центре данного анализа – просодическая выделенность ударных, а точнее, акцентуемых слогов в потоке звучащей речи, которая обеспечивает, с одной стороны, основу тактосчитающего ритма в английском языке, а с другой стороны, концентрирует внимание слушателя на словах-носителях смысла [Шевченко et al., 2012]. Таким образом, дискурсивная функция лексического ударения как средства, способствующего распознаванию слов, несмотря на новые данные о большей перцептивной значимости качества гласных в «сильных слогах», чем просодии слова [Cutler, 2015], заслуживает особого внимания.

В последние десятилетия ритм различных языков и диалектов рассматривался в типологическом аспекте в связи с пересмотром дихотомии «тактосчитающие vs. слогосчитающие» языки, которая ассоциировалась с гипотезой Пайка-Аберкромби о двух типах ритма в языках мира. Этому способствовало введение в исследовательскую практику фонетистов новых методик обсчета ритмических тенденций, в частности метода PVI (pairwise variability index – индекс парной вариативности), который состоял в попарном сопоставлении вокалических и консонантных интервалов, а также соседних слогов по длительности. Для целого ряда языков, начиная с прототипических тактосчитающих (английский, нидерландский, немецкий, тайский) и кончая прототипическими слогосчитающими (испанский, итальянский, французский) были получены показатели индекса, определяющие их место в такой шкале [Бурая, 2014; Сокорева, 2014; Шевченко, 2013]. Можно отметить, что место русского языка, который традиционно считается тактосчитающим языком, мало занимало современных исследователей, и только в одной работе мы обнаружили установленное для него место где-то в середине шкалы, рядом с турецким языком. Стало ясно, что фонологическая композиция английского слога, включающая как напряженные долгие гласные, так и ненапряженные краткие, даёт более высокие показатели вариативности сопоставляемых слогов, то есть более выраженный тактосчитающий ритм, чем в русском языке, что очень важно для обучения английскому произношению.

Наряду с типологическим направлением, включающим в сферу своих интересов диалекты Великобритании и «новые английские языки», возникшие на территориях её бывших колоний, метод PVI оказался продуктивным для изучения ритма диалектов в диахронии, например для описания ритма афроамериканцев по сравнению с ритмом речи африканских рабов начала века [Thomas, Carter, 2006], или для выявления тенденций развития ритма речи белого и коренного населения в Новой Зеландии [Szakay, 2006; Бурая, 2014; Шевченко, 2016]. Тенденции развития ритма, однако, предполагают при отсутствии записей речи более ранних периодов бытования языка на данной территории сопоставление данных синхронного характера по принципу «видимого времени». Это значит, что сопоставляются ритмические характеристики речи

разных поколений, на основании чего делают выводы о развитии языка. Ограниченность такого метода состоит в том, что ритм речи молодого поколения соответствует определённому этапу усвоения просодической системы языка и отражает его возрастную специфику. Иными словами, в отличие от сопоставления реальных записей разных периодов жизни одного человека или одной и той же группы людей, как это происходит в долговременных экспериментах, межгрупповые (interpersonal) возрастные различия включают в себя и внутриличностную (intrapersonal) часть, которая и составляет предмет нашего анализа.

Внутриличностное развитие просодической системы происходит, как известно, вместе с освоением родного языка, когнитивным и физическим развитием личности в процессе социализации [Шевченко, 2011]. При этом роль ритма отмечается исследователями как определяющая для усвоения акцентных моделей языка, для восприятия и речепроизводства. Американские исследователи детской речи полагают, что просодия тактосчитающего ритма формируется у детей к шести годам [Vihman, 2015]. Учитывая, что первоначально младенцам доступен только слоговой ритм, можно понять, почему четырехлетние французские дети говорят так, как их мамы, в то время, как англоговорящие дети должны пройти еще двухлетний путь тренировки и ритмической настройки на тактосчитающую модель двусложных слов [Grabe et al., 1999]. К счастью, это не мешает им успешно общаться, поскольку в английском языке чуть больше половины слов, по крайней мере в их репертуаре, – 52% слов – односложные [Vihman, 2015]. Судя по литературе, развитие ритма после детства останавливается. А между тем, вместе со всей просодической системой ритмотемпоральные показатели, на наш взгляд, меняются: совершенствуются либо затухают, о чём свидетельствуют предварительные эксперименты второго автора [Сокорева, 2014].

В отношении развития всей просодической системы языка тактосчитающего типа с возрастом мы также располагаем данными немецких, американских и российских фонетистов, которые, тем не менее, не однозначны [Helfrich, 1979 ; Linville, 2001; Jacewicz et al., 2009 ; Шевченко, 2008]. Так, например, даже для определения направления жизненной траектории развития темпа речи существуют различные данные о замедлении темпа с возрастом: одни считают, что это связано со скоростью артикуляции, а другие утверждают, что этот эффект зависит от увеличения пауз; третьи полагают, что оба момента объединяются в том, что называется темпом речи [Шевченко, 2008]. Не менее противоречивым оказались данные по разным поколениям: в интервью молодые американцы в возрасте 19 лет растягивали безударные слоги в конце интонационных фраз, что в целом давало значительное замедление скорости артикуляции; даже пожилые люди сокращали время звучания слогов относительно молодых в этом стиле речи, увеличивая только длительность пауз [Романова et al., 2010]. В другом масштабном эксперименте стилистическое различие пересекалось с гендерным: молодые мужчины говорили медленнее, чем женщины, но читали быстрее [Jacewicz et al., 2009].

На основании приведенных данных в настоящем исследовании считаем необходимым обеспечить единство материала по целому ряду стили-

стических и социофонетических факторов, условий записи и методов анализа речевого ритма.

2. Методология

Корпус. Экспериментальный материал был взят из лингвистического корпуса американской диалогической речи «Switchboard 1» [Godfrey & Holliman, 1993], из его бесплатного образца на сайте LDC (Linguistic Data Consortium). Данный корпус впервые был создан в начале 90-х годов компанией «Texas Instruments» и стал распространяться LDC с 1993 года.

Корпус представляет собой собрание более 2400 телефонных разговоров между 543 собеседниками (302 мужчин и 241 женщина), проживающих в разных регионах США. Отбор собеседников и тем для разговора проводился компьютером при соблюдении двух правил: никто не разговаривал с одним и тем же собеседником дважды, и никто не использовал одну и ту же тему дважды.

У каждого собеседника определён возраст (молодой – 20–39 лет; средний – 40–59 лет; старший – 60–69 лет), дана дата рождения, уровень образования (college – выпускник колледжа; some graduate – выпускник университета; High School – выпускник старших классов средней школы; PHD – доктор наук) и регион происхождения (South Midland, North Midland, Western, Northern, Southern, New York, New England). Каждый разговор снабжен скриптом.

Отбор материала. Для данного анализа был отобран материал, состоящий из реплик 102 человек (51 мужчина и 51 женщина), нормированный по времени – по одной минуте разговора для каждого участника, всего 102 мин. Из этого объёма материала для решения поставленных задач настоящего исследования были отобраны фразы из начала разговора каждого из 102 информантов, нормированные по количеству слогов – 21 слог в речи каждого человека, всего 2142 слога. Количество дикторов было сбалансировано не только по гендеру, но и по регионам проживания, так, чтобы количество жителей Юга и Южного Мидленда было равно количеству жителей северных штатов.

Аудиторский анализ. Три фонетиста с большим опытом экспериментальной работы разместили границы интонационных фраз, паузы, ударения. Уровень согласия между аудиторами относительно локализации ударений – 91,5%. Необходимо отметить, что выделенные в потоке речи слоги являются по своему составу открытыми, так как, согласно С. В. Андросовой, в американском варианте английского языка, в частности в спонтанной речи, прослеживается универсальная тенденция к образованию открытых слогов [Андросова, 2013].

Компьютерный анализ. Все образцы речи были проанализированы при помощи программы Praat 5.3.03 [Boersma & Weenik, 2015] Электронно-акустические измерения включали следующие группы параметров.

I. Длительность (мс):

1) длительность акцентных групп (стоп);

- 2) длительность ударных слогов;
- 3) средняя длительность безударных слогов каждой акцентной группы (длительность всех безударных слогов, разделенная на их количество);
- 4) соотношение длительности ударного слога к средней длительности безударных слогов.

II. ЧОТ (Гц):

- 1) ЧОТ макс ударных и безударных слогов;
- 2) ЧОТ мин ударных и безударных слогов;
- 3) диапазон ЧОТ ударных и безударных слогов (пт).

III. Интенсивность (о.е.):

- 1) максимальная интенсивность в ударных и безударных слогах;
- 2) минимальная интенсивность в ударных и безударных слогах;
- 3) диапазон интенсивности в ударных и безударных слогах.

Статистический анализ. Полученные данные усреднялись по группам: молодой возраст (20–39), средний возраст (40–59), старший возраст (60–69), отдельно по группам мужчин и женщин. Статистическая значимость выявленных тенденций проверялась с помощью статистических программ Minitab 16.2.2 и ANOVA (двухфакторный дисперсионный анализ) и коэффициента корреляции Спирмана (Spearman's rho). Выявлялась значимость результатов сопоставительного анализа в группах (ANOVA), а также корреляция индивидуальных акустических показателей 102 информантов с их возрастом по датам рождения (Spearman's coefficient). Результаты дисперсионного и корреляционного анализов внесены в таблицы.

Вариативность акустических показателей измерялась методом PVI. Анализ индекса вариативности, нормированного по темпу (nPVI), вычислялся по следующей формуле:

$$nPVI = \frac{100}{m-1} \times \sum_{m-1}^{k=1} \frac{d_k - d_{k+1}}{(d_k + d_{k+1})/2}$$

где m – количество интервалов в высказывании, dk – длительность / значение ЧОТ / значение интенсивности k -го интервала.

3. Результаты анализа и обсуждение

В описании результатов всех этапов анализа мы сосредоточимся на тех показателях, которые оказались статистически значимы.

3.1. Длительность

Показатели длительности ударных и безударных слогов в трёх возрастных группах, отдельно по подгруппам мужчин и женщин, свидетельствуют о том, что по сравнению с молодым возрастом длительность ударных слогов значительно возрастает в группе среднего возраста и менее заметно – в группе старшего возраста относительно среднего. Эта тенденция не прослеживается в изменениях безударных слогов (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Средняя длительность ударных и безударных слогов (мс) и их соотношение

	<i>Молодой возраст</i>		<i>Средний возраст</i>		<i>Старший возраст</i>	
	<i>Ударн. слог</i>	<i>Безударн. слог</i>	<i>Ударн. слог</i>	<i>Безударн. слог</i>	<i>Ударн. слог</i>	<i>Безударн. слог</i>
<i>Женщины</i>	252	180	280	178	285	195
	1.4:1		1.57:1		1.46:1	
<i>Мужчины</i>	226	166	264	175	267	169
	1.36:1		1.51:1		1.58:1	

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) показали, что увеличение средней длительности ударных слогов с возрастом статистически значимо ($DF = 2$ $F = 7,12$ $p = 0,001$) и зависит от пола говорящего ($DF = 1$ $F = 4,36$ $p < 0,05$). Далее посредством коэффициента корреляции Спирмана было установлено, что существует сильная отрицательная корреляция между возрастом говорящего (датой его рождения) и длительностью ударных слогов ($\rho = -,319$ $p = 0,01$); для безударных слогов такая корреляция не установлена.

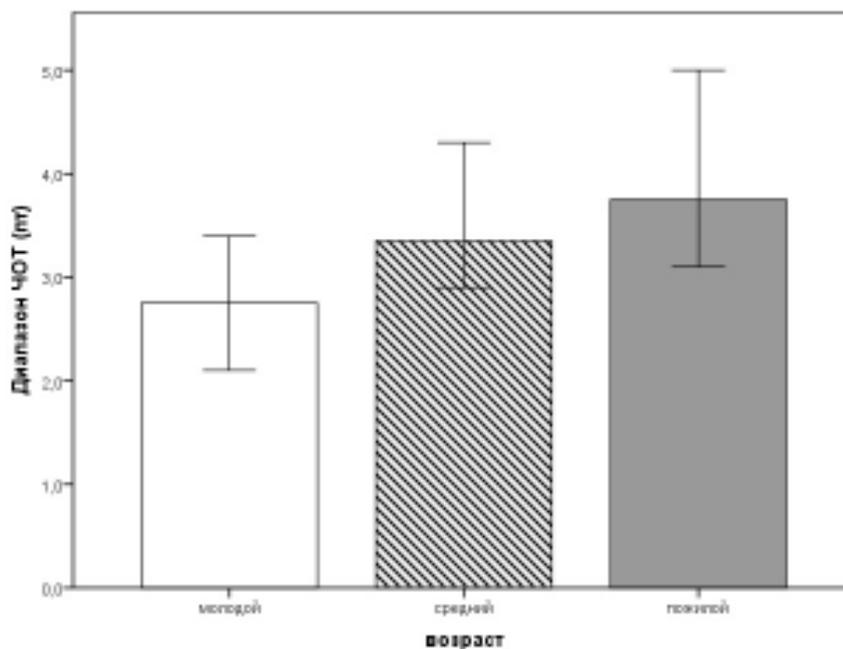
Следовательно, мы установили, что по мере взросления, что особенно характерно для перехода от молодого возраста к среднему, и далее по мере старения темп речи значимо замедляется за счёт ударных слогов. Поскольку в нашем исследовании важным моментом является выделенность ударных слогов относительно безударных, мы можем констатировать, судя по усредненным данным (см. табл. 1), что намечается тенденция к увеличению этого соотношения с возрастом, причём у женщин эта тенденция заметнее в среднем возрасте (1,41:1, 1,57:1, 1,46:1), а у мужчин – в старшем (1,36:1, 1,51:1, 1,58:1). Статистический корреляционный анализ по Спирману, однако, показал, что эта зависимость не значима.

3.2. ЧОТ

Как и следовало ожидать, средние значения ЧОТ проявляют тенденцию к понижению с возрастом, что согласуется с данными практически всех исследователей, при этом, естественно, максимальные значения ЧОТ в женских группах выше, чем в группах мужчин [Helfrich, 1979 ; Linville, 2001 ; Шевченко, 2010]. Средние значения ЧОТ в ударной и безударной позициях в словах имеют большую вариативность: в случае, когда в слогe реализуется восходящий тон, безударные слоги произносятся на более высоком уровне, чем безударные. Двухфакторный дисперсионный анализ ЧОТ макс. в качестве зависимой переменной показал значимый эффект фактора возраст ($DF = 2$ $F=3,04$ $p=0,52$) и фактора гендер ($DF=1$ $F=193,54$ $p<0,000$). В безударных слогах ЧОТ макс. также значимо меняется с возрастом ($DF=2$ $F=6,54$ $p<0,05$) и в зависимости от пола говорящего ($DF=1$ $F=206,10$ $p<0,000$). Мы устанавливаем, следовательно, что максимальные

показатели ЧОТ в ударных и безударных слогах значительно уменьшаются, а контраст по высотным характеристикам между ударными и безударными слогами сохраняется.

Самой выразительной и надёжной высотной характеристикой, которая благоприятствует сохранению и даже увеличению выделенности ударных слогов относительно безударных, как показали наши данные, является диапазон ЧОТ (рис. 1).

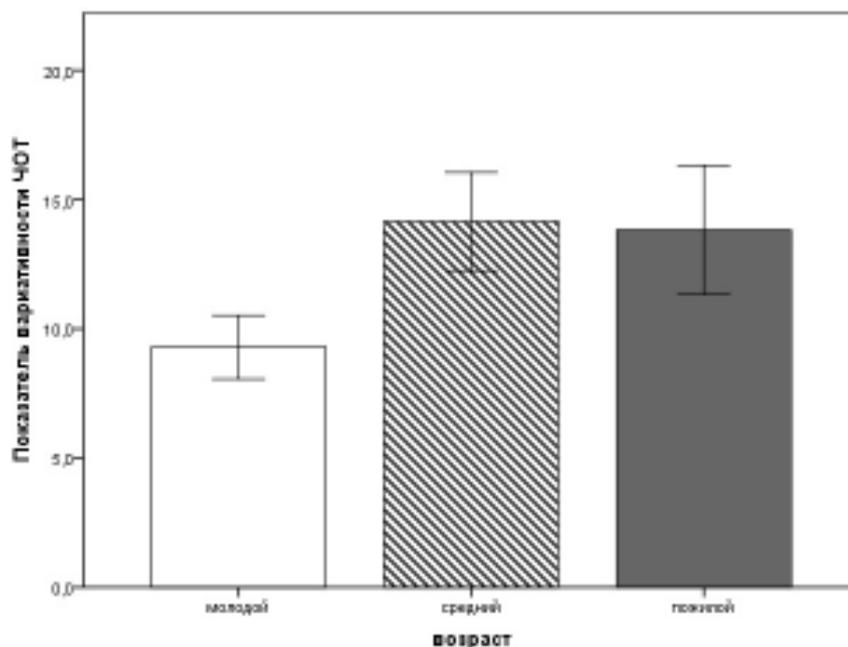
Р и с у н о к 1. Диапазон ЧОТ в трех возрастных группах

Значимо влияние фактора возраст на диапазон ЧОТ в ударных слогах ($DF=2$ $F=3,92$ $p<0,05$), а в безударных слогах значимо воздействие и возраста ($DF=2$ $F=3,86$ $p<0,05$), и гендера ($DF=1$ $F=4,06$ $p<0,05$).

Корреляционный анализ по индивидуальным показателям диапазона ЧОТ и датам рождения 102 человек (по Спирману) также показал сильную отрицательную корреляцию диапазона ЧОТ и даты рождения ($-0,335$ $p=0,01$). Это значит, что чем моложе человек, тем уже его диапазон.

В пределах рассмотрения частотных характеристик необходимо отметить результаты применения метода PVI для выявления характера вариативности ЧОТ макс. как показателя значимых индивидуальных изменений максимальных показателей, соотносимых с датой рождения носителя языка. Действительно, негативная корреляция по Спирману ($-0,286$ $p=0,01$) свидетельствует о том, что с возрастом вариативность максимального уровня ЧОТ увеличивается. Этот факт допускает два толкования: с одной стороны, большая вариативность акустических показателей от слога к слогу является показателем тактосчитающего ритма, что было показано предшественниками на шкале PVI по длительности [Dauer, 1983; Low, et al., 2000;

White & Mattys, 2007], а с другой стороны, в работе Линвилл она представлена как характеристика речи пожилых людей, для которых типична «нестабильность» [Linville2001].

Р и с у н о к 2. Вариативность ЧОТ макс. в трёх возрастных группах

3.3. Интенсивность

Максимальная и минимальная интенсивность измерялась в каждом слоге, ударном и безударном, после чего вычислялся диапазон интенсивности для каждого слога и средние показатели по трём возрастным группам. Статистические тесты, однако, не показали значимости ни одного из параметров, за исключением контраста максимальных показателей интенсивности в ударных слогах относительно максимумов интенсивности в безударных слогах: ANOVA тест показал, что этот контраст значимо растёт с возрастом ($DF=2$ $F=4,50$ $p<0,01$). Метод корреляции дат рождения с индивидуальными показателями по Спирману, однако, не подтвердил значимость возраста для усиления контраста по интенсивности.

Интенсивность, таким образом, оказалась на данном материале телефонных переговоров малоинформативной, что ожидаемо, учитывая ограничения по громкости, известные для данного канала связи.

4. Заключение

Выполненное сопоставление трёх возрастных групп носителей американского варианта английского языка по показателям длительности, высотным показателям и интенсивности в акцентируемых (ударных) слогах на фоне безударных слогов позволило выявить и описать просодические

средства сохранения и усиления признаков тактосчитающего ритма с возрастом в данном стиле на основании его проявления в первых фразах телефонного разговора.

Статистические тесты подтвердили значимость следующих показателей усиления признаков тактосчитающего ритма с возрастом:

- 1) увеличение длительности ударных слогов;
- 2) увеличение диапазона голоса при понижении максимальных показателей ЧОТ;
- 3) увеличение вариативности максимальных показателей ЧОТ.

Тот факт, что оптимизация просодических средств акцентуации происходит одновременно с развитием, а затем и затуханием физических возможностей человека, его социальной и языковой практикой, позволяет на каждом этапе человеческой жизни оценить значение происходящих изменений. Очевидно, что основной функцией акцентуации в дискурсе должна оставаться способность привлекать внимание к самым информативным частям высказывания, обеспечивающим распознавание слов, понимание речи. Ритм как регулярность чередования сильных и слабых элементов, ритм как периодичность и предсказуемость способствует выполнению этой задачи благодаря выделению акцентуируемых (ударных) слогов. Сохранение этой способности было доказано в данной работе.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Андросова Светлана Викторовна; Амур. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2013. – 40 с.
2. Бурая, Е. А. Ритмические средства выражения социальной и национальной идентичности [Текст] / Е. А. Бурая // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия Языкознание. Фонетика: проблемы и перспективы. – 2014. – Вып. 1(687). – С. 33–43.
3. Романова, Е. Ю. Просодия и возраст: опыт статистического анализа американской речи [Текст] / Е. Ю. Романова, Н. А. Садовникова, Т. И. Шевченко // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия Языкознание. Фонетика и фонология дискурса. – 2010. – Вып. 1 (580). – С. 143–153.
4. Сокорева, Т. В. Опыт сопоставления различных методик изучения ритма (на материале речи американских женщин) [Текст] / Т. В. Сокорева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия Языкознание. Фонетика: проблемы и перспективы. – 2014. – Вып. 1(687). – С. 233–251.
5. Шевченко, Т. И. Комбинаторика просодических параметров темпа американской речи: социокультурный аспект [Текст] / Т. И. Шевченко // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова [ред. кол.: А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 681–689.
6. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка [Текст] / Т. И. Шевченко. – Дубна: Феникс+, 2011. – 256с.

7. Шевченко, Т. И. Типология ритма: теоретические и прикладные аспекты [Текст] / Т. И. Шевченко // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики : сб. статей к юбилею О. Ф. Кривновой / [отв. ред. А. В. Архипов, И. М. Кобозева]. – М. : ООО «Буки-Веди», 2013. – С. 436–444.
8. Шевченко, Т. И. Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. Изд. 2-е, доп. [Текст] / Т. И. Шевченко. – М. : ЛЕ-НАНД, 2016. – 240 с.
9. Шевченко, Т. И. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика [Текст] / Т. И. Шевченко, Н. А. Садовникова, Л. Н. Сибилева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия Языкознание. Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – 2012. – Вып. 1 (634). – С. 175–187.
10. Articulation rate across dialect, age and gender [Text] / E. Jacewicz, R. Fox, C. O'Neil, J. Salmons // Language variation and change. – 2009. – Vol. 21. – N 2. – P. 233 – 251.
11. Boersma, P. Praat: doing phonetics by computer : Computer program. Version 5.3.80 [Electronic resource] / P. Boersma, D. Weenink. – Retrieved 05 April 2015 from <http://www.praat.org/>.
12. Cutler, A. Lexical Stress in English Pronunciation / ed. by M. Reed, J. M. Levis [Text] / A. Cutler // The Handbook of English Pronunciation. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 106–124.
13. Dauer, R. M. Stress-timing and syllable-timing reanalyzed [Text] / R. M. Dauer // Journal of Phonetics. – 1983. – Vol. 11. – No 1. – P. 51–62.
14. Godfrey, J. Switchboard-1 Release 2 LDC97S62 : Web Download [Electronic resource] / J. Godfrey, E. Holliman. – Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 1993.
15. Grabe, E. The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French [Text] / E. Grabe, B. Post, I. Watson // Proceedings ICPHS, San Francisco, 1999 – P. 1201–1204.
16. Helfrich, H. Age markers in speech [Text] / H. Helfrich // Social markers in speech / ed. by K. Scherer, H. Giles. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – P. 63–93.
17. Linville, S. E. Vocal Aging [Text] / S. E. Linville. – Singular Publishing Group, San Diego, 2001. – 320 p.
18. Low, E. L. Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English [Text] / E. L. Low, E. Grabe, F. Nolan // Language and Speech. – 2000. – Vol. 43. – N 4. – P. 377–401.
19. Szakay, A. Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English [Electronic resource] / A. Szakay // Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology / ed. by P. Warren and C. Watson. – 2006. – Retrieved from : 137.82.103.200/.../sites/.../szakay-assta06.p.
20. Thomas, E. R. Prosodic rhythm and African American English [Text] / R. E. Thomas, Ph. M. Carter // English World-Wide. – 2006. – Vol. 27. – No 3. – P. 331–355.
21. Vihman, M. M. Acquisition of the English Sound System [Text] / M. M. Vihman // The Handbook of English Pronunciation / ed. by M. Reed & J. M. Levis. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 333–354.

22. White, L. Rhythmic Typology and Variation in First and Second Languages [Electronic resource] / L. White, S. L. Mattys. – 2007. – Retrieved from: eis.bris.ac.uk/.../White_Mattys_2007b.pdf.

References

1. Androsova, S. V. (2013). *Akusticheskie i perceptivnye korrelyaty cel'nooformlennosti sloga (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoj spontannoju rechi)*. Avtoref. Dis. ... doct filol. Nauk [Acoustic and perceptual correlates of syllable cohesion (experimental study of American spontaneous speech). Author's abst. Dr. Philol. sci. diss.]. St.-Petersburg.
2. Buraja, E. A. (2014). Ritmicheskie sredstva vyrazhenija social'noj i nacional'noj identichnosti [Rhythmic means of expressing social and national identity]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics. Phonetics: Problems and perspectives*, 1 (687), 33–43.
3. Romanova, E. U., Sadovnikova, N. A., Shevchenko, T. I. (2010). Prosodija i vozrast: opyt statisticheskogo analiza amerikanskoj rechi [Prosody and age: a statistical study of American speech]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics. Phonetics and Phonology of Discourse*, 1 (580), 143–153.
4. Sokoreva, T. V. (2014). Opyt sopostavlenija razlichnyh metodik izuchenija ritma (na materiale rechi amerikanskih zhenshhin) [Comparing different methods of rhythm analysis (based on American female speech)]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics. Phonetics and Phonology of Discourse*, 1 (580), 233–251.
5. Shevchenko, T. I. (2008). Kombinatorika prosodicheskikh parametrov tempa amerikanskoj rechi: sociokul'turnyj aspekt [Combinability of prosodic parameters of tempo in American speech: Sociocultural aspect]. *Phonetics and non-phonetics: For the 70th birthday of Sandro V. Kodzasov*. Ed. by A. V. Arkhipov, L. M. Zakharov, A. A. Kibrik et al. Moscow : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008.
6. Shevchenko, T. I. (2011). *Fonetika i fonologija anglijskogo jazyka* [Phonetics and phonology of the English language]. Dubna : Feniks+.
7. Shevchenko, T. I. (2013). Tipologija ritma: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Typology of rhythm: Theoretical and applied aspects]. *Aktual'nye voprosy teoreticheskoi i prikladnoj fonetiki* [Current Issues of Theoretical and Applied Phonetics] : Selected Articles to the Jubilee of O. F. Krivnova. Ed. by A. V. Arkhipov, I. M. Kobozeva. Moscow : «Buki-Vedi».
8. Shevchenko, T. I. (2016). *Sociofonetika: nacional'naja i social'naja identichnost' v anglijskom proiznoshenii* [Sociophonetics: National and social identity of English pronunciation]. 2nd ed. Moscow : LENAND.
9. Shevchenko, T. I., Sadovnikova, N. A., Sibileva, L. N. (2012). Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyj podhod i statistika [Rhythm and Meaning in the Prosody of Discourse: a Cognitive Approach and Statistics]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics. Phonetics, Phonology and Intercultural Communication*, 1 (634), 175–187.
10. Boersma, P., Weenink, D. (2015). *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 5.3.80, retrieved 05 April 2015 from <http://www.praat.org/>.
11. Cutler, A. (2015). Lexical Stress in English Pronunciation. Ed. by M. Reed, J. M. Levis. *The Handbook of English Pronunciation*. Oxford : Wiley Blackwell, 106–124.

12. Dauer, R. M. (1983). Stress-timing and syllable-timing reanalyzed. *Journal of Phonetics*, 11 (1), 51–62.
13. Godfrey, J., Holliman, E. (1993). Switchboard-1 Release 2 LDC97S62. Web Download. *Philadelphia: Linguistic Data Consortium*. retrieved from <https://www ldc.upenn.edu/collaborations/past-projects/gale/data/gale-pubs>
14. Grabe, E., Post, B., Watson, I. (1999). The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French. *Proceedings ICPHS*, San Francisco, 1201–1204.
15. Helfrich, H. (1979). Age markers in speech. *Social markers in speech*. Ed. by K. Scherer, H. Giles. Cambridge : Cambridge University Press, 63–93.
16. Jacewicz, E., Fox, R., O’Neil, C., Salmons, J. (2009). Articulation rate across dialect, age and gender. *Language variation and change*, 21 (2), 233–251.
17. Linville, S.E. (2001). *Vocal Aging*. San Diego : Singular Publishing Group.
18. Low E. L., Grabe E., Nolan F. (2000). Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English. *Language and Speech*, 43 (4), 377–401.
19. Szakay, A. (2006). Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English. *Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology*. Ed. by P. Warren and C. Watson. Retrieved from : 137.82.103.200/.../sites/.../szakay-assta06.p.
20. Thomas, E. R., Carter, Ph. M. (2006). Prosodic rhythm and African American English. *English World-Wide*, 27 (3), 331–355.
21. Vihman, M. M. (2015). Acquisition of the English Sound System. M. Reed, J. M. Levis. *The Handbook of English Pronunciation*. Oxford : Wiley Blackwell, 333–354.
22. White, L., Mattys, S. L. (2007). *Rhythmic typology and variation in first and second languages*. Retrieved from : eis.bris.ac.uk/.../White_Mattys_2007b.pdf.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: androsova_s@mail.ru

Гусева, Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: s_guseva@mail.ru

Каплина Светлана Евгеньевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков инженерно-технического направления, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Российская Федерация, e-mail: kse2000@list.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Кравченко Евгения Викторовна, магистрант кафедры китаеведения факультета международных отношений Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Ловтsevич Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: lovtsevich.gn@dvfu.ru

Наумов, Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Питерская Снежана Эдуардовна, ассистент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация, e-mail: sne5299@yandex.ru

Сокорева Татьяна Викторовна, соискатель, старший преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

Трифонов Александр Сергеевич, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: aleksander.s.t@live.com

Чжан Цзяньвэнь, аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Хэйхэ, КНР, e-mail: 5544060@qq.com

Шайдуллина Диана Султановна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: needle__91@mail.ru

Шатравка Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения факультета международных отношений Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: ashatravka@mail.ru

Шевченко Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики английского языка факультета гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: androsova_s@mail.ru

Svetlana I. Guseva, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: s_guseva@mail.ru

Svetlana E. Kaplina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Foreign Languages Department for Engineering, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: kse2000@list.ru

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Evgeniya V. Kravchenko, Master student, Department of Chinese Studies, Faculty of International Relations, Amur State University, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Philology, Associate professor, the Head of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: lovtsevich.gn@dvfu.ru

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, St.-Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Snejana E. Piperskaya, Teaching assistant, Department of International Law and International Relations, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: sne5299@yandex.ru

Tatiana V. Sokoreva, Senior lecturer, Department of English Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

Alexander S. Trifonov, PhD student, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: aleksander.s.t@live.com

Zhan Jianwen, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Heihe, China, e-mail: 5544060@qq.com

Diana S. Shaydullina, PhD student, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: needle__91@mail.ru

Anna V. Shatravka, PhD in Philology, Associate professor, Department of Chinese Studies, Faculty of International Relations, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: ashatravka@mail.ru

Tatiana I. Shevchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of English Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: tatashevchenko@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Андросова С. В.</i>	Проблемные аспекты формирования навыков создания англоязычного научного текста российскими студентами и аспирантами	5
<i>Гусева С. И. Чжан Цзяньвэнь</i>	Восприятие китайской коммерческой радиорекламы: вербально-семантический фильтр	18
<i>Каплина С. Е.</i>	Использование организационно-деятельностных игр в процессе обучения иностранному языку студентов инженерных специальностей	33
<i>Кравец Т. В.</i>	Создание мультимедийного корпуса звучащей речи амурских эвенков: цели, задачи, методы и перспективы	41
<i>Ловцевич Г. Н. Трифонов А. С.</i>	Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении	50
<i>Наумов В. В.</i>	«Он слишком свет, чтоб не пойти за тьмой...». Социолингвистическая ситуация на постсоветском пространстве	63
<i>Питерская С. Э.</i>	Психологические особенности студентов-билингвов в условиях межкультурной коммуникации	73
<i>Трифонов А. С.</i>	Основные параметры типологизации учебных словарей	80
<i>Шайдулина Д. С.</i>	Особенности восприятия акцентной английской речи в ситуации синхронного перевода	91
<i>Шатравка А. В. Кравченко Е. В.</i>	Основные способы обозначения примерного количества в современном китайском языке	101
<i>Шевченко Т. И. Сокорева Т. В.</i>	Английский ритм как выделенность ударных слогов (корпусный анализ влияния возраста и гендера)	109
<i>Информация об авторах</i>		121

CONTENTS

Original Papers

<i>Androsova S. V.</i>	Challenging issues of creating a scientific text in English by Russian Bachelor, Master and PhD students	5
<i>Guseva S. I., Zhan Jianwen</i>	The perception of Chinese radio advertising: Verbal-semantic filter	18
<i>Kaplina S. E.</i>	The use of organizational activity games in the process of teaching foreign language the students with major in engineering	33
<i>Kravets T. V.</i>	Creating multimedia corpus of oral speech of the Amur Evenki: objectives, tasks, methods and perspectives	41
<i>Lovtsevich G. N., Trifonov A. S.</i>	Terminological definition within the framework of traditional and sociocognitive terminology	50
<i>Naumov V. V.</i>	«It is too much of light not to follow the darkness ...». Post-soviet sociolinguistic situation	63
<i>Piterskaya S. E.</i>	Psychological features of bilingual students in cross-cultural communication	73
<i>Trifonov A. S.</i>	Basic parameters for classification of the learner's dictionaries	80
<i>Shaydullina D. S.</i>	The peculiarities of accented English speech perception during simultaneous interpretation	91
<i>Shatravka A. V., Kravchenko E. V.</i>	The main ways to refer to approximate number in modern Chinese	101
<i>Shevchenko T. I., Sokoreva T. V.</i>	English rhythm as prominence of accented syllables (a corpus study of age and gender effects)	109
<i>Our authors</i>		121

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2, No 1, 2016.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.03.16. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500. Заказ 689.
Отпечатано в типографии АмГУ.